

Д 0
Ж. 92

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦИИ.

1860.

АВГУСТЪ.

Проверено 1964 г.

-- МАЙ 2008

СПбГУ

СПБГУ

Проверено 13.08.14

СЛОВО

Август 1860

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

*I. Постановленія по судебной части, обнару-
дованныя въ теченіе іюня 1860 года.*

1.) Относительно представленія министрами и главноуправляющими отдѣльными частями Его Императорскому Величеству всеподданныйших докладовъ о лицахъ, состоящихъ сенаторами и занимающихъ должности въ подвѣдомственныхъ или частяхъ.

государь императоръ Высочайше повелѣлъ дозволить объявить чрезъ Правительствующій Сенатъ повелѣніе его императорскаго величества о томъ, чтобы все министры и гла-

Ж. М. Ю. Т. В. Ч. I.

вноуправляющіе отдѣльными частями не представляли его величеству всеподданнѣйшихъ докладовъ относительно лицъ, состоящихъ сенаторами, хотя бы они занимали должности въ подвѣдомственныхъ имъ частяхъ, безъ предварительнаго по предметамъ докладовъ сношенія съ министромъ юстиціи, для включенія отзывовъ его въ самые доклады.

2.) Объ увеличеніи 57 процентами жалованья собственно по межевому корпусу.

государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра государственныхъ имуществъ, въ 27-й день минувшаго апрѣля и 4-го мая Всемилостивѣйше соизволилъ: 1., На увеличеніе 57 процентами жалованья собственно по межевому корпусу: а.) состоящимъ при управляющемъ межевымъ корпусомъ межевымъ чинамъ и канцеляріи его, что составитъ до 5,263 руб. 27 коп.; б.) Межевой канцеляріи, съ ея отдѣленіями и гражданскимъ межевымъ чинамъ, что составитъ до 39,193 руб. 20 коп., и в.) директору и канцеляріи Константиновскаго межеваго института, что составитъ до 1,463 руб. 19 коп., всего же до сорока пяти тысячъ девяти сотъ девятнадцати руб. шестидесяти шести коп., и 2. Расходъ этотъ, по предварительному сдѣланному уже соглашенію съ министромъ финансовъ, отнести съ 1861 года на государственное казначейство; въ текущемъ же 1860 году обратить потребныя на то издержки, по расчету съ 1-го мая, на межевые капиталы, въ количествѣ тридцати тысячъ семи сотъ рублей.

3.) *Объ изданіи первой части четвертаго продолженія къ своду законовъ изд. 1857 г.*

23 іюня 1860 г. предложено Правительствующему Сенату, для обнародованія, удостоенное одобренія его императорскаго величества первая часть (№. 1) четвертаго продолженія къ св. зак. изд. 1857 года.

4.) *О назначеніи къ генераль-губернатору Восточной Сибири младшаго межеваго ревизора.*

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ слѣдствіе представленія генераль-губернатора Восточной Сибири, согласно положенію Сибирскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: 1., назначить къ генераль-губернатору восточной Сибири, для исполненія порученій по межевой части въ томъ краѣ, особенно же въ Амурской и Приморской областяхъ, младшаго межеваго ревизора, съ присвоеніемъ ему содержанія, наравнѣ съ такими же ревизорами при управляющемъ межевымъ корпусомъ, именно: жалованья 897 руб. 79 коп., столовыхъ 285 руб. 90 коп. и квартирныхъ 142 руб. 85 коп., а всего тысячи трехъ сотъ двадцати шести рублей пятидесяти четырехъ копѣекъ сереб. въ годъ, и 2., потребный на сіе расходъ отнести на тотъ же источникъ, изъ котораго производится содержаніе межевымъ ревизорамъ, состоящимъ при управляющемъ межевымъ корпусомъ.

II. Высочайшіе Именные указы, данныя Правительствующему Сенату.

1. О предоставленіи титулярнымъ совѣтникомъ Павломъ Щербининымъ имѣнія своего въ пожизненное владѣніе жены.

Списходя на всеподданнѣйшее прошеніе титулярнаго совѣтника Павла Щербинна, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ему родовое имѣніе, состоящее Харьковской губерніи и Харьковскаго уѣзда въ селѣ Филипповѣ и деревняхъ: Ледной и Яковлевкѣ, населенныхъ по 10-й ревизіи 905 мужскаго пола крестьянами, со всѣми принадлежащими къ сему имѣнію землями и угодьями, передать, послѣ смерти, въ пожизненное владѣніе жены его, Марьи Щербининой, урожденной Скварь, отказавшейся отъ слѣдующей ей изъ сего имѣнія указной части, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава сего имѣнія и съ обязанностию уплачивать лежащія на ономъ казенныя и частныя долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія имѣнія, дозволяется Щербининой залогъ и перезалогъ онаго въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, и въ томъ

размѣръ, который признанъ будетъ Сенатомъ соотвѣтствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти обоихъ супруговъ, имѣніе это должно поступить къ законнымъ наслѣдникамъ Щербинина, если имъ не будетъ объ ономъ сдѣлано особаго распоряженія на точномъ основаніи существующихъ узаконеній. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною его императорскаго величества рукою написано: «АЛЕКСАНДЪ»

22 мая 1860 г.

2) *О новыхъ правахъ иностранцевъ постоянно или временно въ Россіи проживающихъ.*

«Манифестомъ 1-го января 1807-го года постановлены нѣкоторыя ограниченія въ правахъ по торговлѣ иностранцевъ, постоянно или временно въ Россіи пребывающихъ. Нынѣ, при постепенномъ усовершенствованіи способовъ сообщенія и при быстромъ развитіи международныхъ торговыхъ сношеній, сіи ограниченія не соотвѣтствуютъ уже потребностямъ времени. Съ другой стороны, въ главнѣйшихъ Европейскихъ государствахъ дозволяется подданнымъ Нашимъ, какъ и всѣмъ вообще иностранцамъ, заниматься коммерческими дѣлами на одинаковыхъ съ природными жителями правахъ. Принимая въ уваженіе то полезное вліяніе, которое можетъ имѣть на всѣ отрасли народнаго богатства доставленіе болѣе удобства пользоваться въ предпріятіяхъ всякаго рода и иностранными ка-

пталами, и желая явить новый знак Нашей особенной заботливости о преуспѣяніи торговли, земледѣлія и промышленности вообще въ Имперіи, а также оказать иностраннымъ Державамъ справедливое взаимство, Мы признали за благо даровать пребывающимъ въ Россіи иностранцамъ такія же въ семь отношеніи права, какими пользуются уже Наши подданные въ главнѣйшихъ Европейскихъ государствахъ.

Въ слѣдствіе того, согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, повелѣваемъ:

1.) Иностранцамъ дозволяется вступать во всѣ купеческія гильдіи наравнѣ съ природными подданными Имперіи, и за тѣмъ пользоваться всѣми торговыми по гильдіямъ правами, предоставленными русскому купечеству (ст. 77—107 уст. торг. св. зак. изд. 1857 г. т. XI).

Примѣчаніе 1-е. Приѣзжающимъ въ Россію изъ за границы евреямъ, иностраннымъ подданнымъ, извѣстнымъ по своему положенію въ обществѣ и по обширнымъ торговымъ оборотамъ, дозволяется, по существующему порядку, то есть на основаніи особаго по усмотрѣнію министровъ: финансовъ, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, каждый разъ на сіе разрѣшенія, производить въ Имперіи торговлю и учреждать банкирскія конторы, съ полученіемъ торговаго свидѣтельства по первой гильдіи. Сямъ собственно евреямъ дозволяется также устройство фабрикъ, пріобрѣтеніе и наемъ недвижимыхъ недвижимыхъ имуществъ, на точномъ основаніи постановляемыхъ настоящимъ указомъ правилъ.

Примѣчаніе 2-е. Права, предоставляемыя азіатцамъ по торговлѣ, опредѣляются въ статьяхъ 227—233 устава торговаго (св. зак. изд. 1857 г. т. XI).

2.) Жилища и магазины иностранцевъ и всѣ принадлежащія къ онымъ земли охраняются покровительствомъ общихъ законовъ. Къ обыску ихъ домовъ и къ разсмотрѣнію ихъ купеческихъ книгъ можетъ быть приступаемо не иначе, какъ на основаніи тѣхъ же правилъ, какія предписаны для русскихъ подданныхъ одного съ ними сословія.

3.) Иностранцы могутъ приобрѣтать, какъ чрезъ куплю, такъ и по наслѣдству, завѣщаніямъ, дарственнымъ записямъ, отводамъ отъ казны и т. п., всякаго рода движимыя и недвижимыя имущества, за исключеніемъ лишь тѣхъ, коими, по дѣйствующимъ узаконеніямъ, могутъ владѣть только принадлежащія къ Россійскому потомственному дворянству и иностранцы, получившіе права онаго. И

4) Иностранцы, кромѣ евреевъ, могутъ, по довѣренности владѣльцевъ населенныхъ имѣній, управлять такими имѣніями на правѣ приказчиковъ. Они могутъ также нанимать и содержать въ арендѣ, посессіи и вообще, на основаніи всякаго рода невоспрещаемыхъ законами обязательствъ, недвижимыя населенныя и ненаселенныя имущества, съ соблюденіемъ лишь тѣхъ условій и ограниченій, какія установлены для природныхъ подданныхъ Имперіи (зак. гражд. кн. IV разд. III гл. 2).

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію вышеизложеннаго сдѣлать надлежащее распоряженіе».

На подлинномъ Собственною его императорскаго величества рукою написано: «АЛЕКСАНДРЪ».

7 іюня 1860 г.

5) О предоставленіи отставнымъ полковникомъ Александромъ Гамалѣемъ имѣнія въ пожизненное владѣніе жены.

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе отставнаго полковника Александра Гамалѣя, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ему родовое имѣніе, состоящее Курской губерніи Путивльскаго уѣзда въ селахъ Клепалахъ и Чаплицахъ, деревнѣ Ново-Александровкѣ, слободѣ Сеймскихъ Клепальскихъ мельницахъ и хуторахъ: Катонѣ и Глушицѣ, населенное по 10-й ревизіи 872 мужескаго пола крестьянами, со всѣми слѣдующими къ сему имѣнію землями и угодьями передать, послѣ его смерти, въ пожизненное владѣніе жены его Варвары Гамалѣя, урожденной Студзинской, отказавшейся отъ слѣдующей ей изъ сего имѣнія указной части, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ бы то ни было образомъ чего либо изъ состава сего имѣнія и съ обязанностию уплачивать лежащія на ономъ казенные и частные долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія означеннаго имѣнія, дозволяется Варварѣ Гамалѣя залогъ и перезалогъ онаго въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ съ разрѣшенія Правительствующаго Сената и въ томъ размѣрѣ, который признанъ будетъ Сенатомъ соответствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти обонхъ супруговъ, имѣніе это должно поступить къ законнымъ наслѣдникамъ Гамалѣя на точномъ основаніи существующихъ законовъ.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною его императорскаго величества рукою написано: «АЛЕКСАНДРЪ.»

8 Іюля 1860 г.

III. Высочайше утвержденное положеніе комитета гг. министровъ.

По дѣлу о денежной претензіи поручика Жилинскаго къ имѣнію помѣщицы Катковой.

Поручикъ Жилинскій въ 1855 и 1856 г. жаловался Правительствующему Сенату на медленность, допущенную Пензенскимъ губернскимъ правленіемъ во взысканіи съ имѣнія помѣщицы Катковой слѣдующихъ въ пользу его, Жилинскаго, по заемному письму денегъ.

Правительствующій Сенатъ, указами отъ 5 октября 1855 и 23 мая 1857 г. предписалъ губернскому правленію, чтобы оно имѣло бдительное наблюденіе за скорѣйшимъ удовлетвореніемъ Жилинскаго. Послѣднимъ указомъ вмѣнено, сверхъ того, губернскому правленію въ обязанность пресѣкать всякое поупомовленіе въ подчиненныхъ ему мѣстахъ къ противузаконному послабленію должникамъ и къ отдаленію удовлетворенія Жилинскаго, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ собственной отвѣтственности по законамъ.

Въ 1858 г. Жилинскій вновь обратился въ Правительствующій Сенатъ съ жалобою на губернское правленіе, объясняя, что претензія его остается безъ всякаго удовлетворенія.

Изъ донесеній губернскаго правленія видно слѣдующее:

- 1) Нижнеломовская дворянская опека въ апрѣлѣ 1856 г. вошла въ Пензенскую гражданскую палату съ представленіемъ о продажѣ имѣнія малолѣтнихъ Катковыхъ за долги умершей матери ихъ, но гражданская палата оставила это представленіе безъ послѣдствій, потому, между прочимъ, что въ ономъ не были означены лѣта наслѣдниковъ Катковой, а отъ опекуна ихъ не было истребовано отзыва о платежѣ ея долговъ. Въ 1857 г. опека вошла въ палату съ новымъ представленіемъ о продажѣ имѣнія Катковыхъ, но и это представленіе не получило дальнѣйшаго хода, по отсутствію въ ономъ вышеупомянутыхъ формальностей и свѣдѣній.
- 2) Отецъ малолѣтнихъ Катковыхъ, Чембарскій уѣздный предводитель дворянства Катковъ, удаленъ былъ Нижнеломовскою дворянскою опекою отъ званія опекуна за непредставленіе отчетовъ и за неплатежъ долговъ умершей жены своей, но потомъ вновь былъ допущенъ къ исправленію должности опекуна.
- 3) Пакеты, посылаемые опекою въ Чембарское городническое правленіе для передачи Каткову, городническимъ правленіемъ были пересылаемы въ Чембарскій земскій судъ, а симъ послѣднимъ въ Пензенскую градскую полицію, отчего замедлялось представленіе Катковымъ требуемыхъ отъ него опекою отзывовъ. Губернское правленіе, разсмотрѣвъ дѣйствія Чембарскихъ: городническаго правленія и земскаго суда, предписало имъ впредь не допускать подобныхъ безпорядковъ.
- 4) Послѣ представленія Катковымъ въ 1858 г. отзыва

о томъ, что онъ не можетъ уплатить долги жены своей, Нижнеломовская дворянская опека вновь предписала Каткову озаботиться прискаиёмъ средствъ къ удовлетворенію выше означенныхъ долговъ.

Между тѣмъ ревизовавшій Пензенскую губернію сенаторъ Сафоновъ, при обзорѣнн дѣла о долгахъ Каткова и малолѣтнихъ дѣтей его, замѣтилъ медленность въ производствѣ сего дѣла и предписалъ губернскому правленію представить Правительствующему Сенату подробное донесеніе, безъ сокращенія содержанія бумагъ. Губернское правленіе, исполняя сіе предписаніе, донесло сенатору Сафонову, что оно не дѣлало взысканія съ подчиненныхъ ему мѣстъ болѣе потому, что предметъ продажи имѣнія Катковыхъ относится до Пензенской гражданской палаты.

Изъ доставленныхъ Правительствующему Сенату, въ слѣдствіе предписанія сенатора Сафонова, свѣдѣній видно, что губернское правленіе, сдѣлавъ въ 1856 г. Чембарскому городническому правленію строгое замѣчаніе за бесполезную по настоящему дѣлу переписку, послѣ того ограничивалось одними только подтвержденіями и оставило безъ послѣдствій рапортъ городническаго правленія, въ коемъ оно доносило, что Катковъ уклоняется отъ принятія адресуемыхъ на его имя пакетовъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и тѣмъ приводитъ городническое правленіе въ затруднительное положеніе.

Разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: 1) членамъ и секретарю Пензенскаго губернскаго правленія за допущенную ими по сему дѣлу медленность, бездѣйствіе, послабленіе должнику, умолчаніе въ до-

песеніяхъ Сенату о важныхъ обстоятельствахъ дѣла и наконецъ за неуваженіе къ указамъ Сената сдѣлать имъ, на основаніи ст. 29-й 2 ч. X т. св. зак. и ст. 230 1-го т. учр. Прав. Сен. строжайшій выговоръ, съ публикованіемъ и внесеніемъ въ послужные списки, подтвердивъ вмѣстѣ съ тѣмъ губернскому правленію не допускать подобнаго отступленія отъ законнаго порядка и принять рѣшительныя мѣры къ окончанію дѣла Жилинскаго. 2) Всѣ убытки, какіе могъ понести Жилинскій отъ непріятія своевременно должныхъ мѣръ къ удовлетворенію его претензій, оставить на отвѣтственности Нпжнеломовской дворянской опеки и Пензенскаго губернскаго правленія.

На приведеніе этого заключенія въ исполненіе испросить на основаніи 230 ст. I т. св. зак. учр. Прав. Сен. Высочайшее соизволеніе.

Такое опредѣленіе Правительствующаго Сената введено было въ комитетъ гг. министровъ.

Комитетъ полагалъ: на приведеніе въ исполненіе настоящаго опредѣленія Правительствующаго Сената испросить Высочайшее его императорскаго величества соизволеніе.

государь императоръ на сіе Высочайше соизволилъ.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи предложено Правительствующему Сенату 2 іюля 1860 года.

ОТДѢЛЪ III.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

*Главныйшія перемѣны въ личномъ составѣ
по вѣдомству Министерства Юстиціи.*

(Высоч. прик. отъ 8, 19 и 28 іюня за № № 9, 10 и 11 и прик. по
Министерству Юстиціи отъ 9, 21 и 27 іюня и 7 и 18 іюля за
№ № 19, 20, 21, 22 и 23).

1) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА.

Назначаются: помощникъ старшаго чиновника II-го от-
дѣленія собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА канцеля-
ріи статскій совѣтникъ *Маркусъ*—членомъ консультаціи при

Министерствѣ Юстиціи учрежденной, съ оставленіемъ при занимаемой имъ во II отдѣленіи должности (23 мая 1860 г.); столоначальникъ коллежскій ассесоръ *Бобриковъ*—старшимъ столоначальникомъ (8 іюля 1860 г.); старшій помощникъ столоначальника *Шамшинъ*—столоначальникомъ (22 іюня 1860 г.).

Произведенъ за выслугу лѣтъ: старшій столоначальникъ надворный совѣтникъ *Даниль Алферовъ* въ коллежскіе совѣтники съ 6 іюля 1860 г.

2) ПО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ ВООБЩЕ.

Увольняется, согласно прошенію, за болѣзнію отъ службы съ мундиромъ, званію сенатора присвоеннымъ: сенаторъ тайный совѣтникъ *Даликовъ* (23 мая 1860 г.).

3) ПО 4 ДЕПАРТАМЕНТУ СЕНАТА.

Произведенъ за выслугу лѣтъ: въ коллежскіе совѣтники оберъ-секретарь надворный совѣтникъ *Дмитрій фонъ-Дервизъ* съ 15 мая 1860 г.

4) ПО МЕЖЕВОМУ ДЕПАРТАМЕНТУ СЕНАТА.

Произведенъ за выслугу лѣтъ: въ коллежскіе совѣтники оберъ-секретарь надворный совѣтникъ *Федоръ Максимовичъ* съ 15 апрѣля 1860 года.

5) по 7-му ДЕПАРТАМЕНТУ СЕНАТА.

Награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника, слѣдовавшимъ при отставкѣ: бывшій оберъ-секретарь, надворный совѣтникъ князь Аркадій Юсуповъ (9 іюня 1860 г.).

6) по ГУБЕРНСКИМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ.

Утверждаются по выборамъ: титулярный совѣтникъ *Бльневичъ*—предсѣдателемъ Подольской палаты гражданскаго суда (17 мая 1860 г.); поручикъ *Вальковичъ*—Минскимъ совѣстнымъ судьей (24 мая 1860 г.); надворный совѣтникъ *Юшинъ*—предсѣдателемъ Полтавской палаты гражданскаго суда (7 іюня 1860 г.); надворный совѣтникъ *Сльпцовъ*—предсѣдателемъ Рязанской палаты гражданскаго суда (14 іюня 1860 г.); титулярный совѣтникъ *Подвысоцкій*—предсѣдателемъ Черниговской межевой палаты (7 іюня 1860 г.).

Произведены за выслугу лѣтъ: въ коллежскіе совѣтники: надворный совѣтникъ предсѣдатель Казанской палаты гражданскаго суда Валеріанъ *Лазаревъ* съ 5 сентября 1859 г.; *въ надворные совѣтники:* коллежскіе ассесоры: прокуроры: Саратовскій губернскій Сергій *Кузнецовъ* съ 18 февраля 1860 г. и Якутскій областный Хрисанфъ *Филиповъ* съ 20 марта 1859 года.

Награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, слѣдовавшимъ при отставкѣ: бывшій предсѣдатель Полтавской палаты уго-

ловнаго суда, коллежскій ассесоръ Родіонъ Милорадовичъ (26 мая 1860 г.).

Уволяется отъ должности по прошенію: Мнвскій губерпскій прокуроръ коллежскій ассесоръ Извольскій съ причисленіемъ къ департаменту Мннстерства Юстиціи (12 іюня 1860 г.).

Уволяются отъ службы по болъзни: совѣстные судьи, Нижегородскій коллежскій совѣтникъ Назимовъ и Полтавскій титулярный совѣтникъ Левченко;—Левченко 17-го, а Назимовъ 24 мая 1860 г.

Умершій исключенъ изъ списковъ: предсѣдатель Витебской палаты уголовного суда штабсъ-ротмистръ Снарскій.

ОТДѢЛЪ I.

ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВЪ СВЯЗИ СЪ РАЗВИТИЕМЪ УГОЛОВНОЙ ПРАКТИКИ ВООБЩЕ.

(Переводъ съ нѣмецкаго. Соч. Эберти).

I. ВВЕДЕНИЕ.

Страданія въ человѣческой жизни имѣютъ двоякій источникъ, зло и вину. Они оба часто совпадаютъ. Когда зло, своимъ бременемъ, останавливаетъ влеченія къ добру, оно тѣмъ самымъ открываетъ дорогу злымъ наклонностямъ и такимъ образомъ рождаетъ вину; вина, въ свою очередь, преклоняетъ душу, ослабляетъ противоборствующую препятствіямъ силу, и падшій человѣкъ гибнетъ все глубже и глубже. Трудно тогда спасеніе.

Нуждамъ жизни приходитъ на помощь милосердіе,—тѣлеснымъ недугамъ помогаетъ медицина; истребленіе же послѣдствій вины есть задача уголовного суда и средствомъ къ до-

стиженію цѣли служатъ мѣста заключенія, которыя имѣютъ важность и въ качествѣ благотворительныхъ заведеній, посвященныхъ призрѣнію больныхъ.

Мѣста заключенія, сами по себѣ, легче и вѣрнѣе должны достигать своей цѣли, чѣмъ другія учрежденія.

Внѣшнія нужды и тѣлесныя недуги находятся въ связи съ силами природы, тогда какъ во время совершенія преступленія человѣкъ борется только съ человѣкомъ.

Однако, что касается до примѣненія началъ уголовного права, то успѣхи его далеко не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ филантроповъ.

Причины этого неуспѣха открываются изъ разсмотрѣнія исторіи мѣстъ заключеній.

Наказаніе служитъ для возстановленія правды. Только тамъ, гдѣ господствуютъ правда и справедливость, устанавливается порядокъ, развивается родъ человѣческой, рука объ руку съ нравственностью и религіею, которыя, въ свою очередь, придаютъ правдѣ и основывающимся на ней учрежденіямъ ихъ истинное значеніе.

Преступленіе, какъ нарушеніе правды, поражаетъ основныя начала общежитія, къ тому же преступникъ совершаетъ неправду, не только безсознательно, но, вѣдая законъ, нарушаетъ оный съ сознаніемъ собственной вины. Пользуясь слабостью и неопытностью, онъ либо завлекаетъ хитростью, какъ то бываетъ при обманѣ, или внѣшнею силою, нападавая на имѣніе, здоровье, жизнь ближнихъ, даже на все общественное устройство, онъ употребляетъ во зло свою свободу, и становится чрезъ то несвободнымъ, предаваясь злымъ страстямъ и нарушая свободу и права своихъ ближнихъ.

Для отвращенія сего, на преступника должно быть возложено исправить содѣянное имъ, благоговѣніе предъ нарушенною правдою должно быть возстановлено; но и въ самой душѣ преступника низверженный престолъ правды долженъ

быть снова воздвигнуть, его душа не должна гибнуть; задача тутъ состоитъ въ томъ, чтобы возвратитъ ее къ добру, къ божественному.

Въ этомъ заключается назначеніе всѣхъ наказаній. Между тѣмъ денежная пеня, по свойству своему неуравнительная, допускаетъ замѣну; тѣлесное наказаніе можно претерпѣть; смертная казнь не допускаетъ дальнѣйшаго вліянія на того кто ее претерпѣваетъ.

Единственное наказаніе, которое по своему назначенію ограничиваетъ свободу, не только для возмездія, но и для воспитанія человѣка къ употребленію свободы, есть тюремное заключеніе. Потому-то, по мѣрѣ того какъ другія наказанія стали выходить изъ употребленія, тюремное заключеніе получало большее значеніе и было болѣе и болѣе развиваемо.

II. ИСТОРИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

A. ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Начала исправительныхъ заведеній, какъ и всѣхъ чело-вѣческихъ учрежденій, неизвѣстны. Отдѣльныя понятія о значеніи наказаній открываются лишь въ отдѣльныхъ чертахъ. Въ глубокой древности единственная цѣль примѣненія наказанія заключалась въ вознагражденіи убытка.

Такъ, законы древнихъ египтянъ формально терпѣли кражу. Кто посвящалъ себя промыслу кражи, тотъ обязанъ былъ записаться у главы цеха воровъ и отдавать ему всю выручку. Обокраденный обращался къ этому главѣ съ подробнымъ письменнымъ описаніемъ отыскиваемыхъ имъ предметовъ, съ

указаніемъ времени и мѣста похищенія. На основаніи такихъ доказательствъ, и за уплатою четвертой части стоимости, которая шла въ пользу цеха воровъ, ему возвращалась краденая вещь.

Даже за убіеніе собственнаго дитяти, такъ какъ здѣсь мѣриломъ наказанія принимали только вознагражденіе собственности, не опредѣлено надлежащихъ тѣлесныхъ наказаній, потому что въ этомъ видѣли лишеніе жизни собственнаго созданія. Однакожь родители должны были держать убитое дитя три дня и три ночи въ своихъ объятіяхъ, чтобы почувствовать, чего они сами себя лишили.

Для безопасности общественной жизни, египтяне наказывали смертью не только за убійство, но и за ложную присягу, потому что присяга составляла у нихъ одно изъ употребительныхъ доказательствъ въ судопроизводствѣ. Государственная измѣна наказывалась вырываніемъ языка; дѣлателью фальшивой монеты отрубали руку.

Болѣ высокая идея возмездія выказалась въ смертныхъ приговорахъ египтянъ.

Когда преступнику въ продолженіи всей его жизни удалось скрыться отъ обвиненія, то нерѣдко въ самый моментъ погребенія подымался голосъ, избличавшій его въ преступленіи. Этимъ самымъ покойникъ лишался почести погребенія, и виновнаго, по приговору судьи, ожидала въ будущей жизни божественная кара.

У китайцевъ сперва дѣйствовали подобныя же начала при исполненіи судебныхъ приговоровъ. И у нихъ не наказывали за убіеніе собственнаго дитяти. Они возлагали на правительство охраненіе святости предковъ. У нихъ всѣмъ мужескимъ, старше 16-ти лѣтъ, родственникамъ государственнаго измѣнника отсѣкали головы; дѣтей же и женъ продавали въ рабство; доносчика сейчасъ же опредѣляли въ государственную службу, ему же отдавали все имущество преступника. Кромѣ

того бамбуковая трость играла важную роль въ китайскомъ уголовномъ правѣ.

Тѣмъ же духомъ строгаго возмездія дышатъ индійскіе законы Ману. Однако у индѣйцевъ мы находимъ и тюремное заключеніе въ домахъ, построенныхъ «для устрашенія» на большихъ улицахъ. Здѣсь законодатель поставилъ себѣ задачею охранять различіе кастъ самыми жестокими наказаніями.

У персовъ, законы которыхъ, по своей жестокости, похожи на индѣйскіе, наблюдается различіе племенъ.

Въ сравненіи съ такими несоразмѣрно строгими наказаніями, Моисеево «око за око, зубъ за зубъ» содержитъ болѣе справедливый способъ уничтоженія вины.

Назначеніе греческаго общества заключалось въ осуществленіи начала свободнаго развитія человѣчества, хотя и въ предѣлахъ племеннаго происхожденія.

Потому-то Драконовы жестокіе законы, по которымъ и за кражу наказывали смертью, держались въ Афинахъ только 30 лѣтъ. Уже въ законодательствѣ Солона употреблялось одно денежное взысканіе и ссылка. Только тотъ, кто безъ позволенія возвращался изъ ссылки, предавался смертной казни. Лишь послѣ стали наказывать смертью вообще за менѣ тяжкія преступленія, даже за одно нанесеніе ранъ.

Подобные-же законы издалъ Лигургъ для Лакедемоніи. Но и въ Спартѣ сѣкли только накрытаго вора.

Тюремное-же наказаніе, какъ уже сказано, не соответствуя началу національной независимости, не составляло самостоятельнаго рода наказаній, а примѣнялось только иногда вмѣстѣ съ другими наказаніями.

Римляне наказывали своихъ провинившихся согражданъ только денежнымъ взысканіемъ и ссылкой, между тѣмъ какъ для негражданъ они употребляли лозы ликторовъ и ихъ сѣкиры.

Однакожь въ Римѣ были и тюрьмы. Когда Анкъ Марцій, третій римскій царь, покорилъ латинянь и принялъ тысячи изъ нихъ въ число гражданъ, и увеличившаяся черезъ это приращеніе масса народа произвела, какъ рассказываетъ Ливій, какое-то равнодушіе къ различію между добромъ и зломъ и къ преступленіямъ, которыхъ виновники оставались неизвѣстными, то, для укрощенія этой чрезмѣрной дерзости, посреди города около площади, былъ выстроенъ смирительный домъ (гобур). Въ нижнемъ пространствѣ этого дома, которое, по словамъ преданія, отстроено предпоследнимъ римскимъ царемъ, Сервіемъ Тулліемъ (Tullianum), въ эту суровую каземату, страшную своею темнотою и зловоніемъ, послѣ открытія заговора Катилины, былъ опущенъ Лентуль, одинъ изъ опаснѣйшихъ сообщниковъ Катилины, и здѣсь-же исполнители смертнаго приговора, какъ рассказываетъ Саллюстій, задушили его веревкою.

Еще можно видѣть развалины этой первой тюрьмы у подошвы Капитолія, вправо отъ *via sacra*, въ настоящее время внизу отъ церкви Св. Петра. Рассказываютъ также, что Сенатъ приговорилъ одного воина, который отрубилъ себѣ пальцы лѣвой руки, чтобы освободиться отъ военной службы, къ вѣчному заключенію, для того, чтобы онъ, по словамъ Валерія Максима, не желавшій умереть со славою на полѣ битвы, позорно увялъ въ дѣпяхъ.

Въ провинціяхъ, по своеволю проконсуловъ, жители часто сажаемы были въ тюрьму единственно изъ корыстолюбивыхъ видовъ.

Такъ рассказываетъ Цицеронъ про Вересса, сициліанскаго претора:

«Невинно приговоренныхъ онъ приказывалъ сажать въ тюрьму. Отцы ихъ лежали у порога, матери ихъ ночевали у двери тюрьмы. Они умоляли, чтобы имъ позволили уловить послѣдній вздохъ ихъ дѣтей. Здѣсь находилась тюремщикъ, па-

лачь претора, ликторъ Сестій, которому каждый звукъ боли приносилъ опредѣленную плату. За присутствіе ты дашь столько-то, за принесеніе пищи—столько то. Никто не прекословилъ.»

Но и въ самомъ Римѣ были тюрьмы для содержанія въ нихъ гладіаторовъ, военнопленныхъ и преступниковъ изъ провинцій.

Такимъ образомъ у римлянъ тюрьмы употреблялись для предотвращенія побѣга, но не въ видѣ мѣры наказанія.

Съ вступленіемъ въ свѣтъ христіанства стали понимать недостаточность до тѣхъ поръ существовавшихъ наказаній.

Христіане не хотѣли призывать генія императора, не хотѣли кадить передъ его изображеніемъ, не хотѣли присутствовать при императорскихъ торжественныхъ ходахъ, или проклинать имя Христа; потому ихъ не только считали суевѣрными, но евреями, атеистами, безбожными, за что ихъ и наказывали.

Но денежными взысканіями нельзя было на нихъ дѣйствовать;—вѣдь они всѣ большею частию были бѣдны; точно также и изгнаніемъ, ибо особенность ихъ религіознаго взгляда состояла въ характерѣ христіанства, какъ всемірной религіи; а ихъ назначеніемъ было идти во всѣ страны свѣта, чтобы проповѣдывать язычникамъ. Когда ихъ наказывали какъ неримлянъ или даже, не взирая на права ихъ какъ римскихъ гражданъ, (какъ то было при преслѣдованіи Апостола Павла), наказывали мучительною смертию, одинъ взглядъ къ Всевышнему давалъ имъ силу выдержать всѣ пытки.

Неронъ, къ обвиненіямъ, за которыя страдали христіане, прибавилъ еще то, что они будто были виновниками пожара Рима и, въ наказаніе за это, первый подалъ примѣръ страшнымъ преслѣдованіямъ.

Онъ велѣлъ христіанъ зашивать въ шкуры дикихъ звѣрей и травить до смерти собаками, или распинать, а дѣтей

ихъ поилъ масломъ и другими горючими веществами и употреблялъ ихъ свѣтильниками въ своемъ саду, котораго ворота отворялись для зрѣлища бѣговъ, когда онъ, самъ управляя колесницею, катилъ предъ народомъ.

Вотъ какъ выражается Тацитъ: «они изобличены въ ненависти ко всему человѣческому роду; они заслужили неслыханныя наказанія и возбудили состраданіе потому только, что были жертвою жестокости одного лица, а не жертвами для общаго блага.»

Такимъ образомъ страсть къ преслѣдованіямъ принимала личину законнаго уголовного суда и ослѣпляла даже людей съ болѣе возвышенною душею.

За первымъ всеобщимъ преслѣдованіемъ христіанъ послѣдовали притѣсненія Домиціана, и даже прославленный Траянъ свирѣпствовалъ противъ христіанъ.

Но всѣ средства наказаній, противъ нихъ придуманныя, часто лишь по внушенію корыстолюбивыхъ жрецовъ и маговъ, оказывались всегда неэффективными. Когда уже было казнено безчисленное множество христіанъ, Плиній, какъ онъ это извѣщаетъ въ письмѣ къ Траяну, находился въ затрудненіи, что съ ними дѣлать. Когда они, послѣ троекратнаго вопроса, не хотѣли отступить отъ христіанства, то ихъ казнили. «Ибо онъ не сомнѣвался въ томъ», какъ писалъ онъ къ императору, «что къ какой бы они вѣрѣ не признали себя принадлежащими, одно уже упрямство ихъ и непреклонное упорство заслуживали наказанія. Но онъ нуждается», такъ онъ далѣе продолжаетъ, «въ совѣтѣ императора, ибо люди всякаго возраста, всѣхъ сословій и классовъ этимъ заражаются. Это суевѣріе свирѣпствуетъ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, и уже вездѣ стало извѣстно, что храмы болѣе не посѣщаются, обряды не соблюдаются; что жертвы вездѣ дешевы, но имѣть сбыта; изъ этого можно заключить, какую массу людей можно спасти, еслибы было возможно обращеніе съ раскаяні-

емъ». Въ этомъ затруднительномъ положеніи часто стали употреблять для христіанъ заключеніе, сначала, чтобы понудить ихъ къ раскаянію, къ обращенію, къ отступленію, но не было успѣха; даже, когда ихъ тамъ морили голодомъ, и это ихъ не устрашало. Напротивъ, они заступались какъ братья за своихъ плѣнныхъ единовѣрцевъ, тѣснились къ нимъ, раздѣляя съ ними мученическую смерть, облегчали, сколько было въ ихъ силахъ, ихъ страданія, по примѣру апостольскихъ временъ.

Епископъ Кипріанъ Карфагенскій, въ половинѣ третьяго столѣтія, предписалъ всѣмъ діаконамъ имѣть попеченіе о заключенныхъ, и соборъ, собиравшійся въ его епископствѣ, подтвердилъ это приказаніе.

Дѣйствительно, давно уже нуждались въ подобной мѣрѣ. Либаній жалуется, что въ тѣ времена заключенныхъ не только оставляли долгое время безъ допроса, но стѣсняли ихъ въ одно мѣсто, гдѣ они погибали отъ испорченнаго воздуха и бѣдствій, которыя они тамъ претерпѣвали. Помѣщеніе было такъ тѣсно, что несчастные не могли даже прилечь, или спать; пища состояла изъ безвкусныхъ растений, недостаточныхъ для поддержанія жизни.

Константинъ сдѣлалъ христіанскую вѣру господствующею; преслѣдованія прекратились, они послужили чистилищемъ идеи о преобразованіи тюремъ, котораго первая эпоха считается съ изданія Константиномъ и преемникомъ его Констанціемъ законовъ о тюрьмахъ, Гонорій, въ концѣ 4 столѣтія, приказалъ, чтобы судьи каждое воскресенье посѣщали тюрьмы, приказывали выводить къ себѣ всѣхъ заключенныхъ, допрашивали ихъ и смотрѣли за тѣмъ, чтобы имъ доставлялось все нужное. Епископамъ и прочему духовенству было поручено еженедѣльно по середамъ и по пятницамъ говорить съ заключенными о причинахъ ихъ задержанія, о ихъ преступленіяхъ, отношеніяхъ и потребностяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшать несчастныхъ. Такимъ образомъ вліяніемъ христіанства было положено основаніе улучшенію тюремъ.

Шаткія основанія восточнаго и западнаго римскаго государства рушились.

Западное римское государство первое пало подъ напоромъ германскихъ племенъ.

Тацитъ такъ глубоко сознавалъ отличительныя свойства германской жизни, что его описанія, до средняго вѣка, служатъ вѣрнымъ изображеніемъ учреждений древнихъ германцевъ, неотступно придерживавшихся своихъ обычаевъ.

О ихъ наказаніяхъ онъ говоритъ, что они различны, смотря по преступленію; измѣнниковъ и бѣглецовъ они вѣшали на деревьяхъ; трусовъ, невоинственныхъ и членовредителей, они топили въ болотахъ и грязяхъ и прикрывали трупы ихъ плетнями, для предотвращенія всплытія.

Вообще же въ наказаніе за преступленія, по мѣрѣ вины, они требовали, въ видѣ пени, опредѣленное количество лошадей или скота, которыхъ часть поступала къ королю, другая же къ пострадавшему отъ преступленія или его родственникамъ; даже за убіеніе производилось денежное взысканіе.

Эта система взысканій и денежныхъ пеней господствовала у германскихъ народовъ въ продолженіе всего средняго вѣка. Тотъ, кто не могъ взнести денежной пени, считался не правымъ. Тацитъ говоритъ относительно германской пени, что она соотвѣтствовала общественной пользѣ, потому что у свободныхъ народовъ раздоры тѣмъ опаснѣе, чѣмъ народы свободнѣе.

Впрочемъ нельзя не замѣтить, что, въ сравненіи съ грубымъ возмездіемъ востока и язычниковъ, системы наказаній образованныхъ народовъ древности и германцевъ, основывавшіяся на денежныхъ взысканіяхъ и пеняхъ и на уравновѣшеніи преступленія съ объемомъ ущерба, доказываютъ болѣе кроткій и миролюбивый духъ.

Противуположность чисто внѣшняго взгляда на наказанія, какъ на возмездіе, представляетъ идея внутренняго раскаянія.

И этот элемент преобразования наказаний развивался во время преследований христианъ.

Уединение, удаляя человека отъ житейскихъ тревогъ, возбуждало въ немъ стремление къ будущей жизни, къ размышлениямъ о происхожденіи зла и грѣха и о необходимости обращенія къ добру путемъ раскаянія.

Чего достигали затворники чрезъ безусловное уединение, того домогались монашескіе ордена, въ особенности орденъ Картезианцевъ (1084), по примѣру тѣхъ образцовъ, посредствомъ общаго молчанія.

Но изъ этой идеи раскаянія сначала развилась строгая, уголовная власть внутри самой церкви.

В. СРЕДНІЙ ВѢКЪ.

За денежнымъ взысканіемъ, постомъ и молитвою, что еще въ 10-мъ столѣтіи назначалось епископами, въ видѣ покаянія, послѣдовало отлученіе отъ церкви. Вскорѣ стали употреблять его и противъ раскольниковъ недуховнаго званія. Но и это было недостаточно.

Въ 13 столѣтіи папа Иннокентій III сталъ проповѣдывать противъ раскольниковъ города Альбы. Возгорѣлись костры инквизиціи, изобрѣтенные при этомъ папѣ Доминикомъ Османскимъ.

Только при Бонифаціи VIII, въ концѣ 13-го вѣка, вошло въ употребленіе лишеніе свободы для покаянія и то только для духовныхъ (въ 1298 г.)

Этотъ папа старался довершить то, что началъ Иннокентій III. Вся свѣтская власть, какъ и духовная, должна была перейти въ руки папы; судъ и наказаніе и не духовныхъ лицъ должны были зависѣть отъ него. Тщеславіе его было

причиною его паденія (1303) и перваго рѣшительнаго потрясенія всемогущества папъ.

Филиппъ Красивый, король Франціи, побѣдившій Бонифація VIII, не счумѣлъ употребить съ пользою добытую имъ власть. Побуждаемый корыстолюбіемъ, онъ велѣлъ посадить въ тюрьму всѣхъ темпліеровъ и 54 изъ нихъ сжечь. Глава ордена, Яковъ Молей, былъ осужденъ на вѣчное заключеніе. Это былъ первый примѣръ, что недуховное лицо было наказано тюрьмою. Въ послѣдствіи, этотъ несчастный, протестовавшій противъ такихъ несправедливыхъ поступковъ, былъ также сожженъ. Однакожь чрезъ это сопротивленіе Филиппа Красиваго своеволю папы, право наказанія было возвращено свѣтской власти. Филиппъ положилъ предѣлы своевольнымъ и жестокимъ мѣрамъ инквизиціи, приказавъ, чтобы королевскіе чиновники, вмѣстѣ съ инквизиторами, посѣщали тюрьмы и слѣдили за тѣмъ, чтобы эти послѣдніе служили бы только мѣстами содержанія преступниковъ, а отнюдь не были обращены въ мѣру наказанія.

Съ этихъ поръ свѣтская власть папы мало помалу ослабвала. Но нравственное господство его тяготѣло еще надъ духомъ народа и было поколеблено въ своихъ основаніяхъ лишь послѣ разрушенія Константинополя (1453 г.) и паденія восточно-римскаго государства, ускореннымъ возрожденіемъ наукъ.

С. НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Въ это время, вмѣстѣ съ статуями и памятниками древности, были возведены изъ забвенія и ея челоуколюбивыя идеи.

Уже Платонъ, котораго сочиненія снова стали читать, училъ, что наказаніе должно быть возмездіемъ за злое дѣяніе

и средствомъ исправленія самаго человѣка. Существо христіанства, состояло въ томъ, чтобы оправдать эти идеи и содѣйствовать приспособленію ихъ къ человѣческой жизни.

Религія мира смотрѣла на наказаніе, какъ на средство примиренія падшаго человѣка съ Богомъ и съ человѣчествомъ.

Сначала однако реформація слишкомъ встревожила умы, чтобы можно было приступить къ дѣлу водворенія мира съ преобразовательною цѣлью.

а) 16-ое столѣтіе.

Уголовные законы императора Карла V, отъ 31 іюля 1534 г., замѣнили тайный уголовный судъ правильнымъ порядкомъ судопроизводства и установили особыя правила собиранія доказательствъ. Въ нихъ замѣтно направленіе къ защитѣ преступника; они ограничили и опредѣлили употребленіе пытки, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ арсеналъ самыхъ ужасныхъ наказаній, какъ-то: огня, сѣкиры, четвертованія, колеса, висѣлицы, утопленія, погребенія живыхъ, волоченія, рванія раскаленными клещами, вырѣзыванія языка, отрубанія пальцевъ, отрѣзыванія ушей, наказанія розгами.

О тюрьмѣ, какъ о карающемъ заведеніи, въ нихъ не упоминается.

И во Франціи дѣйствовали въ то время грубыя начала уголовного права и ужасныя средства наказаній по Орлеанскимъ уставамъ 1531-го, 1534-го и 1545-го годовъ.

Кромѣ смертной казни и ссылки, употреблялось осужденіе на галеры. Галеры были введены уже въ 14 и 15 столѣтіяхъ. Это были плоскія, низкія и узкія суда, приводимыя въ движеніе посредствомъ веселъ и парусовъ. Каждому галерному невольнику выжигали на спинѣ лилію, съ помощью раскаленнаго желѣза; потомъ его сѣкли и приковывали.

Указомъ Карла IX, 1564 года, меньшимъ срокомъ осужденія на галеры былъ опредѣленъ 10-ти лѣтній; для приу-

ченія каторжника къ морскому волненію потребно было не менше 3-хъ лѣтъ, а было-бы очень невыгодно отпускать ихъ именно въ тотъ моментъ, когда они начинали оказывать пользу государству.

И кого-же осуждали на эти столь полезныя галеры? не только преступниковъ, которыхъ дѣянія возбуждаютъ всеобщее негодованіе, но и несправныхъ плательщиковъ податей, и, по уничтоженіи Нантскаго эдикта, протестантовъ, которые бѣгствомъ старались избавиться отъ жестокостей.

Когда уже были извѣстны *lettres de cachet*, какъ полицейская мѣра такъ называемой *haute police*, Вольтеръ, Монтель и другіе знаменитые мужи Франціи были посажены въ Бастилію, на основаніи этихъ *lettres de cachet*; но и въ то время тюремное заключеніе не употреблялось во Франціи, какъ уголовное наказаніе.

Въ Англии уже въ половинѣ 16-го столѣтія было построено заведеніе, которое названіемъ своимъ «Лондонскій исправительный домъ (*house of correction*)» свидѣтельствовало о заботливости правительства о преступникахъ.

Въ Голландіи къ концу 16-го столѣтія, подъ вліяніемъ идей реформациі, возникло Амстердамское исправительное заведеніе.

б) 17-ое столѣтіе.

По образцу этихъ установленій, въ началѣ 17-го столѣтія, были основаны первыя исправительныя заведенія Германіи и въ 1671 г. рабочий домъ въ Вѣнѣ, при императорѣ Леопольдѣ I.

Въ это время возникла 30 лѣтняя война съ ея ужасами. Ради религіи, все то, что питаетъ, поддерживаетъ, возвышаетъ человѣка, было разрушено, уничтожено. Было-ли время думать о несчастныхъ узникахъ?

Между тѣмъ Франція воспользовалась этою войною, какъ для распространенія своей власти извнѣ, такъ и для внутренняго усиленія.

Кольберъ, великій министръ Людовика XIV, въ это время приводилъ въ порядокъ разстроенные финансы государства. Онъ понималъ, въ какой зависимости финансовое управленіе находится отъ положенія общественной нравственности. Онъ содѣйствовалъ изданію уголовного указа 1670 года, водворившаго внѣшній порядокъ въ тюрьмахъ, которыя были однакожь ничто иное, какъ мѣста задержанія обвиненнаго на время судопроизводства (*ad custodiam rei*).

Предложенія бенедектинца Мабилліона (1632), совѣтника Кольберта, объ устройствѣ келій для приведенія преступниковъ къ раскаянію, и сада для молчаливаго работанія и для прогулки, остались безъ послѣдствій.

в) 18-ое столѣтіе.

Только въ 18-мъ столѣтіи сила реформаціи, не пощадившей и католическую церковь, стала дѣйствовать извнѣ.

Дѣятельный папа Климентъ XI сознавалъ, что онъ не только глава церкви, но и главный наставникъ своего прихода.

Въ этомъ духѣ основалъ онъ въ 1703, оконченую въ 1735 году, тюрьму Св. Михаила въ Римѣ, первоначально устроенную для одиночества. По своей надписи: «*Parum est saecere improbas poena, nisi probos efficias disciplina*» (*), это заведеніе служило примѣромъ для дальнѣйшаго развитія существа тюремнаго заключенія.

Это приняли въ соображеніе квакеры.

(*) «Недостаточно укрощать безчестныхъ наказаніемъ, если не исправятъ ихъ строгимъ порядкомъ.»

Во время англійской революціи, когда католики и протестанты, епископскіе и пуритане фанатически преслѣдовали другъ друга, Георгій Фоксъ, сынъ ткача, основалъ секту квакеровъ. Обвиненный въ покушеніи противъ правилъ существующей церкви, онъ переводился изъ одной тюрьмы Англии въ другую. Часто ему приходилось быть въ обществѣ съ ворамъ, убійцами и съ грязными женщинами. Такимъ образомъ квакеры изъ судьбы основателя ихъ секты узнали всѣ ужасы тюремъ.

Когда, не смотря на всѣ притѣсненія, эта секта начала быстро распространяться, то квакеровъ, за несниманіе шляпъ, что считалось неуваженіемъ къ начальству, и за отказъ въ совершеніи присяги, на многіе годы сажали въ тюрьму; многіе изъ нихъ содержались въ лондонской тюрьмѣ Ньюгетъ. Здѣсь, въ нѣсколько рядовъ висѣвшихъ одна надъ другой, койки были ихъ ночлегомъ; отъ испорченнаго воздуха, господствовавшаго въ этой тюрьмѣ, многіе умирали. Иныхъ помѣщали въ узкія подземныя кануры, въ которыхъ они умирали съ голода. Въ 1662 году состояло въ подобныхъ тюрьмахъ Англии 4200 квакеровъ. Скоро послѣ образованія этой секты, она была перемѣщена въ Сѣверную Америку. Здѣсь не лучше обращались съ ними пуританскіе колонисты, которые, защищая свободу совѣсти, предпочли прежней своей родинѣ дикую страну. И въ Новомъ Свѣтѣ бостонскіе пуритане, въ продолженіи 30 лѣтъ, жестоко преслѣдовали ихъ, наказывали, сажали въ тюрьму и казнили.

Вилліамъ Пенъ, сынъ знаменитаго морскаго героя, покорившаго островъ Ямайку, былъ свергнутъ въ темницу (1668), на 22 году своего возраста,—за участіе въ собраніяхъ квакеровъ и за проповѣданіе на улицахъ.

Тѣмъ рѣшительнѣе обратился онъ къ этой сектѣ, и, прибывъ въ 1671 году въ Сѣверную Америку, сталъ содѣйствовать ея распространенію.

Когда въ 1681 году, при Карлѣ II, Вилліаму Пенну, за услуги отца его, была подарена огромная страна, названная, по приказанію самого короля, Пенсильванією, и когда ему-же было поручено управленіе ею, то онъ устроилъ въ ней для своихъ единовѣрцевъ убѣжище и притѣсенія ихъ вскорѣ (1687) совершенно прекратились, (однако не ранѣе 1688 года вышелъ указъ о вѣротерпимости—основаніе свободы вѣроисповѣданія въ Англии).

Пеннъ не забывалъ тѣхъ мученій, которыя онъ претерпѣлъ въ темницѣ. Во время путешествія своего, онъ ознакомился съ тюремными заведеніями Голландіи и Сѣверной Германіи и въ своемъ проэктѣ устройства тюремъ, опредѣлилъ, чтобы всѣ тюрьмы были рабочими домами. Съ этихъ поръ секта квакеровъ, подъ вліяніемъ его покровительства, стала развивать всѣ особенности своего характера. Они возвратились къ словамъ псалмопѣвца: «жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенное и смиренное Богъ не уничтожитъ».

Многозначущій тонъ этихъ словъ проникаетъ, отражается и господствуетъ, какъ въ ощущеніяхъ и взглядахъ квакеровъ, такъ и во внѣшнихъ проявленіяхъ ихъ религіозной жизни. Вздыхая и стеновая, сидятъ они въ своихъ собраніяхъ, не произнося ни одного слова, пока Святой Духъ не побудитъ кого нибудь изъ нихъ говорить.

Предать человѣка мученіямъ собственной совѣсти считаютъ они вездѣ первую, необходимою ступенью душевнаго возвышенія. Но изъ христіанства почерпаютъ они преданность свою къ долгу, касающемуся всего человѣчества, истинное человѣколюбіе. Такимъ образомъ все направленіе ихъ духа, соединенное съ воспоминаніями о претерпѣнныхъ ими самими преслѣдованіяхъ, повело ихъ какъ къ смягченію дѣйствовавшихъ въ колоніи строгихъ законовъ о наказаніяхъ, заимствован-

ныхъ изъ Моисеевыхъ законовъ, такъ и къ улучшенію тюремнаго заключенія.

Эгоистическая и недалъновидная политика Англій, какъ и вообще вся политика того времени, вскорѣ стала препятствіемъ мирному развитію ея колоній.

Финансовыя притѣсненія, преполненіе страны невольниками и ссыльными преступниками, возбудили въ колонистахъ негодованіе. Пенсильванія тщетно рѣшалась на все, чтобы освободить себя отъ невольниковъ. Негры, какъ увѣряли въ Англій, не могли быть республиканцами; на нихъ рассчитывали какъ на орудіе для укрощенія возмутителей.

Ссылка осужденныхъ и преступниковъ была поводомъ назначенія провинціального конгресса 5-го сентября 1774 г. въ мирной Филадельфій, и въ 1775 году началась война за независимость. Между тѣмъ 7-го февраля 1776 года все таки установилось общество уменьшенія бѣдствія въ тюрьмахъ. Управляющій тюрьмою велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ на членовъ общества, когда они, несмотря на запрещеніе его, посѣщали въ нихъ арестантовъ; однакожь онъ не устранилъ ихъ этимъ. Принужденіе преступниковъ, обремененныхъ цѣпями, къ публичной работѣ на улицахъ, они выставляли какъ поощреніе къ безстыдству и увѣряли, что менѣе гласныя наказанія, даже одиночная работа, лучше дѣйствовали къ исправленію преступника. Въ 1778 году враждебное войско вступило въ Филадельфію, вышеозначенное общество опять разошлось. Но когда, послѣ семилѣтней войны, былъ объявленъ миръ, общество то снова возстановилось въ домѣ нѣмецкой школы, въ августѣ 1787 года, и, подъ его влияніемъ, законодательное собраніе выдало въ 1790 году суммы, для построенія въ Филадельфій келейной тюрьмы.

И въ Нью-Йоркѣ квакеры содѣйствовали смягченію уголовныхъ законовъ и основанію тюрьмы для всей области (съ

24 камерами для арестантовъ, по 8 человѣкъ въ каждой, и 14 одиночныхъ келій). Въ той-же части соединенныхъ штатовъ, которая называется Новою Англіею, одержали верхъ съ давнихъ временъ коммерческіе и торговые интересы. Въ слѣдствіе сего тамошняя система тюремнаго заключенія является отличною отъ системы, принятой въ другихъ частяхъ штатовъ.

По *Оборнской* системѣ имѣлись въ виду какъ цѣль устрашенія, такъ и употребленія силъ арестантовъ для ихъ собственнаго содержанія, и воспитаніе ихъ для работы. Эти обѣ цѣли были основаны на началѣ общей работы при постоянномъ молчаніи.

Въ 1797 году было положено построить первую тюрьму по этой системѣ въ Оборнѣ, близъ Нью-Йорка, и въ продолженіи времени отъ 1819 до 1821 года тюрьма эта была окончена.

Работы производятся въ общихъ мастерскихъ. Въ нихъ, какъ и въ кельяхъ, наблюдаютъ за каждымъ движеніемъ, взглядомъ и улыбкою арестантовъ черезъ отверстія, въ особенныхъ ходахъ устроенныхъ для наблюденія. Въ одной тюрьмѣ, также близъ Нью-Йорка, выстроенной въ 1825 году, въ томъ же родѣ, въ каменоломняхъ, близъ Зингъ-Зинга, за арестантами смотрятъ съ высоты скалъ и въ мѣстахъ, гдѣ эта система соблюдается во всей строгости, за каждое слово наказываютъ бичемъ. Чиновникамъ, служащимъ при тюрьмахъ, по закону дано право употреблять всѣ средства, которыя имъ покажутся необходимыми для поддержанія домашней дисциплины, а строитель этого заведенія, капитанъ Линцъ, жалуется, что почти невозможно найти достаточно строгихъ помощниковъ-наблюдателей.

Въ Бостонской тюрьмѣ, построенной также по этой системѣ, должны были уже отступить отъ этой преувеличенной строгости.

Работы, кромѣ трепанія конопли, тканія и приготовленія сигаръ, что по причинѣ малой доходности поручается болѣе слабымъ арестантамъ и женщинамъ, состоятъ въ сапожномъ, ткацкомъ, прядильномъ, токарномъ, столярномъ, кузнецкомъ и слесарномъ мастерствахъ, Бичъ служитъ средствомъ принужденія къ работѣ. Но арестанты, въ свою очередь, получаютъ часть заработка. Заведеніе Зингъ-Зингъ не только содержитъ себя своими силами, но получаетъ даже значительный доходъ. Однако арестанты произвели своими работами значительный подрывъ въ доходахъ ремесленниковъ и черезъ это возбудили многихъ противъ работъ въ тюрьмахъ. Мастера обучаютъ арестантовъ въ различныхъ ремеслахъ, учителя въ чтеніи, писаніи; религіозно-нравственныя наставленія они получаютъ не только посредствомъ проповѣдей, но въ особенности посредствомъ разговоровъ съ духовными лицами, которые ихъ снабжаютъ Св. Писаніемъ и назидательными книгами. Много обращаютъ вниманія на чистоту воздуха; опрятность соблюдается ежедневнымъ омовеніемъ на дворѣ и устройствомъ ватерклозетовъ.

Каждый арестантъ получаетъ въ день по 1 фунту говядины или $\frac{3}{4}$ фунта свинины, достаточную порцію хлѣба и полъстакана патоки.

Послѣ работъ они имѣютъ достаточно свободнаго времени для прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ. Собственно тюремныя болѣзни, какъ наприм: такъ называемая тюремная лихорадка, въ Америкѣ болѣе не встрѣчаются. Болѣзни, болѣею частію чахотка, поражаютъ отъ 20-ой до 24-ой части населенія тюремъ. Расходы для постройки Оборнской тюрьмы равняются половинѣ расходовъ для Филадельфійской тюрьмы, не принимая въ расчетъ то, что арестанты сами участвовали при постройкѣ Оборнской тюрьмы. Вездѣ Оборнскія заведенія производятъ болѣе впечатлѣніе большихъ фабрикъ, нежели карающихъ и исправительныхъ заведеній.

Филадельфійскія тюремныя заведенія имѣютъ, сообразно началамъ ихъ учрежденія, характеръ собственно для покаянія. Тюрьма Шерри-Хилъ въ Филадельфiи, которая съ 1829 года вся занята арестантами и считается образцовой тюрьмою, окружена стѣною въ 30 футовъ вышины, на 12 углахъ которой находятся башни, для надзора за арестантами. Отъ центральной восьми-угольной наблюдательной залы, расходятся 7 флигелей. Каждый изъ нихъ въ длину раздѣленъ сверху до низу ходомъ, съ галереями передъ каждымъ этажемъ. Къ этимъ галереямъ примыкаютъ 592 келіи, каждая въ 18 футовъ, 9 дюймовъ длины, 7 футовъ 6 дюймовъ ширины и 16 футовъ вышины. Свѣтъ въ келью проходитъ изъ ящика, направленаго къ среднему ходу; каждая имѣетъ двойныя двери: однѣ желѣзныя, другія деревянныя, съ коническими отверстіями для надзора.

Каждому арестанту, по прибытіи его на мѣсто назначенія и послѣ тѣлеснаго испытанія, купанія и одѣванія въ арестантское платье, завязываютъ глаза. Въ центральномъ покоѣ директоръ увѣщеваетъ и предостерегаетъ его. Не раньше какъ по прибытіи его въ келью, въ которой онъ остается до истеченія срока наказанія и которая содержитъ все, что ему нужно, снимается съ его глазъ повязка. Съ этихъ поръ его предоставляютъ самому себѣ, безъ работы и безъ книгъ, до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не потребуетъ работы. Тогда ему даютъ занятія, на сколько то дозволить узкое пространство келіи, но безъ участія въ заработкѣ. Онъ лишается всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Пищи даютъ столько-же, сколько въ заведеніяхъ по Оборнской системѣ. Больница тюрьмы также устроена съ одиночными келіями. Порядокъ сохраняется отнятіемъ работы и книгъ, заключеніемъ въ темную келью, назначеніемъ хлѣба и воды, вмѣсто всякой пищи, а въ крайнихъ случаяхъ употребленіемъ рубашки умалишенныхъ (*Zwangsjacke*). Одобреніе надзирателя есть единственная ихъ на-

града; единственное ихъ развлеченіе составляетъ гулянье въ дворикахъ передъ келіями, въ которыя они приводятся въ маскахъ, прикрывающихъ все ихъ лицо, кромѣ глазъ. Молчаніе соблюдается съ безусловною строгостью. Даже къ надзирателямъ арестантъ долженъ обращаться въ полголоса, что, какъ говорятъ, очень вредно дѣйствуетъ на дыхательные органы. Колеса экипажей, употребляемыхъ въ этихъ заведеніяхъ, обиты кожей, надзиратели ходятъ въ носкахъ. Священникъ проповѣдуетъ по воскресеньямъ при входѣ въ галереи; арестанты слушаютъ его при полурастворенныхъ дверяхъ келій. Кромѣ того посѣщаетъ ихъ нравоучитель (moralinstructor). Эта система была еще исправлена въ Америкѣ принужденіемъ къ работѣ. Въ 1844 году было выстроено 11 тюремъ по этой системѣ.

Вотъ развитіе тюремнаго заключенія въ Америкѣ. Одинокость пустынноика, монастырское уединеніе, молчаніе картезіанца, принужденное раскаяніе католицизма, строгость нравовъ пуританъ, мистическое стремленіе квакеровъ къ возрожденію внутренняго челоуѣка и начала братской любви «общества друзей»,—всѣ эти элементы преобразованія наказанія обнаружались здѣсь. Америкѣ, по различнымъ обстоятельствамъ, было суждено служить образцомъ Европѣ на этомъ поприщѣ.

Подобно древнему Риму, въ то время, когда по словамъ Ливія, въ немъ учреждались первыя тюрьмы, въ нашъ вѣкъ Америка борется съ неудобствами, происходящими отъ чрезмѣрнаго накопленія народонаселенія. Усиленное стремленіе къ приобрѣтенію и тамъ легко заглушаетъ въ отдѣльномъ челоуѣкѣ сознаніе добра и зла. Возникаютъ преступленія, а совершившіе ихъ, убѣгаютъ въ лѣса. Эта безнаказанность вызываетъ со стороны правительства болѣе строгія предупредительныя мѣры и въ достиженіи изложеннымъ выше сего способомъ цѣли заключается главная задача американской общественной жизни.

Между тѣмъ Европа, вслѣдствіе стремленій Людовика XIV къ осуществленію принципа всемірной монархіи, была раздираема непрерывными войнами и при лицемѣрномъ, но безнравственномъ царствованіи Людовика XV эта династическая борьба продолжалась до конца семилѣтней войны. О дѣлахъ человѣколюбія, какъ напр. улучшенія тюремъ, тогда и не думали. Лишь по прекращеніи семилѣтней войны, въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ Италіи и Нидерландахъ, а въ послѣдствіи и въ Пруссіи стали обращать вниманіе на улучшеніе тюремнаго заключенія.

Беккариа имѣлъ въ то время большое вліяніе на мыслящихъ государственныхъ людей Европы. Такимъ образомъ, въ царствованіе Маріи Терезіи, въ 1766 году, въ Миланѣ была построена тюрьма съ одиночными келіями, взаимнѣ галеръ, и въ 1772 году въ Гентѣ, по предложенному фландрскимъ правительствамъ Графомъ Виленомъ XIV проекту, исправительный домъ, которому служили образцами римская тюрьма Св. Михаила и выстроенная въ то время тюрьма въ Генуѣ, «Albergo di Carbonara», съ надписью: «Silentium et obedientia». Въ 1776 году подобное же заведеніе было основано для Брабанта въ Вильворденѣ.

Въ тоже время въ Англіи, въ концѣ 18-го вѣка, былъ возбужденъ вопросъ объ улучшеніи тюремъ нонконформистомъ, сыномъ обойщика Джономъ Говардомъ. Онъ отправился въ Лиссабонъ. Судно, на которомъ онъ отправился, было перехвачено французскимъ въ 1756 году. Такимъ образомъ онъ изъ собственнаго опыта узналъ страданія плѣнныхъ, и въ глубинѣ сердца своего почувствовалъ то призваніе, которому онъ съ тѣхъ поръ посвятилъ себя. Сдѣланный шерифомъ Бетфордскаго графства, онъ увидѣлъ печальное состояніе его тюремъ. Свой опытъ изложилъ онъ парламенту; по его предложенію было постановлено, чтобы система одиночнаго заключенія служила основаніемъ при построеніи испра-

вительнаго дома въ Мильбанкѣ и въ 1786 году, почти въ одно время съ основаніемъ одиночной тюрьмы въ Америкѣ, была построена подобная же въ Глостерѣ.

Во Франціи Людовикъ XVI, въ знаменитомъ манифестѣ 1788 года, указалъ на улучшеніе мѣстъ заключеній, какъ на одну изъ самыхъ настоятельныхъ задачъ законодательства. Однакожь въ то время уже было невозможно успокоить страшныя бури революцій. Но здѣсь, какъ и прежде на Востокѣ, и въ тоже время въ Америкѣ, кровавыя преслѣдованія возбудили всеобщее участіе къ страдальцамъ и служили поводомъ къ изданію декретовъ учредительнаго собранія 1791 года, которыя въ основаніе всѣмъ наказаніямъ положили лишеніе свободы. Установленіемъ системы наказаній, содѣйствующей раскаянію и исправленію преступника, было произведено рѣшительное преобразованіе французскаго уголовного права. Одиночное заключеніе, подъ названіемъ *la gêne*, встрѣчается въ числѣ введенныхъ тогда средствъ наказаній.

д. 19-ое столѣтіе.

Въ законодательствѣ Наполеона (1808-1811), хотя и сохранено тюремное заключеніе, какъ наказаніе, но только въ смыслѣ устрашенія и исправленія.

Пожизненное заключеніе, отрубаніе руки, клейменіе, конфискація—наказанія, отмѣненныя учредительнымъ собраніемъ, были снова введены.

Тюремное заключеніе рѣзко разгранпчено.

Въ старшія тюрьмы округовъ и департаментовъ поступаютъ приговоренныя исправительно-полицейскими судами къ наказанію, срокомъ не менѣе чѣмъ на одинъ годъ.

По указу же отъ 16-го Іюня 1808 года были основаны центральныя тюрьмы, *maisons centrales*, для которыхъ были употреблены непроданныя еще общественныя строенія.

По королевскому приказу отъ 2-го Апрѣля 1817 года различались:

а) Тюрьмы (*maisons de force*) для содержанія (*reclusion*) преступниковъ, осужденныхъ къ тюремному заключенію, равно женщинъ, осужденныхъ на каторжныя работы.

б) Исправительныя заведенія (*maisons de correction*) для приговоренныхъ къ исправительно-полицейскимъ наказаніямъ срокомъ не менѣе чѣмъ на годъ.

Обыкновенныя наказанія, срокомъ менѣе чѣмъ на годъ, исполнялись въ тюрьмахъ департаментовъ и округовъ; прочія же въ центральныхъ тюрьмахъ.

Первыя содержатся на счетъ департамента; въ нихъ нѣтъ единства системы; все зависитъ отъ опредѣленія *conseils généraux*. Центральныя тюрьмы находятся въ непосредственной зависимости отъ правительства. Система послѣднихъ совершенно похожа на Оборнскую.

Сначала все управленіе было отдаваемо въ откупное содержаніе. Съ 1842 же года въ бѣльшей части тюремъ правительство приняло на себя наблюденіе и прирѣшніе. Тюрьмы похожи на большія мануфактуры. Должность директоровъ, которые въ тоже время и фабриканты и ремесленныя главы, черезъ это затрудняется; они поэтому часто бываютъ принуждены пренебрегать нравственнымъ вліяніемъ на арестантовъ. Состояніе здоровья вообще очень неудовлетворительно, что преимущественно происходитъ отъ вреднаго вліянія молчанія, въ особенности на женщинъ.

Закономъ отъ 8 Іюня 1842 года былъ введенъ *prétoire* или *tribunal prétorial*. Члены его суть: директоръ, инспекторъ, учитель, духовникъ и врачъ, если онъ ничѣмъ не задерживается. Присутствіе бываетъ каждый будничный день. Всѣ приглашенные являютъ въ одно время. Каждого говорящаго въ свое оправданіе выслушиваютъ.

Директоръ рѣшаетъ, но, до этого и послѣ произнесенія приговора, директоръ увѣщаетъ каждого арестанта. Этими аудіенціями укрѣпляется довѣріе къ справедливости и безпристрастіи директора.

Въ Алжирѣ, въ основанной полковникомъ Маренго тюрьмѣ, на 1500 арестантовъ, признаваемой образцовою, участвуетъ въ управленіи избранная самими арестантами депутація, хотя только съ совѣщательнымъ голосомъ; она же участвуетъ и въ контролѣ управленія.

Депутація эта слѣдитъ какъ за справедливостью, и безпристрастіемъ управителей, такъ и за продовольствіемъ и обращеніемъ съ преступниками вообще.

Какъ болѣе строгое наказаніе, въ ряду съ тюрьмами, были введены *bagnos* для людей, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ; эти *bagnos*, по указу октября 1792 года, замѣнили галеры. Въ 1850 г. существовало ихъ не болѣе двухъ: въ Брестѣ съ 3000 и въ Тулонѣ съ 4000 арестантовъ. Въ нихъ все еще сковываютъ двухъ преступниковъ вмѣстѣ. Однако общность работы, обыкновенно на открытомъ воздухѣ, и сношенія съ свободными работниками очень смягчаютъ это наказаніе. Здѣсь не требуется молчанія. Коммиссія *bagnos* въ Тулонѣ выражается объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «Работающаго человѣка не нужно принуждать къ молчанію. Эта мѣра не соотвѣтствуетъ національному характеру французовъ. У народовъ, отличающихся живымъ характеромъ и быстрымъ соображеніемъ, съ добрымъ и сообщительнымъ направленіемъ, у которыхъ уже образованіе сдѣлало общежитіе потребностью, было бы опасно принуждать арестантовъ къ молчанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ управители тюремъ были бы лишены возможности узнавать характеръ и намѣренія арестантовъ.

Смертность въ *bagnos* гораздо меньше, нежели въ тюрьмахъ. Эти заведенія для исполненія наказаній находились въ

связи съ строгими уголовно политическими правилами и мѣрами наполеонова законодательства.

Изъ римскаго уголовного права было принято правило: покушеніе на преступленіе равняется его совершенію, а намѣреніе двухъ лицъ дѣйствовать собща, если оно заключаетъ въ себѣ заговоръ противъ внутренняго спокойствія государства—обращается въ покушеніе; понятіе же о такомъ заговорѣ очень неопредѣленно, а потому очень часто одно подозрѣніе служило поводомъ къ обвиненію.

Обвинительный судъ присяжныхъ въ тоже время былъ отмѣненъ и введено тюремное заключеніе, которому подвергались преступники безъ всякаго суда и расправы.

Закономъ отъ 3-го Марта 1810 года императоръ, вмѣстѣ съ министрами юстиціи и полиціи, опредѣлилъ, какаго рода преступниковъ слѣдуетъ принимать и въ какую тюрьму.

По истеченіи одного года, преступника, если о дальнѣйшемъ удержаніи его не послѣдовало особеннаго опредѣленія, отпускали на свободу.

Скалистый островъ Св. Михаила, съ своими вырубленными въ скалахъ келіями, замѣнилъ ссылку.

Июльская революція отмѣнила клейменіе и отрубаніе рукъ.

Законъ 28 апрѣля 1832 года допущеніемъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ смягчилъ примѣненіе уголовныхъ законовъ.

Февральскою революціею была отмѣнена смертная казнь за политическія преступленія.

Когда утихли наполеоновскія войны, то и въ Швейцаріи, послѣ прежнихъ тщетныхъ опытовъ, принялись за улучшеніе тюремъ. Почти въ одно время возникли въ 1826 году исправительные дома въ Женевѣ и Лозаннѣ.

Введенная здѣсь система называется вмѣстѣ съ тѣмъ и европейскою.

По этой системѣ отмѣнено нанесеніе ударовъ, употребляемое по Оборнской системѣ; однакожь приняты изъ нея начала молчанія, участія арестантовъ въ заработкѣ и общественной работѣ и приготавлиются къ этому преступники чрезъ одиночное заключеніе отъ 1-го до 3-хъ мѣсяцевъ, по Филадельфійской системѣ.

Эта система отличается отъ обѣихъ другихъ классификаціею преступниковъ, которая лишь въ 1836 году была окончательно устроена въ Женевѣ. Главными основаніями къ примѣненію оной суть:

Характеръ преступника, совершеніе новаго преступленія и возрастъ.

Эта система вошла въ употребленіе въ Бернѣ, въ Тургау (въ Тобельскомъ заведеніи) и въ Сен-Галленѣ, въ тюрьмѣ, устроенной для нѣсколькихъ кантоновъ.

Преимущественно распространилась и развилась система классификаціи въ Сардиніи, гдѣ по ней были выстроены пять большихъ тюремъ.

Примѣру Сардиніи послѣдовала Тоскана.

Однако съ изданія закона 31 мая 1850 г. введено повсемѣстно одиночное заключеніе.

За то въ Италіи, въ особенности въ Ломбардіи, въ римскихъ и неаполитанскихъ владѣніяхъ господствуетъ европейская система.

Въ Римѣ встрѣчается еще осужденіе на галеры и нѣтъ достаточнаго надзора, попеченія и занятій.

Здѣсь часто встрѣчается, что отъ 50 до 70 обвиненныхъ и осужденныхъ сходятся, разговариваютъ и спятъ вмѣстѣ.

Заботы челоуѣколюбивыхъ обществъ ограничиваются ма-

теріальнымъ поддержаніемъ тюремъ, а духовныя лица полагаютъ, что достаточно одного совершенія литургіи. Даже братство Св. Винцента не допускается къ посѣщенію тюремъ.

Римскіе прелаты объявили систему одиночнаго заключенія несоотвѣтствующею духу католической церкви.

Тоже замѣтно и въ Неаполѣ, хотя тамъ, какъ и въ Миланѣ, болѣе склонны къ системѣ одиночества.

Однако ни въ одномъ государствѣ вопросы, касающіеся тюремнаго заключенія, не были разбираемы такъ основательно и съ такимъ терпѣніемъ на конгрессахъ и въ сочиненіяхъ, какъ въ Италіи.

Въ Испаніи, хотя и встрѣчаются еще галеры, но въ то же время есть и хорошо устроенныя тюрьмы, въ которыхъ, при умѣренной работѣ и хорошей пищѣ, господствуютъ чистота и порядокъ, именно: въ Валенціи, Севиллѣ и Толедо. Революціи помѣшали дальнѣйшему ихъ улучшенію,

Въ Португаліи тюремное управленіе повсюду отдано на откупъ. Должники, разбойники, убійцы, воры—всѣ живутъ вмѣстѣ, въ самыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Способъ содержанія соотвѣтствуетъ состоянію арестанта. Въ сырыхъ подвалахъ сидятъ самые бѣдные; 20 человѣкъ дѣтей безъ всякаго призрѣнія находили запертыми какъ бы въ клѣткѣ.

Только больница была хорошо устроена.

Военная тюрьма близъ Алжира, устроенная полковникомъ Маренго, отличается правильнымъ устройствомъ и порядкомъ въ распредѣленіи занятій, арестанты имѣютъ даже театр, въ которомъ сами исполняютъ роли.

Варварски устроены карцеры (cachots), какъ во всѣхъ французскихъ тюрьмахъ. Они представляютъ только пустое мѣсто, безъ скамьи и постели. Они или совершенно темны или почти темны и недостатокъ воздуха поддерживаетъ въ нихъ вредную сырость.

На ночь арестанту подбрасываютъ только немного со-
ломы.

Въ Алжирѣ самыя келіи были такъ малы, что арестан-
ты не могли въ нихъ ни стоять, ни лежать. Выпускали ихъ
оттуда раслабленными.

Упраздненіемъ монастырей въ Баваріи въ 1803 году во-
спользовались для основанія мюнхенскаго исправительнаго до-
ма; здѣсь въ главныхъ чертахъ придерживаются женевской
системы.

Въ Саксоніи введена таже система. Противъ системы
одиначества нѣсколько разъ возставали на ландтагахъ со сто-
роны министерства (Линденау.).

Въ Австріи, хотя и есть роскошный арестантскій домъ,
но устройство въ немъ недостаточно правильно.

Въ исправительномъ заведеніи въ Прагѣ, которое въ 1842
году содержало 1813 арестантовъ, всякій преступникъ му-
жескаго пола носилъ оковы и за женщинами надзирали
мужчины.

Въ Мекленбургѣ, въ Дрейбергенѣ, близъ Бюцова, была
построена тюрьма по смѣшанной системѣ.

Въ марграфствѣ Бранденбургѣ, по отношенію къ отпра-
вленію уголовного правосудія до начала 18-го столѣтія ру-
ководствовались въ главныхъ чертахъ уголовнымъ уложені-
емъ Карла V, котораго наказанія строгимъ монархамъ этой
страны только рѣдко приходилось усиливать.

Фридрихъ 1-й, своею кротостью и вѣротерпимостью до-
стигшии королевской короны, положилъ основаніе могуществу
Пруссіи и, побуждаемый тѣми же чувствами, онъ обратилъ
вниманіе и на положеніе арестантовъ. Въ 1708 первые ис-
правительные дома были устроены въ Галле и Шпандау.

Преемникъ его, Фридрихъ Вильгельмъ I, который экономіею и любовью къ порядку довершилъ начатое предшественникомъ его, издалъ законы, по которымъ производство слѣдствія было подвергнуто строгому надзору; наказанія же были усилены.

Смѣло выполнилъ Фридрихъ Великій—предпринятое его отцемъ преобразование. Какъ врагъ предубѣждений, стѣсняющихъ человѣчество, онъ вскорѣ по восшествіи на престолъ, 3-го Іюня 1740 года, отмѣнилъ пытку, исключая случаевъ государственной измѣны. Въ 1754 году онъ ее совершенно отмѣнилъ, какъ и вѣшаніе воровъ, изгнаніе, сопряженное съ наказаніемъ розгами, и безчестіе. Онъ создалъ и отечественный сводъ законовъ для спасеннаго имъ государства.

Общее земское право 1793 года содержитъ уже подраздѣленіе наказаній, заключающихся въ лишеніи свободы, на содержаніе въ тюрьмахъ, арестантскихъ домахъ и исправительныхъ заведеніяхъ. Но на практикѣ нельзя было сохранять никакого различія между обоими послѣдними видами. Фридрихъ внушилъ всѣмъ прусскимъ чиновникамъ свою энергію и добросовѣстность, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то духъ, можно сказать, религіозной привязанности ко всему установленному обычаемъ. Такимъ образомъ, когда американскія системы нашли столько подражанія въ Европѣ, Пруссія не тотчасъ приняла ихъ. Стали употреблять существующія уже зданія для устройства исправительныхъ заведеній. Въ 1838 г. было уже построено 27 тюремъ и три только съ одиночными келіями: въ Инстербургѣ, Зонненбургѣ и Моабитѣ, по лучшему образному плану.

Для внутренняго устройства вообще была принята система классификаціи. Преступленія, совершенныя по увлеченію, различались отъ преступленій противъ имущества; точно также опасность и негодность характера были основаніями для классификаціи.

Пища, разумѣется, отличается отъ пищи въ англійскихъ тюрьмахъ.

Мясо получаютъ арестанты только по тремъ большимъ праздникамъ и въ день рожденія короля, въ каждый по $\frac{1}{2}$ фунта.

Молчаніе есть основной законъ.

Но при обращеніи съ арестантами соблюдается то правило, что слѣдуетъ не только исполнять приговоръ судьи, но притомъ имѣть въ виду, что имѣешь дѣло съ падшимъ преступникомъ, въ которомъ все таки должно уважать человѣка, который работою и раскаяніемъ можетъ примирить свой грѣхъ, и котораго, посредствомъ этаго заключенія и религіозными и нравственными наставленіями, можно привести къ религіозно-нравственному исправленію.

Въ инструкціи для директоровъ прусскихъ тюремныхъ заведеній сказано:

«Главнымъ правиломъ начальника заведенія должно быть то, чтобы арестантовъ не стѣснять болѣе, чѣмъ того требуетъ цѣль его заключенія до тѣхъ поръ, пока они не вызовутъ болѣе строгихъ, по отношенію къ себѣ, мѣръ или худымъ поведеніемъ или даже проступками, достойными наказанія, потому что лишеніе воли можетъ имѣть слѣдствіемъ только онѣмѣніе души, но не можетъ родить въ человѣкѣ способности управленія собственными дѣйствіями. Съ каждымъ арестантомъ должно обращаться смотря по характеру его. Усмотрѣнію директора предоставляется содержать отдѣльно отъ прочихъ на болѣе или менѣе продолжительное время арестантовъ».

Девять новыхъ заведеній, между которыми особенно отличается заведеніе въ Галле, были построены и учреждены по этому началу въ 1841 году.

Фридрихъ Вильгельмъ IV, тотчасъ по восшествіи на престолъ, съ величайшимъ рвеніемъ, самъ принялся за улучшеніе

тюремъ. Была отправлена коммисія въ Англiю для изученiя состоянiя тюремнаго заключенiя; членомъ этой коммисiи былъ назначенъ Д-ръ Юлиусъ, который, поощряемый гамбургскимъ правительствомъ, совершилъ съ тою же цѣлью большое путешествiе въ Америку, результаты котораго онъ изложилъ въ своемъ сочиненiи: «Nordamerikanische Zustände» 1839. Ему сопутствовали: одинъ изъ высшихъ чиновниковъ по строительной части и директоръ одного изъ исправительныхъ заведенiй. Въ то же время было послано въ Бельгiю другое лицо изъ высшихъ чиновниковъ Пруссiи.

Съ тѣхъ поръ прошло 16 лѣтъ, въ продолженiе которыхъ еще ни на что не рѣшились и безусловно обратились къ пенсильванской системѣ.

Во всякомъ случаѣ устройство исправительныхъ заведенiе должно быть согласовано съ уголовнымъ законодательствомъ страны.

Разнообразность составныхъ частей прусскаго государства чрезвычайно затрудняетъ законодателя.

Въ прирейнской Пруссiи дѣйствовало законодательство Наполеона, но здѣсь оно совершенно уклонилось отъ того направленiя, которое оно приняло во Францiи. Французскiй законъ отъ 28-го апрѣля 1832 года, предписывающiй обращать вниманiе на смягчающiя вину обстоятельства, не былъ распространенъ на прирейнскую Пруссiю. Правила о примѣненiи уголовныхъ наказанiй, изданныя при Наполеонѣ, дѣйствовали во всей строгости, но и общее земское право, дѣйствующее въ остальныхъ частяхъ государства, далеко не удовлетворяетъ требованiямъ 19-го столѣтiя.

Какъ ли трудна задача прусскаго законодательства, по разрѣшенiю одной тѣмъ благотѣльнѣе, чѣмъ болѣе оно будетъ пропущено разнообразными началами государственной жизни. Это высокое значенiе ея всегда было въ виду у прусскаго

правительства; а народныя представительныя собранія, начавшіяся съ 1848 года, были вызваны этимъ сознаніемъ. Такимъ образомъ, въ 1851 году послѣ 50-ти лѣтнихъ законодательныхъ приготовительныхъ работъ былъ изданъ новый уголовный сводъ.

По отношенію къ логической связи и съ формальной стороны, въ новомъ сводѣ замѣтно вліяніе пререйнскаго законодательства; постановленія этаго послѣдняго смягчены и притомъ обращено вниманіе на общее положеніе германскаго права.

Кромѣ смертной казни и денежнаго взысканія, приняты изъ французскаго законодательства четыре вида лишенія свободы:

- 1) Простое лишеніе свободы полицейскимъ арестомъ.
- 2) Заключение, съ наблюденіемъ за занятіемъ и образомъ жизни арестантовъ, примѣняемое преимущественно при политическихъ преступленіяхъ и при дуэляхъ.
- 3) Тюремное наказаніе, съ принужденіемъ къ работѣ, соотвѣтственно способностямъ и положенію арестантовъ.
- 4) Заключение въ исправительномъ заведеніи съ принужденіемъ къ работѣ, употребительной въ этомъ заведеніи, сопряженное всегда съ лишеніемъ свободы и присвоенныхъ до состоянію правъ и преимуществъ.

Но и это подраздѣленіе не всегда можетъ быть соблюдено во всей строгости. Означенные различные виды тюремныхъ помѣщеній еще не существуютъ. Даже исправительныя наказанія часто исполняются въ обыкновенныхъ тюрьмахъ.

Министерству внутреннихъ дѣлъ подвѣдомствены 35 тюремъ съ 23 исправительными домами; министерству юстиціи, по числу судовъ и судебныхъ комиссій—786 тюремъ.

Заведенія перваго разряда лучше другихъ во всѣхъ отношеніяхъ; они не принимаютъ арестантовъ свыше назначеннаго имъ числа, тогда какъ при учрежденіи тюремъ министерства юстиціи, такъ какъ здѣсь имѣется въ виду арестъ

за долги и на время производства слѣдствія, нельзя было со всею строгостью провести опредѣленнаго плана. Въ этомъ то и состоитъ затрудненіе, въ чемъ однако невиновато вѣдомство юстиціи.

Чрезмѣрные расходы на управленіе тюремъ и недостаточные успѣхи онаго привели богатыя колоніями государства къ тому заключенію, что лучше обратиться къ первоначальному способу исполненія наказанія, — къ изгнанію, такъ какъ въ то же время этимъ способомъ метрополія избавлялась отъ излишка населенія, а колоніи населялись лицами болѣе образованными.

Въ Аргосѣ изгнаніе оказалось благотворнымъ, и если оно въ Сиракузахъ было вредно, то это происходило отъ злоупотребленій. Лучшіе граждане попеременно были изгоняемы другъ другомъ. Въ Аѳинахъ, гдѣ законодатель признавалъ значеніе остракизма, онъ составлялъ, по выраженію Монтескьё, драгоценное средство очищенія государства отъ политическихъ преступниковъ. Конечно, въ данный моментъ дозволялось подвергать ссылкѣ только одно лицо и для достиженія этого требовалось такое большинство голосовъ, что трудно было предать изгнанію гражданина, необходимость удаленія котораго не ощущалъ весь народъ. Притомъ можно было примѣнять это средство наказанія только черезъ каждые 5 лѣтъ.

Дѣйствительно, продолжаетъ Монтескьё, такъ какъ остракизмъ былъ употребляемъ единственно противъ такихъ личностей, которыя производили большое опасеніе въ своихъ согражданахъ, то онъ и не могъ сдѣлаться обыкновенною мѣрою наказанія *Interdictio aquae et ignis* въ Римѣ было похоже на это учрежденіе.

Императоръ Августъ впервые замѣнилъ изгнаніе ссылкой въ опредѣленное мѣсто (*relegatio*).

По англійскимъ законамъ это было запрещено. Блекстоупъ говорить: «никакая земная власть, за исключеніемъ парламента,

не имѣть права высылать англичанина, даже и преступника, противъ воли его, изъ предѣловъ королевства, ибо изгнаніе и ссылка, прибавляетъ онъ, суть наказанія, неизвѣстныя общему праву, и если въ настоящее время употребляютъ ссылку, то это или по выбору самого преступника, чтобы избѣгнуть смертной казни или вслѣдствіе, именно для извѣстнаго случая, изданнаго постановленія парламента. Никто не имѣлъ даже права высылать подданныхъ Англіи и Валлиса въ Шотландію, въ Ирландію, въ Гверсей и въ Жерсей; такого рода лишеніе свободы было противно закону. Король, кромѣ какъ въ Англіи и Валлисѣ, не имѣлъ права послать кого нибудь, исключая матросовъ и солдатъ, или опредѣлить куда нибудь противъ его желанія.

При королевѣ Елисаветѣ, хотя и было введено изгнаніе, какъ наказаніе по статуту, по которому было повелѣно высылать изъ королевства опасныхъ мошенниковъ, но по другому статуту той же королевы предоставлялось на благоусмотрѣніе судей приговаривать разбойниковъ Кумберланда и Нортумберланда къ смертной казни или къ вѣчной ссылкѣ въ Америку.

Только при Яковѣ I ссылка дѣйствительно вошла въ употребленіе. Король часто предлагалъ свою милость приговореннымъ къ смертной казни, съ условіемъ пожизненной ссылки.

По указу парламента 1780 года всѣ осужденные къ наказанію по крайней мѣрѣ на 3 года, были отправлены въ ссылку, преимущественно въ Марпландъ.

Каждый годъ прибывало въ эту провинцію отъ 3-хъ до 4-хъ сотъ ссыльныхъ. Капитаны кораблей принимали осужденныхъ на корабли на свой счетъ и вознаграждали себя тѣмъ, что отдавали ссыльныхъ въ наемъ плантаторамъ въ видѣ работниковъ.

Ссыльныхъ же, которые были въ состояніи заплатить за перевозъ, отпускали на волю, какъ только они достигали

материка Америки. Капитаны только по возвращеніи на родину давали отчетъ въ томъ, что они поступили съ осужденными согласно закону. Со времени отпаденія колоній, въ 1775 году, прекратилась ссылка въ Америку, бывшая, какъ выше упомянуто, одною изъ главныхъ причинъ разрыва съ метрополією.

Къ концу 18-го столѣтія ссылка снова вошла въ употребленіе. Капитанъ Кукъ открылъ путь въ Новый Южный Валлисъ, въ землю богатую своею производительностью. Полагали, что Ботани-Бей былъ назначенъ средоточіемъ отношеній между Европою, Западною и Восточною Индією и Китаемъ, и въ 1788 году былъ сдѣланъ опытъ примѣнить это назначеніе къ преобразованію правилъ содержанія преступниковъ.

Артуръ Филиппъ, назначенный генераль-губернаторомъ Новаго Южнаго Валлиса и сосѣднихъ острововъ, прибылъ 18 января 1788 года въ Ботани-Бей, съ первымъ транспортомъ, состоящимъ изъ 757 ссыльныхъ и 160 морскихъ солдатъ. Съ этого времени до 1820 года было сослано въ Восточную Австралію до 25,878 преступниковъ. Но каковы были результаты въ этомъ первомъ періодѣ колонизаціи? Цѣлыя шайки ссыльныхъ плѣнныхъ грабили мирныя жилища туземцевъ и сами надзиратели присоединялись къ нимъ. Однако въ 1820 году свободные колонисты, которыхъ надѣляли землею, поселялись еще среди этихъ бродягъ и ссыльные предоставлялись въ ихъ распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы они доставляли имъ одежду и прокормленіе. Это былъ родъ невольничества. По одностороннему приказанію хозяина, работниковъ можно было подвергать самымъ жестокимъ наказаніямъ. Но эта прибыль рабочихъ силъ произвела, какъ бы помощью волшебнаго жезла, явный переворотъ въ колоніи. Въ 1835 году въ колоніи уже было 100,000 поселенцевъ, съ 20,000 ссыльныхъ, изъ которыхъ 17,000 отпущенныхъ на волю. Вскорѣ колонія пользовалась всеми плодами внѣшняго образованія, — въ красивыхъ улицахъ города

Сидней катились omnibusy, въ театрахъ и концертахъ уже не доставало мѣста для всей публики. Въ этихъ удовольствіяхъ принимали участіе освобожденные преступники; часто они при этомъ собирали огромныя богатства. Но по мѣрѣ того, какъ колонія подвигалась впередъ, она привлекала къ себѣ все болѣе свободныхъ работниковъ и работа псевдосвободныхъ преступниковъ потеряла черезъ это свое значеніе. Преступленія ссыльныхъ, которыхъ отпускали хозяева, ужасно увеличивались въ колоніи. Это произвело сильное негодованіе колонистовъ противъ ссылки. Метрополия должна была уступить, чтобы не лишиться этой колоніи, какъ лишилась сѣвероамериканской, и тѣмъ болѣе принуждена была къ тому, что число преступленій въ Англии черезъ то, что ссылка потеряла всѣ свои ужасы, нисколько не уменьшалось; къ тому же расходы на нее были неимоверны.

Такимъ образомъ ссылка въ Восточную Австралію прекратилась въ 1840 году.

Вмѣсто нея ввели: *сложную систему*, основаніе которой составляетъ исправленная пенсильванская система.

Вмѣсто совершеннаго уединенія преступника, было определено одиночное заключеніе, смягчаемое частымъ посѣщеніемъ тюремныхъ чиновниковъ. Арестанты принимаютъ участіе въ общественномъ богослуженіи и ученіи, но отдѣлены другъ отъ друга особыми келіями.

Это одиночное заключеніе продолжается девять мѣсяцевъ, много годъ. Арестанты ежедневно занимаются, въ продолженіи 12 часовъ, или работою, или ученіемъ. Четыре раза въ годъ они имѣютъ право, подъ надзоромъ, видѣться съ своими родственниками или писать имъ. Въ каждую келію проведенъ колокольчикъ, такъ что арестантамъ дается возможность во всякое время дня требовать кого-либо изъ служащихъ при тюрьмѣ.

Въ этой тюрьмѣ, основанной въ 1842 году по пенсильванской одиночной системѣ въ Пентонвилѣ, близъ Лондона, находятся обыкновенно до 561 арестанта. Она служила образцомъ многимъ арестантскимъ заведеніямъ.

По прошествіи срока испытанія, арестантамъ позволяется работать въ обществѣ съ другими. Въ каменоломняхъ, на полуостровѣ Портландѣ, они выстроили желѣзоплавильный заводъ, желѣзную дорогу, со всеми принадлежностями, исправили дороги и выстроили огромную тюрьму на 10,000 арестантовъ. Въ настоящее время они строятъ дамбу, которая на этихъ опасныхъ берегахъ сдѣлалась настоятельною потребностью. Морской воздухъ и примѣръ прилежанія при тяжелой работѣ укрѣпляетъ и исправляетъ ихъ. Утромъ, до разсвѣта отправляясь на работу, они могли бы производить безпорядки, которые легко было-бы скрыть, но, чувствуя, что къ нимъ имѣютъ довѣріе, они не употребляютъ этого во зло. Приятно видѣть, какъ арестанты смотрятъ на тюремныхъ начальниковъ какъ на своихъ друзей, съ которыми они могутъ посоветоваться.

«Нерѣдко встрѣчалось мнѣ,» говоритъ полковникъ Джеббъ, «что арестанты, которыхъ я долженъ былъ наказывать за какой нибудь проступокъ противъ тюремнаго порядка, по выдержаніи наказанія, приходили ко мнѣ и выражали свое раскаяніе объ этомъ проступкѣ». Они скоро выучиваютъ свое дѣло. Послѣ работы ихъ обучаютъ религіи и элементарнымъ наукамъ. Издержки на поддержаніе заведенія составляютъ въ годъ, на каждаго арестанта, круглымъ числомъ—50 талеровъ. Подобно какъ въ Портландѣ, (гдѣ 1520 арест.), арестантовъ употребляютъ на работы на арестантскихъ корабляхъ (hulks) на верфяхъ военной гавани въ Портсмутѣ (гдѣ въ 1852 г. было 1376 арест.), въ Гибралтарѣ, въ Бермудѣ и въ Дартморѣ.

Дартморъ, содержавшій въ 1852 году 1652 арестанта,

отличается еще чрезвычайнымъ ихъ успѣхамъ по части земледѣнія. Здѣсь по возможности обращаютъ вниманіе на прежнее званіе каждаго арестанта. Земледѣльческія работы улучшили не только здоровье арестантовъ, но и самый климатъ. Такъ какъ работа подъ открытымъ небомъ, въ этихъ заведеніяхъ, похожа на работу свободнаго человѣка, то она и должна ихъ готовить къ свободной жизни. Съ этою цѣлью арестантамъ каждую недѣлю даютъ въ награжденіе 10 зльбергрошей (30 к. с.), смотря по ихъ поведенію.

Изъ этихъ заведеній арестантовъ отправляли черезъ одинъ, два или три года, смотря по важности преступленія и по ихъ поведенію во время общественныхъ работъ, не на востокъ Австраліи, а на югъ, на островъ Вандименова земля, гдѣ плата за работу была очень высока. По прибытіи на этотъ островъ, преступникъ долженъ былъ выдержать время испытанія въ другой тюрьмѣ.

Если они дурно выдерживали это испытаніе, то ихъ отправляли на островъ Норфолькъ, простирающійся на 1½ мили (къ сѣверо-востоку отъ Вандименовой земли), населенный преступниками и находящійся подъ строгимъ присмотромъ. Здѣсь капитанъ Маконохій, главный управитель острова, ввелъ такъ называемую *систему марокъ*, по которой получившимъ известное число рабочихъ марокъ за всякаго рода работу, даже за научную, и за хорошее поведеніе, сокращалось время наказанія, и такъ сказать совершенно отработывалось. Изъ Норфолька они могли быть снова переведены на Вандименову землю. Если преступникъ хорошо выдерживалъ рабочее время на Вандименовой землѣ, то онъ получалъ видъ на свободу (*ticket of leave*), при посредственномъ поведеніи—одобрительный видъ (*ticket of probation*).

Съ видомъ на свободу, преступникъ, подъ надзоромъ правленія колоніи, могъ занимать въ услуженіе. 24,000 преступниковъ были сосланы на Вандименову землю; они со-

ставляли $\frac{2}{3}$ всѣхъ работниковъ. При пониженной по этому случаю платѣ за работу, Вандименова земля, какъ передъ тѣмъ Ботани-Бей, сдѣлалась одною изъ самыхъ цвѣтущихъ колоній. Тогда и свободные люди стали отправляться туда, въ особенности когда открыты были золотые рѣски.

Свободные работники страдали отъ конкуренціи съ псевдосвободными. Жители Вандименовой земли, подобно жителямъ Новаго Южнаго Валлиса, вооружились противъ ссылки и, по указу парламента отъ 23-го августа 1853 г., ссылка окончательно была отмѣнена въ Англіи. Только тѣмъ осужденнымъ, которые о томъ просили, иногда дозволялось поселиться въ Западной Австраліи, но безъ обязанности со стороны правительства возвращать ихъ на родину. Впрочемъ по одному указу парламента, объявленному въ 1857 году, опять стали перевозить туда, по закону, преступниковъ; ибо Англія не можетъ отказать нѣкоторымъ колоніямъ въ этихъ дешевыхъ рабочихъ силахъ.

Число одиночныхъ тюремъ между тѣмъ доведено до двадцати. Двѣ изъ нихъ въ Шотландіи: въ г. Пертѣ, гдѣ находится главная тюрьма, и въ Глазго; въ Ирландіи одна—въ Бельфаствѣ; въ Лондонѣ, кромѣ Пентонвилля, Клеркенвельская тюрьма; для прочей Англіи: въ Лидсѣ, Манчестрѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, Ватѣ, Винчестрѣ, Шрюсбури, Престоуѣ, Стафордѣ, Эльбургѣ, Лестерѣ, Нортемптонѣ, Райдингѣ, Спрингфилдѣ, Люсѣ, Едингтонѣ и Юскѣ. Заведенія для общественныхъ работъ (penal servitude) остались по прежнему.

Къ видамъ на свободу, которые прежде выдавались для колоній, присоединяются и виды на свободу для отечества.

Чиновниками, не зависящими другъ отъ друга, ведется о поведеніи и прилежаніи преступниковъ журналъ, извлеченія изъ котораго каждый мѣсяць сообщаются самимъ преступникамъ и потомъ дозволяется имъ перейти къ свободной работѣ, даже до истеченія срока наказанія.

Тысячи преступниковъ были такимъ образомъ выпущены изъ англійскихъ тюремъ, на основаніи этихъ видовъ на свободу. Впрочемъ такіе виды могутъ быть отняты за худое поведеніе или лѣнь.

Всякій выпускаемый получаетъ платье, бѣлье, біблію и молитвенникъ. Тюремный чиновникъ провожаетъ его до ближайшей станціи желѣзной дороги, платитъ за него деньги за проѣздъ до мѣста его назначенія, которое онъ себѣ можетъ избрать, въ случаѣ если оно не отдаленнѣе мѣста его осужденія.

Директоръ тюрьмы помогаетъ ему при этомъ выборѣ, извѣщая его о требованіи на работу и о характерѣ хозяина. Онъ выдаетъ ему на руки нѣсколько шиллинговъ, изъ его выработки, съ аттестатомъ о поведеніи и видомъ на свободу. Половина его экономіи выплачивается ему почтовымъ вѣдомствомъ, по прибытіи его на мѣсто назначенія; другую половину получаетъ онъ лишь черезъ три мѣсяца, если онъ докажетъ чрезъ свидѣтельство магистрата и мѣстнаго священника, что онъ самъ честнымъ образомъ добываетъ себѣ пропитаніе. Англійскіе тюремные директоры чрезвычайно выгодно отзываются о дѣйствіи видовъ на свободу. Точно также отзываются о нихъ бельгійскіе и французскіе генералъ-инспекторы тюремъ—Дюкнетіо и Люкасъ и генералъ-прокуроры Дюпенъ и Бонвиль. Де Мецъ, основатель заведенія Ла-Метрей, смотритъ на нихъ какъ на учрежденіе, съ помощью котораго только попечительныя о тюрьмахъ общества и земледѣльческія колоніи могутъ надѣяться на успѣхъ.

Женщинъ, если онѣ оказываются достойными полученія видовъ на свободу, по выдержаніи ими испытанія въ учрежденной по системѣ классификаціи тюремъ Брикстонъ въ Лондонѣ, стараются помѣстить въ дома общественнаго призрѣнія, какъ напр: Дальстонскій. Въ заведеніе Редгилъ принимаютъ

малолѣтнихъ, въ Камдешъ-Таунъ взрослыхъ женщинъ; многіе частные люди предлагаютъ для этой цѣли свое содѣйствіе.

Изъ этого видно, что одиночное заключеніе все еще представляетъ главное основаніе тюремнаго заключенія въ Англіи; но не смотря на непродолжительность въ нихъ срока заключенія, принятая въ этихъ заведеніяхъ система возбудила чрезвычайно основательныя опасенія.

Одинъ врачъ и одинъ священникъ такого заведенія выставили опасность нравственнаго потрясенія, сопряженную съ такого рода наказаніемъ.

Докторъ Бели, служившій при тюрьмѣ Мильбанкъ, въ которой одиночное заключеніе даже не строго соблюдается, говоритъ въ своемъ донесеніи британскому парламенту: «наблюденіе удостовѣрило меня, что кратко-временное одиночное заключеніе связано съ величайшею опасностью для людей слабаго и лѣнливаго духа; наблюденія и распросы въ другихъ тюрьмахъ далѣе увѣрили меня, что при строгомъ соблюденіи заключенія въ одиночныхъ келіяхъ на болѣе продолжительное время, арестанты подвергаются сумасшествію.»

«Опасность, разумѣется, уменьшается тамъ, гдѣ арестантамъ дозволено упражнять свой умъ обращеніемъ съ тюремными чиновниками и ученіемъ; но опасность, такъ я полагаю, во всякомъ случаѣ неизбежна, коль скоро одиночное заключеніе употребляется въ видѣ наказанія, потому что оно именно такое наказаніе, которое дѣйствуетъ на умъ.»

«Въ тюрьмахъ обыкновенно выраженіе «сумасшествіе» употребляется только для различныхъ формъ сильнаго умственнаго потрясенія, а потрясенія болѣе слабаго характера причисляютъ въ особенную категорію, подъ названіемъ «обманчивые образы (delusions)». Но это обыкновеніе, какъ я думаю, можетъ привести къ тому ложному убѣжденію, будто есть разница между такъ называемыми обманчивыми образами и су-

масшествіемъ; по моему опыту, обманчивые образы и поманіи чрезвычайно рѣдко бываютъ у людей, которые душевно здоровы, напротивъ они спутники общаго, хотя и менѣе очевиднаго потрясенія или ослабленія душевныхъ силъ».

«Различныя, болѣе или менѣе, очевидныя формы нравственнаго потрясенія не представляютъ еще собою всѣхъ дѣйствій, которыя одиночное заключеніе можетъ произвести на душу человѣка. Если это наказаніе, во всей своей строгости, соблюдается въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то производитъ какое то подавляющее душу (depressing) впечатлѣніе на преступниковъ. Оно проявляется частію въ потерѣ физическихъ силъ и способности противустоять внѣшнимъ впечатлѣніямъ, (оттуда происходятъ судорожные припадки, которыми страдаютъ многіе въ первое время, когда ихъ изъ одиночныхъ келій переводятъ на корабли для ссылки), частію въ ослабленіи нравственной энергіи въ различныхъ степеняхъ. У иныхъ это душевное состояніе клонилось къ рѣшительному тупоумію, у другихъ оно казалось причиною наклонности къ сумасшествію, подъ вліяніемъ того раздраженія, которому они подвергались, когда ихъ сажали на корабль; у другихъ опять потерю нравственной энергіи могли замѣтить только тѣ, которые съ ними постоянно имѣли дѣло и такимъ образомъ имѣли случай сравнить теперешнее состояніе ихъ съ прежнимъ, или поведеніемъ другихъ преступниковъ вообще».

Священникъ Кингсмиль говоритъ въ томъ же донесеніи: «опытъ врача тюрьмы, который недавно предложенъ британской публикѣ, давно уже былъ и мой».

«Чѣмъ строже исполняется планъ наказанія, тѣмъ очевиднѣе его вліяніе на здоровье преступника. Допуская въ большемъ размѣрѣ взаимныя сношенія съ преступниками и движенія на свободномъ воздухѣ, можно произвести на душу и тѣло преступника тоже вліяніе, какое производитъ теплородъ

на термометръ; каждому градусу снисхожденія соотвѣтствуетъ соразмѣрное возвышеніе состоянія здоровья арестанта».

Кингсмиль самъ говоритъ: «по составленнымъ для случаевъ умственнаго разстройства таблицамъ оказывалось, что такое разстройство чаще случалось въ первомъ, чѣмъ во второмъ періодѣ 18 мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ здѣсь дѣлали опытъ. Однако это, по моему мнѣнію, легко можно соединить съ принятіемъ постепеннаго убыванія физическихъ и нравственныхъ силъ бѣльшей части преступниковъ, подверженныхъ такому испытанію».

«Дѣйствительная болѣзнь души развивалась въ первое время заключенія, тогда какъ общая слабость или взнеможеніе духа были признаками послѣдней части одиночнаго заключенія и если впоследствии освобождали этихъ страдальцевъ, то они уже не были въ состояніи, какъ другіе люди, прокладывать себѣ путь въ жизни; при столкновеніи этого невыгоднаго обстоятельства съ ихъ подозрительностью, они во многихъ случаяхъ были осуждены на безнадежную бѣдность, бродяжничество и совершеніе новыхъ преступленій».

«Далѣе я замѣтилъ; что сокрушеніе души не заключается еще въ подавленіи духа; ожесточеніе не есть раскаяніе; намѣренія и обѣты на исправленіе во время претерпѣванія наказанія за преступленіе не заключаютъ въ себѣ никакого дѣйствительнаго отступленія отъ злыхъ началъ, никакого основательнаго исправленія характера».

«Ослабленіе физической и нравственной эпергій не имѣетъ послѣдствіемъ набожность; религія, которая основывается на растройствѣ умственныхъ силъ, не можетъ быть сама здоровою».

Однако, по мнѣнію многихъ важныхъ авторитетовъ, одиночное заключеніе не содержитъ въ себѣ болѣе опасности для нормальнаго состоянія души, чѣмъ всѣ прочія тюрьмы.

Во Франціи, по примѣру Англіи, въ продолженіи времени отъ 1842 до 1852 года были устроены 47 тюремъ въ департаментахъ. Въ то время, когда 15 уже строились и разсматривались плацы еще для 6, министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ отъ 8 августа 1853 г., объявилъ всѣмъ префектамъ, что правительство окончательно отмѣнило систему одиночнаго заключенія и возвратилось къ прежней системѣ классификаціи.

Въ тоже время Левъ Видалъ, въ сочиненіи своемъ, которое кажется должно было послужить для того, чтобы приготовить къ этому народъ, выводитъ причиною этой отмѣны преимущественно то, что частыя посѣщенія арестантовъ невозможны, потому что этимъ уничтожается все дѣйствіе системы, одиночное же заключеніе не преобразовываетъ человека, а только разстроиваетъ душевное и тѣлесное его здорье.

Въ Даніи, не взирая на эти опыты, правительство разрѣшило выдать 1,500,000 франковъ для построенія тюрьмы съ одиночными келіями, послѣ того, что законами отъ 21 декабря 1841 года, отъ 25 іюня 1842 и отъ 6 мая 1856 года было уже введено одиночное заключеніе. Теперь уже готовы одиночныя тюрьмы въ Кристіангагенѣ, около Копенгагена и въ Горзенсѣ въ Ютландіи на 300 арестантовъ и уже начали строить таковую же для Голштиніи и Лауенбурга въ Глюкштадтѣ.

Въ Баденѣ пенсильванская система была введена закономъ, изданнымъ въ февралѣ 1852 года. Въ продолженіи шести лѣтъ арестанты подвергаются одиночному заключенію. Два мѣсяца одиночнаго заключенія равняются тремъ мѣсяцамъ обыкновеннаго заключенія. Съ этою цѣлью въ 1841 году начата постройка «новаго мужскаго исправительнаго дома» въ Бруквалѣ, по образцу Пентонвилля; въ 1848 году, 10 октября онъ былъ оконченъ и уже замѣщенъ. Это стоило 700,000 гуль-

деновъ; каждая келья, а ихъ 400, стоила около 3,500 франковъ. Кельи, пространствомъ на 180 куб. футовъ больше пентонвильскихъ, именно въ 13 фут. длины, 8 фут. ширины и 9 фут. 7 дюймъ вышины. Въ нихъ арестанты остаются цѣлый день, кромѣ полчаса до обѣда и столько же послѣ обѣда, назначенныхъ для одиночныхъ прогулокъ въ дворахъ тюрьмы.

Молитвы, которыя арестантъ долженъ произносить въ полголоса, прибиты на стѣнѣ келии. Въ половинѣ девятого часа, тюремные чиновники обязаны тушить свѣчи въ кельяхъ. Разъ въ мѣсяцъ дозволено посѣщеніе родныхъ въ приѣмной въ присутствіи чиновника. Черезъ день арестанты получаютъ по $\frac{1}{4}$ фунта мяса. Попечительныя общества въ Баденѣ вездѣ находятся въ союзѣ съ тюремными управленіями, которыя уведомляютъ ихъ о всѣхъ выдержавшихъ наказаніе преступникахъ, ищущихъ себѣ пропитанія. Попечительнымъ обществамъ поручаютъ экономіи отнужденныхъ на свободу, для издержекъ на ихъ нужды. Центральный комитетъ попечительныхъ обществъ находится въ Карлсруэ и сносится съ министромъ юстиціи.

Объ этой тюрьмѣ сами арестанты давали подробные отчеты.

Георгій Фридрихъ Шлаттеръ, бывший сперва приходскимъ священникомъ, потомъ членомъ и старшимъ президентомъ конституціоннаго собранія въ Баденѣ, провелъ въ Брукзальской тюрьмѣ 5 лѣтъ и 4 мѣсяца. Въ его сочиненіи видно желаніе выгодно отозваться объ этомъ заведеніи, однакожъ онъ дѣлаетъ противъ него нѣкоторыя замѣчанія. Напримѣръ, онъ подробно распространяется объ опасности душевнаго разстройства, происходящаго отъ одиночнаго заключенія, о вредномъ сквозномъ вѣтрѣ въ тюрьмѣ, о вреднодѣйствующей на дыхательные органы пыли, происходящей отъ недостаточной крѣпости половъ, о сухости воздуха отъ

духовыхъ печей. Опъ жалуется на то, что бѣлье, безъ всякаго различія, передавалось отъ одного другому, на недостаточность питанія, на недостаточность занятій, на тѣсноту приемныхъ, на систему шапокъ и нумераціи.

Рѣзче критика Корвина. Опъ главное преимущество этой системы видитъ въ томъ, что преступники не могутъ имѣть нравственнаго дурнаго вліянія одинъ на другаго. Это, кажется, и есть главная причина, почему Гёгеле, бывшій прежде (1852 г.) политическимъ арестантомъ, въ Брукзалѣ, въ мужскомъ исправительномъ домѣ, рекомендовалъ одиночное заключеніе.

Съ 1848 года, именно закономъ отъ 12-го іюля 1848 года, введена въ Норвегіи система одиночества, по которой выстроена недалеко отъ Христіаніи, тюрьма по образцу Пенн-товнля, на 230 арестантовъ, и уже занята ими.

Въ Швеціи, гдѣ король Оскаръ, въ 1840 году, бывши еще наслѣднымъ принцомъ, подалъ своимъ сочиненіемъ первый поводъ къ преобразованію тюремъ, устроено 17 тюремъ по пенсильванской системѣ.

Закономъ 7-го іюня 1851 года введено одиночное заключеніе въ Нидерландахъ, однако срокомъ только на 6 мѣсяцевъ. Наказаніе одиночнаго заключенія считается вдвойнѣ. Таковыхъ тюремъ 5, именно въ Амстердамѣ, Горкумѣ, Веншотенѣ, Абингамѣ и Снекѣ.

Въ Бельгіи одиночное заключеніе въ первый разъ вошло въ употребленіе въ 1835 году и есть ничто иное, какъ особенная квартира, устроенная по флладельфійской системѣ. Эта система строго введена въ тюрьмахъ въ Брюсселѣ, Дипантѣ, Тонгернѣ, Брюгге, Люттихѣ, Вервие, Шарлеруа и Антверпенѣ; въ Вильворденѣ и Алоестѣ еще съ бѣльшимъ числомъ келій. Всего въ 1854 году въ Бельгіи было 951 келья по пенсильванской системѣ.

И во Франкфуртѣ Сенатъ, вѣдствие отчета отъ 27 сентября 1856 года, заключилъ учредить тюрьму по системѣ одиночнаго заключенія. Тоже было и въ Тосканѣ, какъ уже упомянуто, съ 31 марта 1850 года.

Во Франціи, вмѣстѣ съ отмѣною пенсильванской системы, былъ отмѣненъ и Баньось, а вмѣсто него введена ссылка въ Гуапу, находящуюся на югѣ соединенныхъ штатовъ.

Уже въ 1763 году Шуазель (мнн. иностр. дѣлъ при Людов. XV) старался устроить эту колонію вмѣсто потерянной Канады; но изъ 12,000 переселенныхъ туда, черезъ два года возвратились въ Европу только 2,000 оставшихся въ живыхъ.

Однако въ 1794 г. все таки сослали туда политическихъ преступниковъ.

По декрету 1852 года участники возмущенія или тайныхъ обществъ, указанные департаментскою комиссіею, были сослаемы туда, а въ 1854 году 30 мая этотъ декретъ былъ обращенъ въ законъ.

Въ послѣдствіи было постановлено политическихъ преступниковъ отправлять въ Ламбессу въ Африкѣ и въ новую Каледонію въ Австраліи, недалеко отъ острова Норфолка.

Окажется-ли эта французская ссылка успѣшнѣе англійской, для уменьшенія числа преступленій, соответствуетъ-ли она вообще цѣлямъ наказанія, все это, даже по мнѣнію высшихъ судебныхъ чиновъ настоящаго французскаго правительства, остается проблемою.

Достоверно то, что вѣншія колоніи не облегчатъ рѣшенія задачи уголовного судопроизводства.

Съ другой стороны нельзя не признать, что занятія осужденныхъ земледѣльческими работами, производятъ блестящіе резуль-

таты не только относительно обработки самой почвы, но во многих отношеніях дѣйствуютъ чрезвычайно выгодно и на самихъ арестантовъ-земледѣльцевъ.

Съ этой точки зрѣнія занятія арестантовъ внѣ исправительныхъ заведеній въ Пруссіи имѣютъ важное значеніе. Исполненіе тюремнаго наказанія обратило на себя особенное вниманіе депутатскаго собранія, не только съ точки зрѣнія нравственно-политической, но и государственнаго хозяйства. Число преступниковъ около 13,000 въ продолженіи времени отъ 1848 до 1854 года удвоилось, а число арестантовъ, по произведенной смѣтѣ, возвысилось до 60,000, такъ что тюрьмы должны были принимать въ пятеро больше преступниковъ, чѣмъ на сколько онѣ были устроены и, какъ видно изъ отчета юстицъ комиссіи, обращались такимъ образомъ въ невѣрныя и нездоровыя мѣста заключенія. О надлежащемъ раздѣленіи, классификаціи и занятіяхъ арестантовъ нельзя было и думать; необходимыми же послѣдствіями этого были ослабленіе дисциплины и порядка и увеличивающаяся безнравственность арестантовъ.

Притомъ издержки по части исполненія наказаній въ эти 6 лѣтъ съ 1,017,584 талеровъ увеличились до 3,263,680 талеровъ, изъ которыхъ однакожъ слѣдуетъ вычесть 487,457 тал. дохода этихъ заведеній; кромѣ того издержки для новыхъ построекъ за 1855 годъ, по тому же отчету, равнялись 359,922 талерамъ. По размѣру новыхъ построекъ въ Минстерѣ и Ратиборѣ пришлось бы на каждую тысячу арестантовъ по милліону, такъ что на оказавшійся излишекъ противъ прежняго состава потребно было-бы еще отъ 20 до 30 милліоновъ.

Для прекращенія этихъ неудобствъ былъ изданъ законъ 11 апрѣля 1854 года, по предложенію президента апелляціоннаго суда Венцеля, принятому законодательствомъ, которымъ были опредѣлены занятія арестантовъ внѣ тюремныхъ заведеній.

По этому закону, приговоренные къ заключенію въ исправительномъ домѣ или тюрьмѣ, могутъ быть употребляемы для произведенія работъ внѣ тюрьмы, а приговоренные къ полицейскому аресту на безвозмездную работу въ продолженіи столькихъ дней, на сколько имъ назначенъ полицейскій арестъ. Присутственныя мѣста имѣютъ даже право назначать определенную поденную работу и такъ, что если осужденный при напряженной дѣятельности успѣетъ ее окончить раньше, то его раньше отпускаютъ на свободу.

Въ инструкціи отъ 30 мая 1854 года, въ дополненіе къ этому закону, ближе опредѣляется его исполненіе; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней выражено то, что разрѣшеніе заниматься такими работами должно быть даваемо въ видѣ награды.

Въ оправданіе этого закона, Венцель приводитъ еще то, что большая часть арестантовъ, по ихъ освобожденіи, обращаются къ полевымъ работамъ и къ поденщинѣ и потому слѣдуетъ ихъ отпускать уже приспособленными къ тому, а обыкновенныя занятія въ тюрьмахъ ослабляютъ только силу мускуловъ, возвышаютъ чувствительность къ перемѣнѣ температуры и чувствительность нервъ, и дѣлаютъ ихъ такимъ образомъ неспособными къ этому назначенію.

Венцель сообщаетъ, что въ округѣ ратиборскаго апелляціоннаго суда, съ изданія этого закона, частными лицами на 600 человекъ арестантовъ были частью вновь выстроены тюрьмы, частью устроены въ имѣющихся уже зданіяхъ, такъ что государству, которое отъ этого выиграло отъ 3 до 400,000 талеровъ, устройство тюремъ ничего не стоило.

Эта потребность помѣщенія арестантовъ такъ скоро была удовлетворена, что нельзя было принять всѣхъ предложеній частныхъ лицъ объ учрежденіи подобныхъ рабочихъ заведеній.

Для сокращенія сроковъ заключенія въ тюрьмѣ или исправительномъ заведеніи свыше трехъ мѣсячнаго, Венцель

далъ 4-го декабря 1854 г. предложеніе депутатскому собранію о введеніи системы срочнаго отпуска и маконохіевой системы марокъ.

Въ донесеніи юстицъ комисіи объ этомъ предложеніи, въ которомъ объяснена вся система уголовного права, упомянуто, что законъ 11 апрѣля 1854 года, въ особенности примѣняется въ обширномъ размѣрѣ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, и именно, по донесеніямъ административныхъ мѣстъ (донесенія судовъ еще не были доставлены), въ той степени, что арестанты брали въ аренду и обрабатывали земледѣльческіе участки, отчасти же и такимъ образомъ, что арестантовъ въ большихъ или меньшихъ отдѣленіяхъ отпускали подъ присмотромъ тюремнаго служителя въ большія помѣстья, для произведенія крестьянскихъ работъ, съ поденною платою, или-же для общественныхъ работъ, какъ то: проведенія шоссе, постройки плотинъ и крѣпостей и подобныхъ большихъ работъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, занятія подъ открытымъ небомъ вообще оказались чрезвычайно благодѣтельными. Столько-же благотворно было вліяніе ихъ на преступниковъ и не менѣе довольна была этимъ казна.

Противъ системы марокъ комисія приводитъ то разсужденіе, что по ней работы обыкновенныя дѣлаются предметомъ наказанія.

Систему срочнаго отпуска комисія считаетъ плодотворною мыслію, способною ввести въ механизмъ исполненія уголовныхъ законовъ начала разумной жизни.

Камера, въ засѣданіи 28-го марта 1856 года, въ которомъ и министръ юстиціи чрезвычайно выгодно отозвался объ успѣхахъ закона отъ 11 апрѣля 1854 года, представила на разсмотрѣніе правительства проектъ закона депутата Венцеля, и для принятія въ особенное уваженіе систему срочнаго отпуска, но разумѣется съ усиленіемъ и сокращеніемъ наказанія.

Въ лѣто 1857 года, вѣроятно вслѣдствіе этого преобразования, число арестантовъ въ арестантскихъ заведеніяхъ провинціи Саксоніи замѣтно уменьшилось. Въ тюрьмахъ оказалось много пустыхъ мѣстъ; общественныя заведенія для занятія арестантовъ сносятся другъ съ другомъ о передачѣ имъ работниковъ.

III. ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ ВНУТРИ ГОСУДАРСТВА, КАКЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Чтобы тюрьмы и исправительныя заведенія могли достигнуть своего назначенія, они должны быть поставлены въ связи съ назначенными для воспитанія и исправленія земледѣльческими колоніями, внутри государства.

Къ этому заключенію ведетъ все развитіе законовъ о наказаніяхъ, котораго цѣли достигаются здѣсь вмѣстѣ съ цѣлями воспитанія преступниковъ и обработки почвы.

И эти земледѣльческія колоніи вездѣ имѣли самые отрадныя результаты.

Песталоци, родившійся 100 лѣтъ тому назадъ, первый ввелъ въ Швейцаріи эту идею. Онъ собиралъ въ свой пріютъ «Нейгофъ» беззащитныхъ дѣтей и былъ имъ отцомъ. Для нихъ онъ жертвовалъ деньгами и временемъ, можно даже сказать, здоровьемъ и жизнью.

Въ 1799 году послѣдовалъ его примѣру бернскій патрицій фонъ-Феллебергъ. Когда пала независимость его отечества отъ напоровъ французской республики, онъ старался дѣйствовать для воспитанія челоуѣчества. Въ этомъ духѣ основалъ онъ заведеніе «Гофвилъ», которое послужило образцемъ 13 подобнымъ заведеніямъ въ Швейцаріи.

Идея Песталоци,—воспитывать беззащитныхъ дѣтей для земледѣлія и вмѣстѣ съ тѣмъ для семейства, нашла живѣйшее сочувствіе вообще, и въ Германіи въ особенности.

Войнами въ началѣ нынѣшняго столѣтія и голодомъ въ 1816 и 1817 годахъ множество дѣтей были обречены въ Виртембергѣ на бродяжничество и нищенство. Королевы Екатерина и Паулина обратили на нихъ свое вниманіе. Такимъ образомъ былъ основанъ пріютъ королевы Паулины (Paulinenpflege) по образцу 19 другихъ заведеній. Въ 1851 году въ этихъ институтахъ находилось 1061 дитя, но болѣе чѣмъ 4000 получали въ нихъ воспитаніе и вспомошествованіе.

Отъ другихъ учрежденій того-же рода отличается основанное д-ромъ Вихерномъ братство «Rauhe Haus» близъ Гамбурга. Въ небольшихъ домахъ живутъ тамъ по 12—15 мальчиковъ или дѣвочекъ, подъ присмотромъ и управленіемъ помощника дирекціи, члена братства. Только для работы, преимущественно для чрезвычайно успѣшно производимыхъ земледѣльческихъ работъ, и для богослуженія соединяются эти семейства. Самый же дѣтскій пріютъ братства принимаетъ только дѣтей, поручаемыхъ ему для воспитанія, но не преступниковъ.

Члены братства, которыхъ въ настоящее время 170, далеко распространили эти убѣжища, даже до русскихъ остзейскихъ провинцій. Послѣ ремесленныхъ и рабочихъ домовъ они считаютъ тюрьмы преимущественнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности. И прусское правительство ввѣрило этому братству попеченіе объ арестантахъ въ одиночной тюрьмѣ Моабитѣ.

По ихъ образцу, основаны пріюты въ Дюссельталѣ, гдѣ 165 дѣтей воспитывается подъ управленіемъ пастора Флидера, для обработки 471 моргена земли (*); подобно этому, устроено заведеніе Овердикъ близъ Бокума для 13 дѣтей.

(*) (1 моргенъ равенъ 0,234 десятинамъ, а 471 м.—110, 214 десятинамъ).

Подобное заведеніе основалъ помѣщикъ Больце въ Залц-мюндѣ, близъ Галле, для 50 беззащитныхъ дѣтей. Содержаніе этого заведенія стоитъ ему ежегодно 300 талеровъ. За то, съ платою отъ 20—24 талеровъ, эти дѣти помогаютъ ему при обработкѣ полей.

Въ Пруссіи употребленіе этихъ заведеній вмѣсто наказанія было опредѣлено закономъ. Такимъ образомъ по ордеру кабинета, отъ 2 декабря 1847 года, было разрѣшено принимать въ воспитательныя заведенія для бѣдныхъ, — малолѣтнихъ преступниковъ отъ высшихъ судовъ, съ дозволенія министра юстиціи, и такъ, чтобы смотря потому, удастся-ли опытъ исправленія или нѣтъ, ихъ или подвергали наказанію или представляли къ помилованію. По другому Высочайшему повелѣнію отъ 4-го декабря 1852 г. министръ внутреннихъ дѣлъ былъ уполномоченъ § 42 свода уголовныхъ законовъ, (по которому преступники моложе 16 лѣтъ, совершившіе преступленіе безсознательно, не подвергались наказанію, но возвращались либо въ семейство, либо помѣщались въ исправительное заведеніе на болѣе или менѣе продолжительный, по усмотрѣнію начальства заведенія, срокъ, но не далѣе 20 лѣтъ) примѣнять такимъ образомъ, что малолѣтній преступникъ могъ быть предоставленъ въ распоряженіе частнаго общества или частнаго лица съ тѣми-же ограниченіями, которыя постановлены относительно исправительныхъ заведеній.

Присмотръ за арестантами въ центральныхъ тюрьмахъ Франціи, Фонтвро, Мелюнь, Аміенъ и Нимъ, въ 1840 и 1847 годахъ былъ порученъ братьямъ христіанскаго ученія (*Frères de la doctrine chrétienne*). Но они никакъ не могли сойтись съ директорами и духовенствомъ этого заведенія, такъ что правительство было принуждено отказаться отъ нихъ.

Зато тюремныя сестры общества Мари-Жозефъ (*Soeurs des prisons de la congrégation de Marie Joseph*) въ продолженіи 11-ти лѣтъ оказали много пользы по отношенію къ тюрьмамъ

для женщинъ. Онѣ не живутъ въ самыхъ тюрьмахъ, но основали нѣсколько пріютовъ, куда помѣщаютъ выпущенныхъ изъ тюремъ женщинъ и тѣхъ, которыхъ жизнь подвержена опасности. Къ этимъ пріютамъ присоединяются еще рабочіе дома, въ которыхъ женщины приготавливаются къ жизни и къ свободѣ.

Въ Доратѣ, между Поатье и Лиможъ находится главный домъ и мѣстопребываніе дирекціи. Въ 1854 году было 450 сестеръ, каждая изъ нихъ, кромѣ свободнаго пропитанія, получаетъ отъ казны 600 франковъ жалованья. Сестры братства Св. Винцента де Поль Альзасскаго (Soeurs de la sagesse, de St Vincent de Paul d'Alsace de la doctrine chrétienne) помогаютъ имъ въ ихъ добрыхъ дѣлахъ.

Подобно братству «Rauhe Haus», былъ основанъ въ Парижѣ и порученъ правленію братьямъ христіанскаго ученія (Frères de la doctrine chrétienne) домъ де-Гре (maison de Grès), который въ 1827 году былъ обращенъ въ центральный домъ исправительнаго воспитанія малолѣтнихъ арестантовъ тюрьмы Рокетъ (maison centrale d'éducation correctionnelle des jeunes détenus de la Roquette) въ улицѣ тогоже имени.

И здѣсь была введена одиночная система. Къ разнымъ тюрьмамъ и исправительнымъ домамъ Франціи были присоединены земледѣльческія колоніи частью для малолѣтнихъ, частью для взрослыхъ преступниковъ.

Земли только наняты, а колоніи, т. е. какъ жители, такъ и земля, процвѣтаютъ. Вскорѣ будутъ въ состояніи купить собственные участки земли на доходъ съ арендъ. Они принимаютъ на себя часть расходовъ главной тюрьмы.

Чрезвычайно важенъ былъ примѣръ братства «Rauhe Haus» для земледѣльческой колоніи «La Mettray», основанной въ 1839 году близъ Тура, во Франціи въ прелестной плодородной странѣ, и которой назначеніе было исправленіе по тѣмъ же самымъ началамъ религіознаго воспитанія, въ родѣ семейной

жизни, преступниковъ моложе 16 лѣтъ, которые по 66 art. code penal были приговорены къ аресту въ исправительномъ заведеніи.

Директоры заведенія отыскиваютъ воспитанниковъ въ тюрьмахъ, разговариваютъ съ ними во время дороги и стараются узнать ихъ характеръ.

Цѣль этого заведенія приучить малолѣтнихъ преступниковъ къ семейной жизни и возвратить ихъ въ семейства; если-же это по нравственному быту семейства покажется неудобнымъ, то воспитанниковъ приставляютъ къ сосѣднимъ хозяйствамъ; но колонія остается для нихъ родительскимъ кровомъ, куда они всегда могутъ возвратиться.

Въ 1849 году было 552 мальчика въ этомъ заведеніи, изъ которыхъ 414 занимались земледѣіемъ.

Закономъ отъ 8-го Августа 1850 года было назначено въ упомянутыхъ случаяхъ поступленіе малолѣтнихъ преступниковъ въ подобныя заведенія съ предшествовавшимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ для покаяніи и до 1853 г. расплодилось по всей Франціи до 41 колоніи по тому же образцу, которыя возбудили живое сочувствіе гражданъ и присутственныхъ мѣстъ. Удивительны ихъ успѣхи въ отношеніи уменьшенія случаевъ повторенія преступленія. Ла Метрей поддерживается государствомъ, какъ наличными деньгами, такъ и наймомъ работниковъ,

Въ соединеніи съ Ла Метрей, и подъ влияніемъ основателей этого заведенія де Мець и Куртель, образовались въ Парижѣ попечительныя общества (*sociétés de patronage*) частью для опредѣленія на мѣста окончательно освобожденныхъ преступниковъ, частью для доставленія занятій предварительно отпущеннымъ.

Первый пріютъ такого рода для дѣвочекъ былъ открытъ въ 1837 году; онъ управляется монахинями, но подъ надзо-

ромъ дамъ—членовъ этого общества. Въ 1846 году былъ открытъ великолѣпный институтъ для окончательно освобожденныхъ и предварительно отпущенныхъ преступниковъ мужескаго пола; эти попечительныя общества нашли подражаніе въ Руанѣ, Тулузѣ, Лионѣ, Бордо и Стразбургѣ.

Въ Парижѣ въ 1852 году изъ 5000 воспитанниковъ были пристроены 4000.

Въ Англии уже въ 1705 году философъ Локе, по порученію правительства, представилъ парламенту проэктъ учрежденія заведенія для занятій беззащитныхъ дѣтей.

Билль не былъ принятъ. Въ 1796 году Питъ принялся за ту же идею, но и его билль не принятъ. Только въ 1840 году былъ утвержденъ билль, разрѣшающій учрежденіе заведеній для занятій въ соединеніи съ рабочими домами.

Такое распоряженіе правительства служило поводомъ поучительнымъ изслѣдованіямъ этого предмета въ парламентѣ.

Почти въ одно время съ Ла Метрей была основана въ 1837 году знаменитая колонія въ Паркхурстѣ, на островѣ Вайтъ.

И здѣсь сначала малолѣтнихъ преступниковъ сажаютъ въ отдѣльныя кельи, въ которыхъ они остаются 4 мѣсяца безъ работы; однако имъ даютъ книги и священникъ обучаетъ ихъ въ религіи; два раза въ день они ходятъ въ школу. Въ последнее время это измѣнено: они чаще сходятся при работѣ или въ свободные часы.

Священникъ этого заведенія, въ отчетѣ парламенту, отзываясь объ успѣхѣ этого измѣненія слѣдующимъ образомъ, характеризующимъ духъ управленія заведенія.

«Они гораздо веселѣе духомъ и поэтому болѣе расположены и лучше приготовлены учиться въ школѣ и извлекать изъ этого пользу, Настоящее улучшеніе я приписываю тому обстоятельству, что мальчики, переданные въ приготовительное

заведеніе, въ свободные часы не гуляютъ по двору при строгомъ молчаніи, но получили позволеніе выходить изъ рядовъ, сообщаться между собою и бѣгать. Я съ тѣмъ же удовольствіемъ смотрю на устраненіе этого ограниченія, какъ на отнятіе галереи школьной комнаты, въ которой устроены кельи. И то и другое было препятствіемъ къ развитію и слѣдовательно и къ улучшенію естественныхъ наклонностей и силъ. Я самъ легче могу узнать ихъ настоящей характеръ и такимъ образомъ примѣнять къ различнымъ наклонностямъ ихъ души и темперамента такія мѣры, которыя лучше дѣйствуютъ для ихъ преобразованія, ибо для достиженія этой цѣли, чѣмъ менѣе искусственного, тѣмъ лучше».

«При изученіи особенностей характера мальчиковъ, къ чему мы обязаны, если мы съ ними желаемъ обращаться на лежащимъ образомъ, много значить видѣть ихъ свободными.»

Далѣе онъ продолжаетъ:

«Лучше и рѣшительнѣе всѣхъ другихъ результатовъ тотъ, что они гораздо лучше готовятся для общества (association) и сдѣлались способнѣе заниматься какою либо работою.»

«Притомъ я не привыкъ особенно отличать тѣхъ, которые себя выказываютъ набожными, только я ихъ чаще допускаю къ причастію. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ съ ними обращаются рѣшительно какъ съ прочими мальчиками, и такъ какъ имъ это хорошо извѣстно, то они и не имѣютъ основанія обманывать ложною скромностью. Это-же и рѣдко случается, кромѣ какъ у вновь вступившихъ, и такъ какъ они въ страхъ предъ начальствомъ преувеличиваютъ свои чувства и не остаются себѣ вѣрными, то и открываютъ такимъ образомъ свои слабыя стороны и получаютъ за то наставленіе, которое они никогда не забываютъ. Хотя я употребляю всякое стараніе, чтобы въ моемъ молодомъ, но падшемъ стадѣ возбудить искреннюю набожность, но притомъ строго слѣжу за тѣмъ, чтобы

изъ этого не произошло религиозное ханжество, выказывающееся преимущественно въ скромномъ образѣ рѣчи, плаксивомъ голосѣ и торжественномъ лицѣ».

По полученіи такого рода воспитанія, малолѣтнимъ преступникамъ дозволяется работа подѣ строгимъ надзоромъ.

Они обрабатываютъ землю въ 79 акровъ, преимущественно лопатами и произращаютъ на ней хлѣбъ, въ особенности же коноплю, съ большимъ успѣхомъ; въ 1855 году намѣревались присоединить еще 80 акровъ.

Они могутъ заниматься всѣми работами, которыя находятся въ связи съ земледѣіемъ, какъ то: кузнечнымъ, плотничнымъ, кирпичнымъ мастерствами и также всѣмъ тѣмъ, что нужно для личныхъ потребностей, напр. хлѣбопеченіемъ, ремеслами башмачника и портнаго, даже вязаніемъ.

Въ высшемъ классѣ они получаютъ въ вознагражденіе отъ 2 до 6 пенсовъ въ недѣлю; если они не по собственной винѣ заболѣютъ, то имъ продолжается это награжденіе.

Такимъ образомъ они приготавливаются къ переселенію.

Пища, какъ и во всѣхъ англійскихъ заведеніяхъ, здѣсь чрезвычайно чиста.

Каждое дитя стоитъ Англій ежегодно 100 талеровъ.

Если они до достиженія зрѣлаго возраста окажутся не достойными ссылки, то ихъ отправляютъ въ заведенія для взрослыхъ. Упрекаютъ этотъ институтъ въ томъ, что онъ слишкомъ мало приучаетъ къ самостоятельности содержащихся въ немъ.

Подобно вышеописаннымъ, учрежденъ въ 1849 году институтъ челоуѣколюбиваго общества въ Редгилъ близъ Рейгата.

Основанный по образцу Ла-Метрей, на добровольныхъ приношеніяхъ, онъ преимущественно назначенъ для воспитанія малолѣтнихъ преступниковъ. Государство поручаетъ этому заведенію, хотя оно и не имѣетъ оффиціального характера, на-

значенныхъ къ ссылкѣ молодыхъ преступниковъ, съ платою 2-хъ талеровъ въ недѣлю.

Въ Редгилѣ главною задачею воспитанія поставили развитіе самостоятельности. Преступники сами собою управляютъ и наблюдаютъ другъ за другомъ.

По мѣрѣ ихъ исправленія, улучшается и ихъ положеніе. Они съ рѣшимостью принаравливаются къ своему положенію, говорятъ о ссылкѣ не какъ о счастьи, но какъ о заслуженной участи.

Земледѣліе также составляетъ предметъ ихъ занятій.

Въ продолженіи 4 лѣтъ убѣжало только семеро.

Религіозныя наставленія, которымъ они подвергаются, не предпринимаются съ цѣлью пропаганды; они приспособляются къ личнымъ отношеніямъ арестантовъ и ведутъ къ чистотѣ помысловъ и къ уваженію Бога.

Самая колонія Метрей съ 1849 года опять служила образцомъ многимъ другимъ земледѣльческимъ колоніямъ Англіи.

Замѣчательнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: въ Норвудѣ въ Баттерзи и въ Элингѣ близъ Лондона; Киркдельская въ Юркширѣ; Куатская въ Шропширѣ; Вингфильдъ близъ Виндзора; Сутемъ; Баттербюри близъ Челмсфорда; близъ Ливерпуля; Липдфильдская въ Суссексѣ; Окемская въ Суррей; пріютъ Викторія въ Чисвикѣ. Только Паркхурестъ и Редгилъ собственно исправительныя заведенія; прочія-же воспитательныя заведенія для сиротъ и беззащитныхъ дѣтей.

Въ Голландіи уже въ 1818 году была основана огромная замедѣльческая колонія съ цѣлью наказанія.

Нѣсколько, въ незначительномъ разстояніи другъ отъ друга лежащихъ, заведеній этого рода Фредериксбордъ, Вильгельминаордъ, Омменшанцъ, Венгизенъ близъ Стенвика, недалеко отъ Зюдерзе, содержали 1-го іюля 1850 года 10,478 ко-

лонистовъ, частью изъ малолѣтнихъ преступниковъ, частью изъ взрослыхъ бродягъ и нищихъ.

Они живутъ въ небольшихъ домахъ, къ которымъ при-мыкаютъ маленькія пространства земли и сады.

Вся область окружена глубокимъ рвомъ, чрезъ который проведены подъемные мосты.

663 военныхъ колонистовъ составляютъ стражу, 635 служащихъ управляютъ колоніями. Здѣсь прорыты каналы, чрезъ которые колоніи находятся въ связи съ р. Иссель и Зюдерзеємъ; этимъ облегченъ сбытъ ихъ произведеній.

Въ колоніи есть католическія и протестантскія церкви и еврейская синагога.

По проэку генерала Ванъ-денъ Бошъ, основателя этихъ заведеній, колоніи должны были существовать на свой счетъ, воздѣлываніемъ приписанной къ нимъ земли, такъ что правительство освобождалось отъ расхода на содержаніе тюремъ. Но это была ошибка. Колонія, въ какомъ бы размѣрѣ въ ней ни занимались земледѣіемъ, къ которому однако были принуждены присоединить и промышленныя занятія, въ особенности приготовленіе парусины, кромѣ прочихъ ремеслъ для удовлетворенія потребностей самой колоніи,—требуетъ все таки для своего поддержанія значительной приплаты со стороны государства. Однако содержаніе колониста далеко не стоитъ содержанія арестанта.

Немощные также, по ихъ желанію, принимаются въ колоніи.

Общины платятъ за способнаго къ работѣ нищаго ежегодно 35 гульденовъ, за полуинвалида 72½ гульд., а за совершенно неспособнаго 85 гульд., кромѣ издержекъ доставленія на мѣста.

По идеѣ основателя, колонисты также должны были дойти до самостоятельности путемъ управленія незначительнаго поземельнаго участка, которымъ надѣлялся каждый изъ нихъ.

Но и въ этомъ отношеніи предполагаемая цѣль не была достигнута. Вскорѣ почувствовали необходимость подчинить колонистовъ въ извѣстныхъ отдѣленіяхъ мастерамъ, 5 дней въ недѣлю посвящаются работѣ для общины, 6-ой день предоставляется колонисту для разведенія своего сада, который былъ отданъ въ его распоряженіе.

За работу для общины колонистамъ платили марками, тоже соблюдалось и относительно коммерческихъ работъ. Цѣна этихъ марокъ однако недостаточна для содержанія колонистовъ. И въ этомъ отношеніи успѣхъ не соотвѣтствуетъ цѣли.

Семейства живутъ въ домахъ вмѣстѣ, но отдѣляются по полу и возрастамъ.

Всѣ дѣти колонистовъ отъ 6-ти лѣтняго до 12-ти лѣтняго возраста посѣщаютъ школы, а послѣ этого до 17 лѣтъ только вечернія школы. Эти школы устроены на подобіе народныхъ школъ. Нравственное состояніе колонистовъ удовлетворительно; проступки рѣдки, они подлежатъ суду совѣта, состоящаго изъ 4 чиновниковъ и 3 выборныхъ изъ колонистовъ.

Внутреннее устройство 4 означенныхъ колоній различно между собою, но по главнымъ чертамъ ихъ видно, что имъ старались придать однообразный видъ.

Что колоніи въ продолженіи 38 лѣтъ ихъ существованія не оказали ожидаемаго, при ихъ основаніи, успѣха, приписываютъ тому обстоятельству, что генераль Ванъ денъ-Босшъ, вскорѣ послѣ основанія колоніи, былъ назначенъ генераль губернаторомъ Индіи.

Но его опытъ былъ первый въ своемъ родѣ. Для успѣха требовалось больше, чѣмъ то, чего можно достигнуть силами и размышленіемъ одного человѣка. Нидерландскій народъ съ его непоколебимою храбростью, съ которою онъ отстаивалъ землю свою у бурной стихіи, безстрашно борется и противъ нравственнаго зла. Онъ не покинулъ и это предпріятіе.

Кромѣ этихъ колоній въ 1851 году, въ Цитфенѣ, на по-

добіе братства «Raue Haus» была основана—нидерландская колонія Ламетрей. Хотя здѣсь нѣтъ вовсе помѣщенія для наказанія, однако заведеніе отлично преуспѣваетъ.

До отдѣленія Бельгіи отъ Нидерландовъ, подобныя выше описаннымъ колоніи были основаны въ Бельгіи, Вортелъ и Меркспласть-Рекефорзелъ для обработки антверпенской пустоши.

Послѣ отдѣленія, съ большею ревностью принялись за это предпріятіе, стараясь избѣгнуть невыгодныя его стороны, испытанныя въ Голландіи.

И здѣсь первые опыты неудались, но и здѣсь не утрачены этими неудачами. Въ 15-ти различныхъ заведеніяхъ такого рода (Fermes—hospices) во Фландріи, коммерческія работы въ соединеніи съ земледѣліемъ, производятся съ успѣхомъ—нищими, сиротами и другими безпомощными людьми.

Рисселедское земледѣльческое училище для нищихъ и бродягъ въ западной Фландріи основано самимъ правительствомъ въ образецъ для подобныхъ заведеній. Съ 1849 года основаны тамъ 2 преобразовательныхъ училища: одно содержитъ въ настоящее время 551 мальчика, а другое, недалеко отъ этого въ Бернемѣ, съ 283 дѣвочками моложе 18 лѣтъ.

Закономъ 28-го февраля 1850 года предписано приводить всѣхъ малолѣтнихъ, наказанныхъ за нищенство или бродяжничество въ одно изъ этихъ заведеній.

Физическое содержаніе приспособляется къ быту и образу жизни сельскихъ обывателей. О воспитаніи во всѣхъ отношеніяхъ имѣютъ попеченіе; гимнастика, приготовленіе къ морской службѣ вошли въ кругъ школьнаго ученія. Кромѣ начальныхъ наукъ, ихъ обучаютъ музыкѣ вокальной и инструментальной. Священникъ заведенія стоитъ въ дружескихъ и отцовскихъ отношеніяхъ съ воспитанниками. Риссельде преимущественно земледѣльческое заведеніе. Старшіе колонисты обрабатываютъ землю, сѣютъ и сажаютъ, жнутъ и молотятъ, младшіе

ровняютъ землю и полятъ; другое отдѣленіе занимается въ конюшняхъ для быковъ, лошадей и свиней. Тамъ они собираютъ навозъ, здѣсь доятъ коровъ. Разведеніе сада дозволяется въ видѣ награды. Кромѣ земледѣлія, здѣсь-же производятся и работы, имѣющія съ нимъ связь. Все отлично успѣваетъ. Доходы покрываютъ до 7000 франковъ расходовъ; но и эти вышнія успѣхи получаютъ еще высшее значеніе по внутреннему перевороту, который замѣчается у воспитанниковъ: они уступчивы, уважаютъ начальство, добры и услужливы другъ къ другу; ссоры очень рѣдки; братскія узы, которыя ихъ соединяютъ, все болѣе и болѣе укрѣпляются. Они преданы самому заведенію. Отзывы о себѣ они принимаютъ къ сердцу, и если одинъ изъ нихъ ведетъ себя дурно, то величайшимъ его наказаніемъ есть порицаніе товарищей или если они его покидаютъ.

Такъ описываетъ Дюкпетіо Рисселеде, и имѣтъ повода сомнѣваться въ основательности и вѣрности его официального донесенія.

Тоже впечатлѣніе примиренія съ обществомъ и съ всемогуществомъ добра производятъ малолѣтныя преступники въ Редгилѣ. Но только лишь въ этихъ заведеніяхъ для беззащитныхъ дѣтей представляется картина примиренія.

Здѣсь имѣютъ много попеченія о тѣлесномъ благосостояніи; арестанты занимаютъ на открытомъ воздухѣ. Подъ вліяніемъ животворнаго луча солнца, укрѣпляется ихъ тѣлесное здоровье и въ этомъ именно они видятъ заботу о ихъ благосостояніи. Они сознаютъ кромѣ того, что это простирается еще далѣе. Ихъ воспитаютъ къ званію, соотвѣтствующему ихъ силамъ, по возможности къ земледѣльческому, какъ къ званію, къ которому они способны, и которое собственно ни одному классу народонаселенія не должно быть чуждо. Они видятъ, какъ порядкомъ и прилежаніемъ достигается вышнее отличіе, какъ добродѣтель доставляетъ счастье.

Потомъ подходитъ къ нимъ учитель закона Божія, съ отцовскою кротостью освящая ихъ прошедшее, чтобы открыть имъ точку опоры для будущности, для ихъ возвышенія, для ихъ душевнаго счастья. Онъ раскрываетъ имъ Евангеліе любви, которое какъ всегда производитъ чудеса и объясняетъ имъ, на сколько оно имъ понятно. Но онъ не молчитъ и о чудесномъ мірѣ, который мы не понимаемъ; онъ знакомитъ душу съ его ужасами, чтобы спасти ее отъ прозаической жизни, отъ чувственности и ея дурныхъ послѣдствій.

Возлѣ священника стоитъ учитель, который даетъ умственное образованіе, чтобы укрѣпить корни религіи. Ибо религія безъ образованія обращается въ фанатизмъ.

Къ этимъ началамъ воспитанія арестантовъ къ свободѣ и въ особенности на поприщѣ земледѣлія, обратились теперь какъ въ Пруссіи, такъ и въ Англіи, во Франціи, въ Нидерландахъ и въ Бельгіи.

Путь открытъ, и пѣли достигнетъ тотъ, чьи силы не ослабнутъ отъ неусыха.

Перев. И. ГАУГЕРЪ.

ОТДѢЛЪ II.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

А. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

I.

Если публичные торги на имънія, назначенное въ продажу Правительствующимъ Сенатомъ, не состоялись, то прошение должниковъ о назначеніи въ продажу другаго, менше цѣннаго имънія, не можетъ само по себѣ служить основаніемъ къ пересмотру и отмены прежлаго опредѣленія Сената, которое должно быть приведено въ исполненіе по вымъ назначеніемъ въ продажу перваго имънія.

На разсмотрѣніе Правительствующаго Сената въ 1854 г. поступили:

1., представленіе Калужскаго губернскаго правленія отъ 9 сентября 1854 г. о новомъ назначеніи въ публичную продажу Шанскихъ бумажныхъ фабрикъ Церевитановыхъ на удовлетвореніе производящагося съ нихъ взысканія и

2., прошеніе купцовъ Церевитиновыхъ отъ 20 октября 1854 г. о назначеніи вмѣсто Шанскихъ фабрикъ другаго ихъ имѣнія въ публичную продажу на пополненіе означеннаго взыскапія.

Основаніемъ къ означенному представленію губернскаго правленія послужили слѣдующія событія:

Въ слѣдствіе Высочайше утвержденнаго 27 мая 1840 г. имѣнія Государственнаго Совѣта, съ купцовъ Церевитиновыхъ взыскивалось 32,666 руб. 83 коп. асс. въ пользу наслѣдниковъ купца Якшишкова и 7,132 руб. асс. штрафныхъ денегъ.

На удовлетвореніе сего иска были описаны и назначены, по указамъ общаго Сената собранія 6 мая 1847 г., 1 февраля 1849 и 10 августа 1850 г., въ публичную продажу Шанскія фабрики Церевитиновыхъ, оцѣненные въ 76,368 руб. сер.

По неявкѣ желающихъ къ покупкѣ означенныхъ фабрикъ на торгъ 14 іюля 1852 г., Калужское губернское правленіе о безуспѣшности торговъ представило 27 августа 1852 г. Правительствующему Сенату.

Въ слѣдствіе сего представленія публичная продажа фабрикъ была приостановлена, на основаніи опредѣленія общаго Сената собранія 23 октября 1853 г., до разрѣшенія возникшаго вопроса о покупкѣ въ казну состоящей при Шанскихъ фабрикахъ земли, но какъ покупка этой земли по невыгодности отмѣнена, то губернское правленіе, рапортомъ отъ 9-го сентября 1854 г., испрашивало разрѣшенія Правительствующаго Сената на назначеніе вновь въ продажу Шанскихъ фабрикъ.

Владѣльцы Шанскихъ фабрикъ Церевитиновы въ прошеніи общему собранію отъ 20 октября 1854 г. ходатайствовали о назначеніи на удовлетвореніе производящагося съ нихъ взыскапія въ публичную продажу земли ихъ, состоящей въ Медынскомъ уѣздѣ въ количествѣ 490 дес. и оцѣненной въ 12,055 руб. сер., приводя въ основаніе своей просьбы, что цѣнность

Шанскихъ фабрикъ значительно превышаетъ пскъ, на удовлетвореніе коего онѣ назначены были въ продажу, и что на покупку земли скорѣе могутъ найтись покупщики, нежели на приобрѣтеніе фабрикъ значительной цѣнности.

Изъ сего краткаго обзора хода настоящаго дѣла обнаруживается, что обстоятельство о назначеніи Шанскихъ фабрикъ въ публичную продажу на удовлетвореніе долга Церевитиновыхъ наслѣдникамъ купца Якшикова разрѣшено уже прежними указами Правительствующаго Сената, по сему предмету послѣдовавшимъ.

Рѣшенія Правительствующаго Сената, по буквѣ закона (ст. 238 т. I св. учр. Правительствующаго Сената), считаются окончательными со дня послылки указа и не могутъ быть измѣняемы ни въ существѣ, ни въ послѣдствіяхъ безъ особаго Высочайшаго соизволенія на пересмотръ дѣла, который допускается токмо въ указанныхъ въ ст. 597 и 650 т. X ч. 2 св. гр. зак. случаяхъ: или по новымъ обстоятельствамъ, или же по затрудненіямъ въ исполненіи рѣшенія.

По точному разуму сихъ узаконеній, главнымъ основаніемъ къ разрѣшенію послѣдняго представленія губернскаго правленія о назначеніи Шанскихъ фабрикъ въ продажу и поданнаго по сему предмету отъ Церевитиновыхъ прошенія должны служить послѣдовавшіе по сему дѣлу указы Правительствующаго Сената, и какое либо измѣненіе оныхъ можетъ быть допущено лишь по испрошеніи на то Высочайшаго соизволенія въ слѣдствіе новыхъ обстоятельствъ, измѣняющихъ видъ дѣла, или же затрудненій въ исполненіи Сенатскихъ указовъ.

Слѣдовательно для правильнаго разрѣшенія настоящаго дѣла необходимо сообразить оное съ указами общаго Сената собранія, послѣдовавшими 6 мая 1847, 1 февраля 1849, 10-го августа 1850 и 26 ноября 1853 годовъ.

Указомъ 6 мая 1847 г. общее собраніе Сената предписало Калужскому губернскому правленію, чтобы оно присту-

пило къ описи и продажѣ имѣнія Церевитиновыхъ на законномъ основаніи.

Указомъ 1-го февраля 1849 г. общее собраніе строжайше подтвердило Калужскому губернскому правленію немедленно приступить къ дальнѣйшему исполненію перваго указа и принять мѣры къ совершенному окончанію сего дѣла въ самомъ непродолжительномъ времени.

Въ опредѣленіи 2-го іюня 1850 г. общее собраніе признало между прочимъ:

1, что претензія наслѣдниковъ Якшникова остается неудовлетворенною единственно въ слѣдствіе уклоненія Церевитиновыхъ отъ уплаты слѣдующихъ съ нихъ денегъ;

2, что если Церевитиновы считаютъ продажу фабрикъ на удовлетвореніе претензіи Якшникова для себя невыгодною, то отъ нихъ зависитъ отвратить оную вносомъ слѣдующаго съ нихъ взыскація, на пополненіе котораго они сами просили 4-хъ мѣсячнаго срока еще въ іюль 1849-го г., но между тѣмъ донинѣ въ теченіи года суммы сей не внесли и вообще, какъ видно изъ дѣла, стараются отдалить исполненіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 1840 г., въ подтвержденіе рѣшеній, которыми болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ положено на нихъ взыскація, донинѣ непополненное.

Въ слѣдствіе сего общее собраніе Сената опредѣлило: оставивъ жалобы Церевитиновыхъ на назначеніе фабрикъ ихъ въ продажу безъ уваженія, предписать Калужскому губернскому правленію, чтобы, не останавливая описи оныхъ, потребовало отъ Церевитиновыхъ немедленной уплаты долга ихъ наличными деньгами, такъ какъ только по уплатѣ онаго, а не прежде; описанное у нихъ имѣніе можетъ быть освобождено.

Указъ по сему опредѣленію посланъ 10-го августа 1850 г.

Наконецъ указомъ 26 ноября 1853 г. общее собраніе, не отмѣняя означенной продажи, приостановило только оную

впредь до окончательнаго исполненія Высочайше утвержденнаго 9-го октября 1846 г. мѣнїя Государственнаго Совѣта о покупкѣ въ казну земли Церевитиновыхъ.

Нынѣ, какъ видно изъ донесеній г. министра финансовъ, покупка означенной земли въ казну по невыгодности отмѣнена, почему министерство финансовъ не встрѣчаетъ съ своей стороны препятствія къ продажѣ на удовлетвореніе долга Церевитиновыхъ принадлежащихъ имъ на правѣ полной частной собственности Шанскихъ фабрикъ и состоящей при нихъ земли.

Изъ сего явствуетъ, что причина, по коей продажа Шанскихъ фабрикъ была приостановлена указомъ общаго Сената собранія 26 ноября 1853 г., нынѣ окончательно устранена и за тѣмъ остается только приступить къ безотлагательному исполненію сенатскихъ указовъ 1846-го, 1849-го, и 1850-го годовъ, тѣмъ болѣе, что ни новыхъ обстоятельствъ, измѣняющихъ видъ дѣла, ни какихъ-либо затрудненій въ исполненіи прежнихъ сенатскихъ рѣшеній въ дѣлѣ не представляется. Напротивъ того, Калужское губернское правленіе ходатайствуетъ, въ видахъ скорѣйшаго окончанія дѣла, о назначеніи сихъ фабрикъ вновь въ публичную продажу.

На основаніи сихъ соображеній и въ томъ вниманіи, что по дѣлу сему донынѣ не приведено въ исполненіе Высочайшее повелѣніе 1840-го г. единственно по уклоненію Церевитиновыхъ отъ уплаты присужденнаго съ нихъ судебными мѣстами болѣе 30 лѣтъ тому назадъ взыскація, и что отъ Церевитиновыхъ зависитъ своевременнымъ взносомъ онаго отъратить самую продажу, общее Сената собраніе заключило: согласно съ послѣдовавшими по настоящему дѣлу въ 1846, 1849 и 1850 годовъ указами Правительствующаго Сената, вошедшими въ окончательную законную силу, предписать Калужскому губернскому правленію, въ разрѣшеніе представленія его отъ 9-го сентября 1854 г., объ учиненіи немедленно

распоряженія о публичной продажѣ писчебумажныхъ Шанскихъ фабрикъ Церевитиновыхъ, на точномъ основаніи существующихъ по сему предмету узаконеній, а прошеніе Церевитиновыхъ отъ 20-го октября 1854-го г. о назначеніи, въ отмѣну прежнихъ Сенатскихъ указовъ, на пополненіе долга ихъ наследникамъ купца Якшикова въ публичную продажу другаго имѣнія, оставить безъ всякаго уваженія.

II.

Постановленіе присутственнаго мѣста, ревизовавшаго опекунскіе отчеты, не можетъ быть признаваемо окончательнымъ для лица, состоявшаго подъ опекою. Лицо это, по достиженіи совершеннолѣтія, имѣетъ полное право о всѣхъ понесенныхъ имъ убыткахъ предъявить къ бывшему опекуну своему искъ въ судебномъ порядкѣ, даже по такимъ статьямъ расходовъ, которыя при ревизіи отчетовъ признаны были безспорными.

Ставропольское губернское правленіе, въ исполненіе указа 7 департамента Правительствующаго Сената отъ 25 января 1850 г., произвело подробную ревизію опекунскихъ отчетовъ по имѣнію Колоштарова, и постановленіями 18 октября 1851 г. признавъ неправильными нѣкоторые расходы, положило произвестъ по нимъ взысканіе съ опекуновъ, затѣмъ отстранило отъ себя всѣ предметы спорные, требовавшіе, по мнѣнію губернскаго правленія, подробнаго объясненія и назначило по сему предмету особое изслѣдованіе.

Поручая Ставропольскому исправнику производство изслѣдованія по сомнительнымъ статьямъ претензій Колонтарова, губернское правленіе вмѣнило исправнику въ обязанность потребовать предварительно отъ помѣщиковъ Колонтаровыхъ положительныя доказательства, какіе именно и на какую сумму они понесли убытки, чрезъ каждое взводимое ими на опекуновъ злоупотребленіе; но когда было приступлено къ сему изслѣдованію, то Колонтаровъ не только отказался отъ представленія требуемыхъ доказательствъ, но даже не допустилъ къ начатию слѣдствія чиновника, для того посланнаго.

По точному разуму дѣйствующихъ узаконеній, мѣста, производящія ревизію опекунскихъ отчетовъ, приступаютъ къ оной собственною властью, независимо отъ жалобы частнаго лица, но дѣйствія ихъ по сей ревизіи должны ограничиться тѣми только предметами, кои не представляютъ сомнѣнія или спора, не требуютъ предъявленія особаго иска и не нуждаются въ судебныхъ доказательствахъ. Независимо отъ правительственной ревизіи отчетовъ, дѣйствія опекуна по управленію чужимъ имѣніемъ подлежатъ повѣркѣ лица, имѣніемъ коего опекунъ распоряжается, и въ семъ случаѣ владѣлецъ не лишается права, буде признаетъ дѣйствія опекуна для себя вредными и раззорительными, просить, по слѣдъ 574 и 639 ст. ч. 1-ой т. X зак. гр., въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ о вознагражденіи понесеннаго вреда, или убытка. Тогда отъ самаго истца зависѣть будетъ раскрытіе убытка и представленіе въ судъ доказательствъ о дѣйствительности и количествѣ онаго; но причислить раскрытіе и опредѣленіе убытковъ, частнымъ лицомъ понесенныхъ, къ обязанности правительственной власти, было-бы несогласно ни съ понятіемъ объ убыткахъ, коихъ количество можетъ быть извѣстно только понесшему ихъ лицу, ни съ понятіемъ объ искѣ, требующемъ предварительной жалобы и положительныхъ доказательствъ, безъ коихъ самый искъ не пріемлется.

Примѣненіе означенныхъ соображеній къ настоящему дѣлу показываетъ, что хотя со стороны губернскаго правленія въ точности исполненъ указъ Правительствующаго Сената 25 января 1850 г. по обрѣзизованію отчетности бывшихъ надъ имѣніемъ Колонтарова опекуновъ, но состоявшееся въ исполненіе сего указа постановленіе губернскаго правленія 18 октября 1851 г. не можетъ быть признаваемо окончательнымъ, потому что Колонтаровъ представилъ возраженія не только противъ необходимости расходовъ, но и самаго размѣра оныхъ, и права Колонтарова въ семъ отношеніи не могутъ быть ограничены постановленіемъ губернскаго правленія, въ административномъ порядкѣ послѣдовавшимъ, но относятся, по смыслу ст. 24 ч. 2-ой т. X св. гр. зак., къ разсмотрѣнію и разрѣшенію мѣстъ судебныхъ, ибо всякое ограниченіе по сему предмету было бы несогласно съ общими узаконеніями о правѣ судебной защиты по имуществамъ (ст. 690—694 т. X св. гр. зак.)

На основаніи сихъ соображеній общее Сената собраніе опредѣлило: предоставить Герасиму Колонтарову, буде желаетъ и имѣетъ законныя основанія и право, не стѣсняясь постановленіемъ губернскаго правленія о раздѣленіи претензій Колонтарова на безспорныя и спорныя, предъявить въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ искъ по всѣмъ предметамъ объявленной имъ претензій на бывшихъ надъ нимъ опекуновъ по ихъ отчетамъ съ представленіемъ законныхъ доказательствъ; при чемъ отъ того же судебного мѣста будетъ зависѣть обезпеченіе претензій Колонтарова.

III.

Если лицо торговаго званія состояло съ родственниками своими въ одномъ общемъ наследственномъ капиталѣ, обязалось производить съ ними общую торговлю и дѣйствительно производило ее, не просило о выдачѣ ему слѣдующей на его долю наследственной части и не объявляло отдѣльнаго капитала, то все имущество, остающееся послѣ смерти такого лица, должно быть раздѣлено между всеми участниками общаго владѣнія и общей торговли, а не между одними только прямыми наследниками умершаго.

Въ С. Петербургской гражданской палатѣ, въ исполненіе указа общаго Сената собранія 11 декабря 1828 г., производилось апелляціонное дѣло о расчетахъ купцовъ Грязновыхъ. Гражданская палата 17 декабря 1841 года заключила:

- 1) Капиталъ 109,409 р. 77 $\frac{3}{4}$ к. асс., оставшійся по смерти Петра Грязнова, признать исключительною собственностію его наследниковъ, т. е. жены его и сына.
- 2) Предоставить имъ участіе въ раздѣлѣ какъ въ общемъ имуществѣ, оставшемся послѣ Грязновыхъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ имѣніи ихъ, оставшемся въ Кинешмѣ; для чего самое дѣло отослать въ Кинешемскій городской магистратъ.

По первому изъ сихъ пунктовъ принесены были со стороны наследниковъ Ивана и Гаврилы Грязновыхъ апелляціонныя жалобы 4 департаменту Правительствующаго Сената, ко-

торый, по рассмотрѣніи оныхъ, 13 мая 1847 года, призналъ означенное рѣшеніе палаты правильнымъ, а жалобы Грязновыхъ незаслуживающими уваженія.

На это рѣшеніе вдова купца Ивана, Александра Грязнова, съ дочерью Анною и дочерью Гаврилы Грязнова, дѣвицею Евгенією, принесли государю императору всеподданнѣйшую жалобу, которую повелѣно было рассмотреть въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената.

Для разрѣшенія означенной всеподданнѣйшей жалобы общее Сената собраніе приняло во вниманіе слѣдующія обстоятельства настоящаго дѣла:

Три родные брата: Петръ, Иванъ и Гаврило Грязновы, записанные по городу Кинешмѣ въ одномъ семейномъ купеческомъ капиталѣ, производили торговлю въ двухъ пунктахъ: первый изъ нихъ Петръ въ г. С. Петербургѣ, а послѣдніе двое въ г. Кинешмѣ.

Братья Грязновы умерли одновременно: Гаврило въ 1817, а Иванъ и Петръ въ 1825 году. По смерти Гаврилы участіе въ общей торговлѣ принялъ сынъ его Николай.

Въ 1818 году января 10 дня, братья Грязновы, Петръ и Иванъ, вмѣстѣ съ племянникомъ Николаемъ, заключили между собою условіе, для опредѣленія главныхъ основаній порядка производства общей торговли.

Въ условіи этомъ сказано, что Грязновы Петръ и Иванъ, а также и вдова третьяго брата Аксинья съ сыномъ Николаемъ и малолѣтними ея дочерьми, состоятъ въ оставшемся послѣ отца ихъ Василя Грязнова имѣніи и капиталѣ наслѣдниками обще съ ихъ матерью, которая предоставила свою часть во владѣніе всѣхъ прочихъ сонаслѣдниковъ. Оставшійся послѣ Василя Грязнова капиталъ какъ въ наличныхъ деньгахъ, такъ и въ товарѣ въ г. Кинешмѣ и С. Петербургѣ, простирается по сдѣланнымъ ими роспискамъ до 88 т. руб.

По общемъ соглашеніи они рѣшились, не раздробляя сего капитала на части, дабы чрезъ то не пресѣчь заведеннаго торга, оставить оный въ общемъ нераздѣльномъ торгѣ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

Во 1-хъ, чтобы на общій капиталъ Ивану и Николаю покупать въ Кинешмѣ холщевый и салфеточный товаръ и отправлять его въ С. Петербургъ на имя Петра, который обязанъ товары тѣ распродавать за наличныя деньги и въ долгъ, доставляя вырученныя деньги въ г. Кинешму на имя брата Ивана съ племянникомъ Николаемъ.

Во 2-хъ, прибрѣтенную по торгу отъ продажи товаровъ прибыль, равно и убытки, поставлять на счетъ общаго ихъ капитала.

Въ 3-хъ, необходимое содержаніе и издержки на платье и другія надобности получить каждому соразмѣрно съ слѣдующею частію съ роспискою въ книгѣ.

Въ 4-хъ, къ распространенію торга предоставляется Петру право покупать въ С. Петербургѣ на общій счетъ, за наличныя деньги и на кредитъ иностранные товары и для продажи высылать въ г. Кинешму, или куда признается полезнѣе, а Иванъ съ Николаемъ могутъ въ семъ послѣднемъ городѣ покупать товары въ кредитъ также на общій счетъ.

Въ 5-хъ, по истеченіи каждаго года Петру высылать годовые отчеты къ брату Ивану и племяннику Николаю, а симъ послѣднимъ къ Петру Грязнову.

Въ 6-хъ, если кто изъ нихъ пожелаетъ получить часть свою въ собственное управленіе, то сіе оставляется на волю каждаго, и по учиненіи въ то время въ капиталѣ ихъ расчета, воленъ тогда получить причитающуюся ему сумму при свидѣтеляхъ съ роспискою въ книгѣ.

Въ 7-хъ, всѣ наслѣдники обязуются доставлять своей родительницѣ пристойное содержаніе, и буде потребуетъ на не-

обходные ей расходы 100 или 200 руб., то удовлетворять ее безпрепятственно выдачею изъ того же общаго капитала.

Условіе сіе, подписанное участвующими лицами и свидѣтелями, было явлено въ г. Кинешмѣ у маклерскихъ дѣлъ, и при производствѣ дѣла не оспаривалось сторонами.

Послѣ сего Петръ, Иванъ и Николай Грязновы, приводя въ извѣстность торговые обороты свои за прежніе годы, начиная съ 1818 по 1822 годъ включительно, составили 18 февраля 1823 года, подъ названіемъ счета, письменный актъ о количествѣ принадлежащихъ имъ товаровъ и упадающихъ на нихъ имуществу долговъ.

Изъ счета сего видно:

1) что по 18 февраля 1823 года общій торговый капиталъ въ товарѣ и долговыхъ обязательствахъ простирался до 322,300 р. 38 коп.

2) что изъ сего количества слѣдовало заплатить въ С.-Петербургѣ иностраннымъ купцамъ и Петру Грязнову 139,423 р.

3) что затѣмъ въ общемъ капиталѣ къ 18 февраля 1823 г. оставалось 182,827 р. 38 к.

Въ іюль 1825 года умеръ Иванъ Грязновъ, но торговля продолжалась и прекратилась только по смерти, въ октябрѣ того же года, Петра Грязнова.

Послѣ сего въ С.-Петербургѣ учреждена была опека надъ вдовою Петра Грязнова и ея сыномъ, а въ Кинешмѣ учреждена была другая опека надъ дѣтьми и вдовами, оставшимися послѣ Ивана и Гаврилы Грязновыхъ.

Въ слѣдствіе возникшаго между С.-Петербургскими и Кинешемскими опекунами спора о мѣстѣ, гдѣ должна быть учреждена опека, т. е. въ г. Кинешмѣ или въ Петербургѣ и вообще объ имуществѣ, оставшемся послѣ братьевъ Грязновыхъ, дѣло по симъ предметамъ доходило до общаго собра-

нія 1-хъ 3-хъ департаментовъ Правительствующаго Сената, которое указомъ 11 декабря 1828 г. предоставило вдовѣ Петра Грязнова, Прасковѣ, и ея попечителямъ учинить расчетъ съ Кинешемскими опекунами по коммерческимъ книгамъ и другимъ документамъ какъ о наличномъ капиталѣ, оставшемся послѣ него, такъ и объ имуществѣ, находившемся въ Кинешмѣ, и если по оному окажется, что находившійся въ С. Петербургѣ капиталъ принадлежитъ единственно умершему мужу ея Петру Грязнову, а по немъ ей съ малолѣтнимъ сыномъ, то оставить на волю ея просить гдѣ слѣдуетъ объ учрежденіи опеки; если же по тому расчету откроется, что упомянутый капиталъ подлежитъ въ раздѣлъ между всѣми наслѣдниками Грязновыхъ, то какъ капиталъ тотъ, по выдѣлѣ изъ него вдовѣ Грязновой и сыну ея принадлежащихъ частей, такъ и все дѣло препроводить въ Кинешемскій сиротскій судъ для надлежащаго изысканія о показываемой вдовою Петра Грязнова и попечителями ея утратѣ общаго капитала и для выдѣла изъ находящагося въ Кинешмѣ имѣнія законныхъ частей, слѣдующихъ вдовѣ Прасковѣ и сыну ея.

При исполненіи сего указа С. Петербургскіе опекуны сдѣлали по книгамъ и другимъ документамъ Петра Грязнова расчетъ, въ коемъ показано общаго Грязновыхъ капитала въ С.-Петербургѣ 15,707 р. 26 к., а собственно Петру Грязнову принадлежащаго въ билетахъ коммерческаго банка 109,409 р. 77¼ коп.

Кинешемскіе опекуны съ своей стороны вывели по своему расчету оставшагося у Петра Грязнова общаго капитала 133,218 р. 40½ к., включивъ въ число оныхъ упомянутые билеты коммерческаго банка.

Вдова Петра Грязнова и бывшіе опекуны малолѣтнаго ея сына объясняютъ, что у Петра Грязнова образовался отдѣльный капиталъ отъ исполненія разныхъ торговыхъ комм-

сій, и что посему полученное имъ за сіе вознагражденіе должно почитаться не общею, но личною его собственностію.

Въ доказательство исключительной принадлежности Петру Грязнову 109,409 р. 77½ к. упомянутыя лица ссылаются на слѣдующіе документы:

во 1-хъ, шесть торговыхъ книгъ Петра Грязнова подъ №. №. 6, 7, 8, 9, 10 и 11;

во 2-хъ, условіе, заключенное братьями Грязновыми 10 января 1818 г. по смерти ихъ отца, относительно производства общей торговли;

въ 3-хъ, копію со счета 18 февраля 1823 г. о количествѣ общаго капитала Грязновыхъ;

въ 4-хъ, росписку, выданную 10 февраля 1823 г. крестьяниномъ Меодіемъ Гарелинымъ Петру Грязнову;

въ 5-хъ, разныя выписи и краткіе учеты о количествѣ товаровъ и денежныхъ капиталовъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ въ распоряженіи Петра Грязнова и въ Кинешмѣ въ завѣдываніи Ивана и Николая Грязновыхъ, послѣ бывшаго 18 февраля 1823 года расчета по день смерти Петра Грязнова;

въ 6-хъ, подлинныя письма Ивана Грязнова къ Петру Грязнову.

Въ упомянутыхъ торговыхъ книгахъ изложены разныя обороты въ теченіи 1821 и 1825 годовъ по общей торговлѣ Петра Грязнова, брата его Ивана и племянника Николая Грязновыхъ.

Содержаніе условія 10 января 1818 г. и счета 18 февраля 1823 г. изложено выше.

Въ подпискѣ крестьянина Гарелина 1823 года февраля 10 дня изложено, что купецъ Петръ Грязновъ съ 1818 по 1823 годъ правилъ комиссіею въ С.-Петербургѣ, что счѣты по полюбовному ихъ согласію всѣ кончены,—и что наконецъ онъ Гарелинъ долженъ Петру Грязнову по тремъ роспискамъ 32,743 р. 59 к. асс.

Въ выпискахъ и учетахъ прописано количество товаровъ и денегъ, имѣвшихся въ Книжмѣ, С. Петербургѣ и въ долгу на разныхъ лицахъ.

Изъ взаимной переписки Петра и Ивана Грязновыхъ видно, что Петръ Грязновъ, продавая товары тѣхъ лицъ, комисіи копѣхъ оиѣ исполнялъ, деньги эти за товары высылалъ переводами на брата своего Ивана Грязнова, получая за то вознагражденіе; въ нѣкоторыхъ письмахъ къ Ивану Грязнову о дѣлахъ по торговлѣ и по комисіямъ Петръ Грязновъ упоминаетъ какъ о дѣлахъ, до общей торговли относящихся.

Наслѣдники Ивана и Гаврилы Грязновыхъ опровергали доводы наслѣдниковъ Петра Грязнова на исключительную имъ принадлежность 109,409 р. 77¼ к. асс. тѣмъ, что Петръ Грязновъ состоялъ съ братьями своими въ одномъ капиталѣ, производилъ общую торговлю, и отдѣльнаго капитала, собственно одному ему принадлежащаго, Петръ при жизни своей не объявлялъ, безъ чего и отдѣльной отъ общей съ братьями торговли въ одну свою пользу производить права не имѣлъ.

Въ подтвержденіе сего, они ссылаются на то, что въ случаѣ неизбѣжныхъ по коммерціи потерь и убытковъ, а равно и денежныхъ взысканій, вся отвѣтственность за нихъ падала бы не на одного Петра Грязнова, но на всѣхъ состоявшихъ съ нимъ въ одномъ капиталѣ. Наконецъ расчеты свои они основываютъ на торговыхъ книгахъ Петра Грязнова.

По содержанію всеподпавшей жалобы Александры, Анны и Евгеніи Грязновыхъ, разрѣшенію общаго Сената собранія подлежалъ вопросъ: слѣдуетъ ли оставшіиися послѣ Петра Грязнова капиталъ признать общею принадлежностію всѣхъ наслѣдниковъ какъ его, Петра Грязнова, такъ и двухъ его братьевъ Ивана и Гаврилы Грязновыхъ.

Вопросъ сей разрѣшается слѣдующими соображеніями:

Общій капиталъ, копми владѣли и распоряжались братья

Грязновы, перешелъ къ нимъ отъ отца ихъ Василія, безъ выдѣла каждому принадлежащихъ частей.

Капиталь этотъ, простиравшійся до 88-т. р. асс., и увеличившійся въ послѣдствіи, къ 1823 году, до 182,828 р. 38 к. асс., оставленъ упомянутыми братьями, какъ видно изъ условія 10 января 1818 года, для общаго нераздѣльнаго торгова;—при чемъ они предположили всѣ убытки и барыши поставлять на счетъ общаго капитала, самое домовое содержаніе производить каждому по соразмѣрности частей, и наконецъ постановили особое условіе о выдѣлѣ каждаго изъ нихъ въ случаѣ желанія и о полученіи слѣдующей части, по не иначе, какъ съ роспискою въ книгѣ.

Всѣ три брата, какъ видно изъ дѣла, оставались во всю свою жизнь безъ раздѣла, объявляли одинъ купеческій капиталъ, торговали и вели купеческія книги, согласно изъясненному условію, всѣ сообща, безъ всякаго разграпченія предметовъ самой торговли.

Изъ сего явствуетъ, что суммы, которыя Петръ Грязновъ получалъ за комиссіи, нельзя обращать въ его исключительную пользу, потому что исправленіе оныхъ относилось къ общимъ съ его братьями торговымъ занятіямъ, которыя не были у нихъ раздѣлены по предметамъ такъ, чтобы одни изъ нихъ касались до общей пользы, а другія отдѣльно до собственности каждаго.

Выводъ сей подтверждается тѣмъ въ особенности, что со стороны наслѣдниковъ Петра Грязнова не представлено ни формальныхъ актовъ объ отдѣльной собственности, ни особыхъ торговыхъ книгъ о какомъ либо торговѣ.

Напротивъ того представленными къ дѣлу со стороны наслѣдниковъ Петра Грязнова торговыми книгами и перепискою положительно доказывается, что всѣ братья Грязновы вели общую торговлю на основаніи отцовскій капиталъ, бывшій, какъ сказано выше, во владѣніи ихъ безъ раздѣла.

Выписки, сдѣланныя Кипешемскими опекунами о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ по общей торговлѣ всѣхъ братьевъ Грязновыхъ, не противорѣчатъ выпискамъ, сдѣланнымъ въ С. Петербургѣ.

Различіе въ учетѣ суммъ происходитъ отъ того, что Петербургскіе опекуны относятъ нѣкоторыя статьи прихода къ общему торгу, а другія къ отдѣльному производству коммисіонерской торговли Петра Грязнова.

Въ подтвержденіе сего, наслѣдники Петра не представили никакихъ особыхъ доказательствъ, а посему нѣтъ законныхъ основаній заключать, чтобы оставшія послѣ него деньги произошли отъ исполненія коммисій, которыя онъ будто бы производилъ на собственный свой счетъ, а не по общей торговлѣ Грязновыхъ.

Нельзя при семъ не замѣтить, что по закону (ст. 2 т. XI. уст. торг.) дѣла коммисіонныя причислены къ торговымъ дѣйствіямъ, а потому Петръ Грязновъ, обязавшись условіемъ 10 января 1818 года производить общую торговлю, не могъ относить выгоды по коммисіоннымъ дѣламъ исключительно въ свою пользу.

Самыя письма Петра Грязнова къ Ивану Грязнову удостоверяютъ въ томъ, что онъ о коммисіонныхъ порученіяхъ говоритъ какъ о дѣлѣ, касающемся до ихъ общей торговли.

Слѣдовательно, С.-Петербургскіе опекуны неправильно отвергаютъ статьи расчета, указываемыя Кипешемскими опекунами, подъ тѣмъ предлогомъ, что Петръ Грязновъ, кромѣ общей торговли, занимался коммисіонными дѣлами.

Доказательства, представленныя со стороны наслѣдниковъ Петра Грязнова, какъ то: условіе 10 января 1818 года, расчетъ 18 февраля 1823 г. и наконецъ росписки крестьянина Гарелина 10 того же февраля, не только не ослабляютъ вышевзясненнаго вывода, что коммисіонныя дѣла, ко-

торья исполнялъ Петръ Грязновъ, должны быть относимы къ общей торговлѣ всѣхъ братьевъ Грязновыхъ, но еще болѣе убѣждаютъ въ семъ заключеніи.

Такимъ образомъ условіе Грязновыхъ 10 января 1818 г. по самому буквальному изложенію подтверждаетъ, что братья Грязновы, не раздробляя оставшагося послѣ смерти ихъ капитала, именно для того, чтобы не пресѣчь чрезъ таковое раздробленіе своей торговли, рѣшились вести общую торговлю, но чтобъ кто либо изъ нихъ могъ производить ее единственно въ свою пользу, того въ условіи не постановлено.

Домашній расчетъ 1823 г. показываетъ только то, что въ числѣ 139,437 р., слѣдовавшихъ къ уплатѣ иностраннымъ купцамъ, были и суммы, слѣдовавшія Петру, но въ какомъ количествѣ, и для какой цѣли, того въ расчетѣ не сказано. При существованіи общей между Грязновыми торговли, содержаніе сего расчета не только не доказываетъ, что Петръ Грязновъ имѣлъ особый отъ другихъ братьевъ капиталъ, но скорѣе указываетъ на то, что по производству имъ торговли въ С.-Петербургѣ, онъ долженъ былъ уплатить разнымъ лицамъ капиталъ 139,437 р.

Наконецъ росписка Гарелина служить доказательствомъ въ томъ только, что онъ, имѣя въ С. Петербургѣ съ Петромъ Грязновымъ торговья дѣла, остался ему должнымъ показанную въ семъ актѣ сумму, но нисколько не доказываетъ права Петра на отдѣльную его въ семъ долгѣ собственность.

Петръ Грязновъ, проживая въ С.-Петербургѣ и производя торговлю на общій съ братьями капиталъ, могъ входить въ сношенія и обороты по торговымъ дѣламъ отъ своего лица, точно также, какъ и братья Иванъ и Гаврила, находясь въ Кинешмѣ и производя тамъ торговья дѣла, получали и выдавали должныя суммы, но по показанію ихъ не присвоивали оныхъ въ отдѣльную собственность, а считали все общимъ достояніемъ.

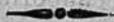
Соображенія сѣи приводятъ къ заключенію, что всѣ дѣйствія Петра Грязнова, какъ состоявшаго въ общемъ наследственномъ капиталѣ съ братомъ Иваномъ и племянникомъ Николаемъ и необъявившаго отдѣльнаго капитала, могли относиться только къ общей торговлѣ съ сими лицами и потому, а равно и по содержанию условія 1818 года января 10-го, всѣ выгоды, протекавшія изъ торговли, въ томъ числѣ и отъ дѣлъ коммиссіонныхъ, должны быть распределены между всѣми лицами, записанными въ одномъ семейномъ наследственномъ капиталѣ. Слѣдовательно и капиталъ, оставшійся послѣ Петра Грязнова, какъ происшедшій, по объясненію самыхъ наследниковъ, отъ торговли, составляетъ общее достояніе всѣхъ лицъ, въ дѣлѣ семъ участвующихъ. Но какъ на рѣшеніе 4-го департамента Правительствующаго Сената, коимъ признано, что означенный капиталъ принадлежитъ исключительно наследникамъ Петра Грязнова, принесли всеподданнѣйшія жалобы только вдова Ивана, Александра, съ дочерью Анною, и дочь Гаврилы Грязнова, Евгенія,—то за выдѣломъ имъ указныхъ частей, согласно изъясненному положенію, слѣдуетъ остальное имущество признать собственностію наследниковъ Петра Грязнова, для раздѣла по закону—и съ допущеніемъ ихъ, какъ признано рѣшеніемъ палаты 17 декабря 1841 г., участвовать въ раздѣлѣ какъ общаго безпорнаго имущества, оставшагося здѣсь въ С.-Петербургѣ, такъ и имущества, оставшагося послѣ Грязновыхъ въ Кинешмѣ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ общее Сената собраніе опредѣлило: 1) все оставшееся послѣ Петра Грязнова торговое имущество въ деньгахъ и товарахъ признать общою принадлежностію всѣхъ наследниковъ братьевъ Грязновыхъ, состоявшихъ съ Петромъ въ одномъ общемъ капиталѣ; 2) изъ сего торговаго имущества выдѣлить указныя части только наследникамъ Грязновыхъ, обжаловавшимъ рѣшеніе 4-го департамента Сената 13-го мая 1847-го г., а

пмепно вдовѣ Пвана Грязнова Александрѣ и дочери Аннѣ Грязновымъ и дочери Гаврилы Грязнова, Евгении, а прочее затѣмъ оставшееся послѣ Петра Грязнова имущество признать собственностью наследниковъ его, для раздѣла между ними по закону.

IV.

Нахождение документа въ виду судебного мѣста при рѣшеніи дѣла не можетъ служить препятствіемъ къ принятію другимъ судебнымъ мѣстомъ спора противъ того же самаго документа, если споръ этотъ не имѣетъ непосредственной связи съ прежнимъ, рѣшеннымъ дѣломъ, и если первое судебное мѣсто не входило въ разсмотрѣніе силы документа и не постановило заключенія о дѣйствительности его.

Наследники надворнаго совѣтника Фишера въ 1852 г. предъявили въ Волынскую гражданскую палату искъ противъ бывшаго повѣреннаго ихъ, иностранца Рейша.

Главное основаніе иска наследниковъ Фишера заключалось въ томъ, что Рейшъ признанъ пріобрѣтателемъ правъ Фишера по подложному уступочному документу 4-го августа 1818 года.

Палата постановленіемъ 22 января 1854 г. отказала въ принятіи сего иска на томъ основаніи, что документъ 4-го августа 1818 г. былъ въ виду Правительствующаго Сената при разрѣшеніи въ 1850 г. дѣла Рейша съ дворяниномъ Мо-

дестомъ Міяковскимъ о продажѣ послѣднимъ изъ имѣнія Фишера села Яновки родственнику своему Василю Міяковскому.

Повѣренный наслѣдниковъ Фишера, Спись, въ жалобѣ Правительствующему Сенату на означенное постановленіе гражданской палаты, представляя доказательства подложности документа 1818 г., просилъ сдѣлать распоряженіе о принятіи спора наслѣдниковъ, охранивъ между тѣмъ все имущество Фишера отъ растраты и предоставивъ имъ право участія въ дѣлахъ объ имуществѣ сего послѣдняго въ судебныхъ мѣстахъ производящихся.

Изъ сего явствуетъ, что въ дѣлѣ семъ по содержанію ходатайства просителя слѣдовало разрѣшить вопросъ: можно ли дать иску наслѣдниковъ Фишера съ Рейша ходъ установленнымъ порядкомъ, и можетъ ли препятствовать сему рѣшеніе Правительствующаго Сената, въ 1850 г. послѣдовавшее.

При разсмотрѣніи существа рѣшенія Правительствующаго Сената, послѣдовавшаго 29-го сентября и исполненнаго посылкою указа 31-го октября 1850 г., оказывается, что въ Сенатѣ производилось апелляціонное дѣло Рейша съ Міяковскимъ о продажѣ села Яновки, совершенной 7-го сентября 1831 г., и о противузаконныхъ дѣйствіяхъ Міяковского.

Наслѣдники Фишера въ дѣлѣ семъ вовсе участія не принимали.

Апелляціонныя по сему дѣлу рѣшенія состоялись: въ Дубенскомъ уѣздномъ судѣ 11-го октября 1843 года и въ Волынской гражданской палатѣ 12-го сентября 1845 г.

Рѣшенія сіи подвергнуты ревизіи Правительствующаго Сената въ апелляціонномъ порядкѣ, при чемъ Сенатъ не разсматривалъ правъ Рейша какъ приобретателя имущества Фишера.

Рейшъ признанъ таковымъ приобретателемъ по особому постановленію Дубенскаго уѣзднаго суда отъ 20 декабря 1843 г. и Правительствующій Сенатъ, разрѣшая въ 1850 г. дѣло Рейша съ Міяковскимъ, вовсе не входилъ ни въ обсужденіе

дѣйствительности документа 4-го Августа 1818 г., который въ подлинникѣ даже не былъ въ виду Правительствующаго Сената, ни въ разсмотрѣніе особаго постановленія уѣзднаго суда 20 декабря 1843 г. о признаніи Рейша пріобрѣтателемъ правъ Фишера, такъ какъ рѣшеніе сіе касалось правъ третьяго лица, не принимавшаго участія въ дѣлѣ Рейша съ Міяковскимъ.

Предъявленный въ 1852 г. споръ наслѣдниковъ Фишера къ Рейшу ни по предмету своему, ни по ходу не имѣеть непосредственной связи съ дѣломъ, рѣшеннымъ Правительствующимъ Сенатомъ въ 1850 году.

Предметомъ сего спора представляется денежный искъ наслѣдниковъ Фишера, возникшій слѣдующимъ образомъ.

Въ 1843 г. 14-го октября въ Дубенскомъ уѣздномъ судѣ полученъ былъ по почтѣ уступочный документъ 4-го августа 1818 г., на основаніи коего уѣздный судъ 20-го декабря того же 1843 г. призналъ Рейша пріобрѣтателемъ правъ Фишера.

Наслѣдники сего послѣдняго, не пропуская установленнаго десяти-лѣтняго срока для начатія иска, въ прошеніи, по данномъ чрезъ повѣреннаго въ Волынскую гражданскую палату 27 мая 1852 г., предъявили искъ противъ Рейша, доказывая подложность документа 1818 г., но гражданская палата отказала имъ въ принятіи сего спора подъ тѣмъ предлогомъ, что означенный документъ былъ въ виду Правительствующаго Сената при разрѣшеніи дѣла Рейша съ Міяковскимъ, по коему послѣдовалъ указъ 31-го октября 1850 года.

Постановленіе о семъ гражданской палаты несогласно съ содержаніемъ указа Сената, принятаго палатою въ основаніе къ отказу въ принятіи иска наслѣдниковъ Фишера: ибо Правительствующій Сенатъ, какъ выше уже замѣчено было, не обсуждалъ въ 1850 г. ни дѣйствительности акта 1818 г., ни правильности рѣшенія уѣзднаго су-

да 20 декабря 1843 года, въ слѣдствіе коего Рейшъ вступилъ въ права Фишера, и вообще рѣшенное въ Правительствующемъ Сенатѣ въ 1850 г. дѣло Рейша съ Міяковскимъ о продажѣ села Яновки производилось между другими лицами и о предметѣ, совершенно отдѣльномъ отъ содержанія возникшаго въ 1852 г. дѣла.

Посему, и въ томъ вниманіи, что наслѣдники Фишера, предъявивъ въ 1852 г. споръ противъ Рейша, признаннаго въ 1843 году пріобрѣтателемъ правъ Фишера, не пропустили срока десятилѣтней давности, нельзя не признать, что указъ Правительствующаго Сената 31-го октября 1850 г., послѣдовавшій по дѣлу Рейша съ Міяковскимъ, не можетъ стѣснять судебного мѣста въ принятіи означеннаго иска наслѣдниковъ Фишера къ Рейшу и служить судебному мѣсту препятствіемъ къ разсмотрѣнію представляемыхъ наслѣдниками Фишера доказательствъ о подложности документа 1818 г., служащихъ главнымъ основаніемъ денежнаго иска ихъ съ Рейша.

Въ слѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что документъ 4-го августа 1818 г., какъ неразсмотрѣнный относительно дѣйствительности онаго судебными мѣстами, непосредственному обсужденію Правительствующаго Сената подлежать не можетъ, общее Сената собраніе предписало Вольнской гражданской палатѣ дать исковому прошенію повѣреннаго наслѣдниковъ Фишера ходъ установленнымъ порядкомъ, не стѣсняясь указомъ Правительствующаго Сената, 31-го октября 1850 г. послѣдовавшимъ по особому дѣлу Рейша съ Міяковскимъ о продажѣ села Яновки, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать по сему прошенію надлежащее распоряженіе объ охраненіи спорнаго имущества.

В. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

І.

Дѣло о поджогѣ фабрики иностранца Мейера.—Оставленіе въ подозрѣніи на основаніи уликъ.—Упущенія полицейскихъ чиновниковъ и членовъ слѣдственной комисіи.

5 іюля 1848 года проживавшіе въ Москвѣ, въ домѣ наслѣдниковъ Шалапутиныхъ, въ квартирѣ австрійскаго подданнаго временнаго московскаго 3 гильдіи купца Іосифа Мейера, содержавшаго въ семъ домѣ булавочную и карандашную фабрику, иностранцы: шведскій подданный Левъ Трей и ганноверскій Карлъ Бекманъ, являсь сначала къ окружному генералу корпуса жандармовъ генералъ-лейтенанту Перфильеву, а потомъ къ московскому оберъ-полиціймейстеру, объявили, что Мейеръ намѣренъ поджечь свое жилище.

Объявленіе это, по удостовѣренію московскаго оберъ-полиціймейстера, сдѣлано сими лицами въ шесть часовъ по полудни и тогда же онъ велѣлъ изложить имъ письменно, что ими и было исполнено въ его канцеляріи.

Оберъ-полиціймейстеръ того же числа далъ секретное предписаніе приставу Басманной части Лисицыну принять всѣ мѣры къ открытію злоумышленнаго предпріятія.

6 Юля приставъ Лисицынъ донесъ оберъ-полиціѣмейстеру, что онъ отпралялся, вмѣстѣ съ квартальнымъ поручикомъ Садовниковымъ, унтеръ-офицеромъ Новицкимъ и посланнымъ отъ оберъ-полиціѣмейстера пожарнымъ служителемъ Лариономъ Крыловымъ, для взятія Мейера, и, прибывъ къ занимаемому имъ деревянному корпусу, увидѣлъ, что огня въ комнатахъ не было, но чрезъ нѣсколько минутъ въ верхнемъ этажѣ внутри комнаты, занимаемыхъ Мейеромъ, вдругъ показалась струя огня, на подобіе молніи, и вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ обнаружилось пламя. Въ это время онъ, приставъ, бросился къ верхнему этажу, но входная дверь была заперта изнутри. Купецъ Мейеръ, выбивши раму въ окнѣ надъ навѣсомъ, слѣзъ на крышу, и, увидавъ Садовникова, Новицкаго и Крылова, притворился, будто бы упалъ, но былъ ими взятъ съ навѣса. Мейеръ былъ одѣтъ въ халатъ, повязанъ шелковымъ платкомъ, приколотымъ золотою булавкою, съ шляпою на головѣ; при немъ найдено денегъ около 100 руб. серебр. и разныя бумаги. Хотя бывшія наготовѣ пожарныя команды Басманной и другихъ частей прибыли на мѣсто пожара, однако, по причинѣ быстро-распространившагося пламени, огонь объялъ ближайшія строения дома Шеланутинныхъ и сосѣдняго, купеческой вдовы Пелагеи Ильиной Васильевой, съ находившимися въ оныхъ фабричными заведениями купцовъ Мейера, Крестовникова и Егорова. Убытка отъ пожара, по объявленію погорѣвшихъ, кромѣ Мейера, послѣдовало на 21,700 руб. сереб.

На распросы пристава Лисицына, Мейеръ объяснилъ, что въ началѣ пожара онъ въ своей комнатѣ спалъ и, проспавшись отъ дыма, выскочилъ въ окно. Отъ чего произошелъ пожаръ, не знаетъ, а полагаетъ, что кѣмъ нибудь сдѣланъ поджогъ.

О семъ происшествіи составлено мѣстное постановленіе, въ которомъ, между прочимъ, обозначено, что командированный отъ оберъ-полиціѣмейстера пожарный служитель Ларионъ Крыловъ явился въ Басманную часть въ 12 часу ночи.

По предписанію оберъ-полиціеімейстера, для изслѣдованія причинъ пожара, учреждена была, особая коммисія, въ присутствіи которой показали:

Мейеръ, что 5-го іюля, возвратясь въ свою квартиру въ два часа по полудни, и отобѣдавъ, онъ легъ отдохнуть; послѣ того былъ дома весь вечеръ и со двора не отлучался; вечеромъ, въ 8 часовъ, пилъ чай съ проживавшимъ у него иностранцемъ Бекманомъ. Послѣ того онъ давалъ разныя приказанія людямъ и оставался уже въ своей комнатѣ съ Бекманомъ. Выкуривъ сигару, онъ и Бекманъ легли спать, что было около 10 часовъ; потомъ онъ немного задремалъ; около 11 или половины 12 часа пришелъ домой мастеръ его фабрики, иностранецъ Левъ Трей, который также легъ спать. Вскорѣ послѣ сего заснулъ и онъ, Мейеръ, и проснулся тогда уже, когда былъ у него въ комнатѣ дымъ и онъ увидѣлъ огонь, который вспыхнулъ чрезъ печь. Тутъ онъ схватилъ халатъ, колоши и изъ ящика письменнаго стола бумажникъ и бумаги, лежавшія тутъ же рядомъ, которыя положилъ за пазуху и чрезъ окно вышелъ на крышу, а оттуда спустился на землю; бумажникъ и бумаги взяты имъ изъ ящика стола, стоявшаго возлѣ окошка и рядомъ съ кроватью, въ той же самой комнатѣ. Отъ чего произошелъ пожаръ, ему не извѣстно, самъ онъ въ произведеніи пожара невиновенъ, и основательныхъ подозрѣній ни на кого не имѣеть.

Карлъ Бекманъ, что Мейеръ познакомился съ нимъ года за три до пожара, въ городѣ Казани. Въ 1847 и 1848 годахъ Мейеръ писалъ къ нему два письма, сначала въ Казань, потомъ въ Самару, чтобы онъ пріѣхалъ къ нему въ Москву для поступленія на какую-либо должность. По пріѣздѣ его, недѣли за 4 до пожара, Мейеръ рассказывалъ ему, что дѣла его разстроены и что онъ не находитъ другихъ средствъ къ поправленію своего состоянія, какъ поджечь свою булавочную

и карандашную фабрику, и чрезъ то получить капиталъ изъ страховаго товарищества Саламандра, въ которомъ, мѣсяца за два до пожара, была застрахована вся движимость. Опъ совѣтоваль Мейеру не рѣшаться на такой поступокъ; но Мейеръ рѣшительно 4-го или 5-го іюля предполагалъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, о чемъ неоднократно говорилъ какъ ему, Бекману, такъ и мастеру своей фабрики, иностранцу Трею. 5 Іюля Трей не было дома до 11 часовъ ночи; потомъ, когда Трей уже былъ въ квартирѣ, т. е. въ одной комнатѣ съ нимъ, Бекманомъ, то Мейеръ, придя къ нимъ, сказалъ, что опъ въ эту ночь предполагаетъ поджечь свою квартиру, а, возвратившись отъ нихъ въ свою квартиру, часа чрезъ два произвелъ пожаръ въ другой комнатѣ, нарочно привезеннымъ имъ фитилемъ. Возвратившись въ свою комнату, Мейеръ заперъ ее, и выйдя въ ихъ комнату, вылъзъ въ окно. Мейеръ, дней за 5-ть до пожара, прислалъ съ своимъ кучеромъ ведро спирту. 5 Іюля онъ посылалъ его, Бекмана, купить еще ведро спирту, о чемъ Бекманъ объявлялъ оберъ-полиціймейстеру, и, получивъ его разрѣшеніе (*), отправился въ питейную контору, взялъ ведро спирта и доставилъ его Мейеру. Когда Мейеръ рѣшительно предположилъ поджечь фабрику онъ, Бекманъ, и иностранецъ Трей не спали, дверь изъ ихъ комнаты въ комнату Мейера была не затворена, и Мейеръ, въ виду его, Бекмана, взявъ фитиль, пошелъ въ другія комнаты, въ комнатѣ же Мейера находились фосфорныя спички; стороннихъ въ квартирѣ Мейера, кромѣ его, Бекмана и Трея, никого не было. Мейеръ, для устраненія препятствій къ

(*) Оберъ-полиціймейстеръ отозвался, что Бекману на покупку ведра спирта онъ разрѣшенія не давалъ, и хотя онъ объявлялъ ему въ то время о посылкѣ его Мейеромъ за спиртомъ, но какъ о предупрежденіи злоумышленія Мейера поручено было Басманному частному приставу, и Бекманъ съ Треемъ переданы ему же, то и означенное свидѣніе оставлено на его же, пристава, распоряженіи.

приведенію въ исполненіе своего намѣренія, отправилъ на дачу, въ Сокольники, жену свою, дней за 10 до пожара и съ нею отослалъ нѣкоторое количество застрахованной мебели, провизіи и другихъ вещей. Когда Бекманъ отсовѣтывалъ ему поджигать, то Мейеръ завѣрялъ его и иностранца Трея, что имъ никакой отвѣтственности не будетъ, и что онъ объявлялъ уже Басманному частному приставу, что многіе изъ его фабрики рабочіе ушли и онъ опасается, чтобы не подожгли. Все оставшееся въ квартирѣ черное бѣлье Мейеръ отослалъ къ прачкѣ. Дней 5 сряду предъ пожаромъ Мейеръ оставлялъ ночевать въ своей квартирѣ, для прислуги, мальчика съ фабрики, но въ послѣднія двѣ ночи мальчика не требовалъ. Одежду свою Мейеръ перевезъ на дачу къ своей женѣ. Мейеръ безъ всякой причины отказалъ за недѣлю до пожара учителю музыки Славнику. Предъ пожаромъ Мейеръ не покупалъ матеріаловъ для фабрики, чему удивлялись и рабочіе; также израсходованы были овесъ для лошадей и дрова. Въ послѣдніе дни топили печи кое-чѣмъ. За день до пожара, Мейеръ приказалъ Трею принести изъ подвала въ его комнаты въ бочекѣ масло оленнѣ, около 10 фунтовъ, и вечеромъ предъ пожаромъ, въ отсутствіе Трея, Бекманъ, по приказанію Мейера, принесъ къ нему два таза и нѣсколько плевальницъ, въ которыя Мейеръ налилъ спирту, потомъ взялъ цѣлую стопу бумаги, намочилъ ее въ спиртѣ и разложилъ листы по ящичкамъ, въ шкафахъ, комодѣ, бюро и буфетѣ.

Левъ Трей въ показаніи своемъ объяснилъ одинаково съ Бекманомъ, дополнивъ только тѣмъ, что Мейеръ, дабы онъ, Трей, не открылъ его намѣренія, обѣщался наградить его 2,000 руб. ассигн. и сверхъ того предоставлялъ въ его пользу все, что останется на фабрикѣ изъ инструментовъ и матеріаловъ. Когда Мейеръ собрался поджигать квартиру, то подошелъ къ нему, Трею, тронулъ его фитилемъ по лицу, и сказалъ: «вотъ будетъ фейерверкъ.» Когда онъ, Трей, для предположеннаго бракосочета-

нѣ панялъ квартиру, за два дня до пожара, то Мейеръ отдалъ ему перевезти туда ломберный столъ, комодъ и шкафъ краснаго дерева, говоря, что все равно—сгоритъ.

Мейеръ, не сознавая въ поджогѣ своей квартиры, показалъ, что жена его отправилась на дачу по собственному ея желанію, и съ нею онъ отослалъ часть мебели, провизіи, серебра и прочихъ вещей, необходимо нужныхъ, о чемъ онъ предварительно объявилъ въ конторѣ Саламандра, и получилъ на то позволеніе. Дѣйствительно, онъ объявлялъ Басманной части приставу, что бѣжавшіе съ его фабрики мальчики Петръ и Власъ Павловы при побѣгѣ говорили рабочимъ, что если ихъ опять приведутъ на фабрику, то они зарѣжутъ, убьютъ или подожгутъ. Бѣлье черное онъ отправилъ къ прачкѣ для чистки. Мальчика не оставлялъ у себя въ послѣднія предъ пожаромъ ночи потому, что отъ него былъ дурной запахъ. Часть своего платья перевезъ на дачу къ женѣ для того, чтобы при посѣщеніяхъ ея тамъ можно бы было переодѣться. Учителю музыки Славикю отказалъ при отправленіи своего семейства на дачу потому, что онъ неоднократно своею дерзостію оскорблялъ жену его, съ тѣмъ однакожъ, что онъ можетъ, если пожелаетъ, давать уроки три раза въ недѣлю. Матеріаловъ для фабрики не покупалъ, имѣя въ виду, по израсходованіи, купить въ городѣ, какъ это и прежде случалось, а дрова и фуражъ для лошадей предполагалъ купить въ первый базаръ. Масло оленнѣ, точно, было перенесено изъ подвала въ его квартиру, но не по его приказанію, а самимъ Треемъ, неизвѣстно для какой надобности. Бумагу спиртомъ не намачивалъ, а у него точно было куплено два ведра спирта и нѣсколько восковыхъ свѣчъ или фитилей, по совѣту Трея, который говорилъ, что отъ холеры пить лучше средства, какъ спиртъ, настоянный мятными каплями, горчичной водой и воскомъ, и что этимъ составомъ должно тереться и дѣлать изъ него ванну. Восковыя свѣчи привезены были изъ горо-

да кучеромъ его, крестьяниномъ государственныхъ имуществъ Васильемъ Дмитриевымъ. Вознагражденія Трею никакого не обѣщаль, Фитилемъ его не трогаль, а вещи: икону, столъ, комодъ и шкафъ далъ ему перевезти въ нанятую имъ квартиру по его просьбѣ, на день бракосочетанія. Къ тому же ему, Мейеру, не было никакой надобности поджигать квартиру изъ капитала 9,800 руб. серебр., въ которомъ застрахована была вся его движимость, тогда какъ онъ потерпѣлъ убытка на 22,000 руб. серебр., пбо у него сгорѣло фабричное заведеніе съ машинами, мебель, зеркала, ковры, занавѣси, бронза, платье, бѣлье, кухонная утварь, брилліанты и прочее. Что онъ имѣлъ эти вещи, то могутъ подтвердить капельмейстеръ московскихъ театровъ Іоганнсъ, музыканты два брата Славки и штабсъ-капитанъ 2-го учебнаго карабинернаго полка Мухнинъ. Дѣла его вообще шли хорошо. Если бы онъ намѣрепъ былъ сдѣлать поджогъ, то ему не было бы надобности платить за 4-ре мѣсяца впередъ деньги за палатку купцу Пуговкину. Предъ пожаромъ онъ былъ неоднократно у купца Кольчугина и торговаль у него мѣдную проволоку, какую ему было нужно. Былъ въ конторѣ Гебауера и говорилъ, что посмотритъ у него кипарисъ, даваль приказъ купцу Гольдгауеру узнать цѣны заграничному кипарису; также даваль приказъ объ англійской глинѣ купцамъ Пикеригиллю и Крылову. Въ дополненіе еще Мейеръ поясилъ, что Трею, находясь у него по контракту мастеромъ на фабрикѣ, и вознамѣрившись жениться на мѣщанкѣ Яковлевой, неоднократно отлучался со двора безъ спроса, чѣмъ самымъ дѣлалъ упущенія по фабрикѣ, возвращаясь нерѣдко въ петрезвомъ видѣ, почему онъ взялъ съ Трея росписку, что если онъ будетъ замѣченъ еще разъ въ петрезвомъ видѣ, то долженъ заплатитъ штрафъ 1,000 руб. серебр.; но такъ какъ Трею и затѣмъ не исполнялъ своей обязанности, то онъ намѣревался подать на него исковое прошеніе. Иностранецъ Бекманъ, по пріѣздѣ

въ Москву, рассказывать ему, Мейеру, что около города Самары онъ знаетъ крестьянина, имѣющаго болѣе 200 пудовъ въ слиткахъ серебра, которое можно купить у него за 30.000 руб. ассиг., и приглашалъ его, Мейера, туда ѣхать; но когда онъ, сочтя это за пустяки, сталъ смѣяться, то Бекманъ просилъ у него 500 руб. серебр., съ которыми онъ намѣревался отправиться туда и покупать серебро по малымъ частямъ для распродажи въ окрестностяхъ серебряникамъ, но онъ Бекману денегъ не далъ. Трей съ Бекманомъ очень въ короткое время подружились, а потому онъ полагаетъ, что Бекманъ рассказавъ Трею о серебрѣ, и они сговорились ѣхать туда вмѣстѣ; но какъ Трею по контракту нельзя было отлучиться, то они и подожгли его фабрику, а на него говорятъ ложно, для своего спасенія. Притомъ, если иностранцы Трей и Бекманъ видѣли, какъ онъ пошелъ поджигать квартиру, то почему они не остановили его, или тотчасъ же не дали знать полиціи, которая была около дома. Въ бытность его, Мейера, на прѣбитской ярмаркѣ, онъ былъ разгнѣванъ Бекманомъ и разсѣкъ ему тарелкою лобъ. При этомъ Бекманъ поклялся ему вѣчною местию. За два дня предъ пожаромъ, когда Трей сталъ давать ему карандаши, онъ, найдя ихъ негодными, переброевалъ Трею въ лицо 60 дюжинъ. Это доказываетъ неприязненныя его отношенія съ Треемъ и Бекманомъ. Сверхъ сего у Трея послѣ пожара найдены въ печуркѣ свертокъ съ принадлежащими ему, Мейеру, ложками, а на Бекманѣ онъ видѣлъ свой плащъ. Эти вещи ими украдены, что доказываетъ намѣреніе ихъ воспользоваться отъ пожара разными вещами и тѣмъ обогатиться.

Иностранцы Трей и Бекманъ, не сознаваясь ни въ чемъ, возводимомъ на нихъ Мейеромъ, показали:

1-й, что онъ дѣйствительно отлучался къ сговоренной невѣстѣ, но всегда съ позволенія хозяина, и упущенія по фабрикѣ никакого не дѣлалъ. Мейеръ взялъ съ него росписку

мѣсяцевъ за 9-ть до пожара потому, что онъ, Trey, одинъ разъ возвратился домой въ нетрезвомъ видѣ, но послѣ никогда въ нетрезвомъ видѣ не былъ; ложки въ сверткѣ бумаги переданы были ему при пожарѣ Бекманомъ, и онъ, Trey, припряталъ ихъ въ своей квартирѣ въ печурку, чтобы ихъ кто не похитилъ.

2-й, что онъ Мейеру дѣйствительно рассказывалъ, будто бы неизвѣстный крестьянинъ около Самары имѣеть до 200 пудовъ серебра; но и самъ, слышавши, не помнитъ отъ кого, не вѣрилъ тому; Мейера ѣхать въ Самару не приглашалъ и намѣренія къ тому не имѣлъ. Когда Мейеръ на ирбитской ярмаркѣ бросилъ въ него тарелкою, то грозилъ ли онъ ему местию, не припомнитъ. Мейеръ, собираясь поджечь свою фабрику, предоставилъ ему, Бекману, спасти все, что можно изъ вещей, и далъ ему завернуть въ бумагу ложки, которыя онъ, Бекманъ, передалъ Трею. Плащъ подаренъ ему Мейеромъ за нѣсколько дней до пожара; также подарено ему было черное сукно на фракную пару.

Присемъ оба они, Trey и Бекманъ, показали, что по пылкому и жестокому характеру Мейера, они не смѣли удерживать его отъ совершенія преступленія, опасаясь, чтобы онъ ихъ не убилъ, или не нанесъ жестокихъ побоевъ.

На очныхъ ставкахъ Trey и Бекманъ уличали Мейера, сверхъ объясненнаго въ ихъ показаніяхъ, тѣмъ, что Мейеръ, въ небытность Trey въ квартирѣ, говорилъ, что онъ скажется больнымъ, попроситъ доктора прописать ему рецептъ, потомъ велитъ развести въ кухнѣ огонь и зажечь, а вечеромъ 5-го іюля взялъ онъ отъ Бекмана бывшіе у него ключи отъ буфета и другихъ шкафовъ; но Мейеръ ни въ чемъ не сознался.

Потомъ Бекманъ уличалъ Мейера въ томъ, что 5-го іюля вечеромъ, по возвращеніи въ квартиру Trey, Мейеръ позвалъ обоихъ къ себѣ, и, посадивши Бекмана на постель, говорилъ,

что послѣ пожара будетъ слѣдствіе, и когда ихъ будутъ спрашивать, то они должны показать, что огня у нихъ не было, что они спали и ничего не знаютъ, а если даже при слѣдствіи будутъ имъ говорить, что будто бы онъ, Мейеръ, сознался въ поджогѣ, то и тогда они должны показать, что ничего не знаютъ.

Противъ этой улики Мейеръ, не сдѣлавъ никакого опроверженія, заплакалъ, и, вставъ со стула, на которомъ дозволено ему было сидѣть по болѣзни его ногъ, затрясая, зашатался и едва не упалъ, склонившись однако невольно къ стѣнѣ, на другой стоявшій тамъ стулъ; чрезъ нѣсколько минутъ вставши, сказалъ, что онъ такихъ словъ Бекману не говорилъ, и затѣмъ въ предоставленіи Бекману спасти все отъ пожара, и въ томъ, что подарилъ ему сукно и плащъ, не сознался.

Контора страхового общества Саламандра увѣдомила комисію, что 4-го мая 1848 года застраховано Мейеромъ на карандашной и булавочной фабрикѣ всего на 9,800 руб. серебр. Сверхъ того Мейеръ, являсь въ ту контору 11-го іюня 1848 года, предложилъ застраховать имѣвшіеся будто бы у него брилліанты на 3,725 руб. сереб.; по конторою, на основаніи устава общества, было ему отказано. При застрахованіи движимостей Мейера контора основалась на довѣріи, и не посылала никого для осмотра и оцѣнки вещей. Въ концѣ іюня 1848 года Мейеръ дѣйствительно являлся въ контору и объявлялъ, что жена его переѣзжаетъ на дачу въ Сокольники, и желаетъ взять съ собою нѣкоторыя необходимыя вещи, что ему и было разрѣшено.

По сему поводу Трей показалъ, что фабрика Мейера застрахована въ 2,100 руб. серебр.; но эта сумма слишкомъ преувеличена. Въ доказательство сего Трей представилъ, что въ заднемъ деревянномъ домѣ застрахованы были шесть чановъ, 4 жолоба, чугунный прессъ и три мѣдные котла въ 400 руб.; но они стоятъ гораздо менѣе, а именно: чапы, которые онъ, Трей,

самъ заказывалъ обручнику, живущему на Полянкѣ, стоятъ каждый отъ 3 руб. 50 коп. до 4 руб. сереб., 4 жолоба, по высокой цѣнѣ, стоятъ не болѣе 4 руб. сереб., чугунный прессъ, работанный у купца Артемьева, 30 руб. сереб., три котла стоятъ не дороже 60 руб. сереб.

Конторщикъ Мейера, мѣщанинъ *Оеофановъ* показалъ, что на заведеніе фабрики, сколько можетъ припомнить, Мейеромъ употреблено до 2,981 руб. сереб.

Жена Мейера, *Амалия Мейеръ*, подтверждая показаніе мужа своего, въ томъ, что она сама просила его отправить ее на дачу, присовокушила, что учитель музыки Славикъ ни какихъ оскорбленій ей не дѣлалъ, но иногда имѣлъ неудовольствія насчетъ кушанья.

По обыску на дачѣ жены Мейера, найдено денегъ 400 руб. сер., нѣсколько мебели, серебра, платья и другихъ вещей, на сумму 82 руб. 7 коп. сереб.

Жившій у Мейера въ кучерахъ казенный крестьянинъ *Василій Дмитріевъ* показалъ, что Мейеръ съ нимъ свѣчей или фитилей не присылалъ.

Прикащикъ Мейера, вологодскій мѣщанинъ *Мясниковъ* объяснилъ, что торговля Мейера шла довольно тихо.

Бѣжавшіе съ фабрики Мейера мальчики, крестьяне князя Шаханскаго, *Петръ и Власть Павловы* въ произнесеніи при побѣгѣ словъ: «убьемъ, зарѣжемъ, или подожжемъ,» не сознались.

Находившіеся на фабрикѣ Мейера работники и ученики обо всемъ отозвались незнаніемъ.

Изъ числа спрошенныхъ подъ присягою 4 человека дополнили, что огонь, какъ они замѣтили, распространился въ комнату, занимаемыхъ Мейеромъ.

Московскіе купцы: *Гальцауеръ, Кольцунинъ, Гебауеръ, Силинъ* и *Ликеремль*, первый безъ присяги, а послѣдніе подъ присягою подтвердили ссылку на нихъ Мейера.

Штабс-капитанъ 2-го учебнаго карабинернаго полка *Мухинъ* объяснилъ, что въ квартирѣ Мейера мебель была красного дерева, драпировка и разныя вещи, но на какую сумму, не знаетъ.

Согласно съ нимъ подъ присягою показали: капельмейстеръ Императорскихъ театровъ *Иоаннисъ* и музыканты: *Рудольфъ* и *Антонъ Славикъ*; причемъ послѣдній присовокупилъ, что Мейеръ отказалъ ему отъ уроковъ, по отъѣздѣ на дачу жены его, съ которою отправлены были и его дѣти. Впрочемъ Мейеръ говорилъ, что если онъ желаетъ давать уроки, то ѣздилъ бы къ нимъ на дачу. Неудовольствій съ женою Мейера онъ никакихъ не имѣлъ.

Басманной части приставъ отозвался, что Мейеръ о побѣгѣ съ его фабрики мальчиковъ и о произнесеніи ими угрозъ не объявлялъ.

Затѣмъ подъ присягою показали:

1) Крестьянинъ *Тимофей Акимовъ*, что онъ для фабрики Мейера работалъ 6-ть словыхъ кадокъ и одинъ пересѣкъ дубовый, за что получилъ отъ него 11 руб. 50 коп. сер.

2) Купецъ *Артемьевъ*, что сработанный имъ для фабрики Мейера чугунный прессъ стоитъ по вѣсу не болѣе 6 руб. сер.

3) Квартальный поручикъ *Садовниковъ*, унтеръ-офицеръ *Новицкій* и пожарный служитель *Ларіонъ Крыловъ*, что когда они подошли къ дому купца *Шеланутвина*, въ немъ было тихо и спокойно. Вскорѣ, какъ они вошли на дворъ, изъ верхняго этажа выскочили изъ окна два человека, которые на спросъ ихъ объявили, что они иностранцы *Трей* и *Бекманъ*; чрезъ нѣсколько минутъ въ квартирѣ Мейера показалось пламя, послѣ чего Мейеръ самъ вылезъ въ окно, не разбивши стеколъ.

Мейеръ не допускалъ къ присягѣ Садовникова и Новицкаго потому, что при взятіи его подъ арестъ они безчеловѣчно обращались съ нимъ и дѣлали ему разныя оскорбленія.

31-го августа, по требованію слѣдственной комисіи, представлены были въ Тверской частной домъ изъ разныхъ мѣстъ содержанія арестанты: Бекманъ, Трей и Мейеръ. Прибывшій съ Бекманомъ квартальный поручикъ Павловъ донесъ комисіи, что по просьбѣ Мейера Бекманъ былъ обысканъ и у него въ шляпѣ подъ тульею оказалась записка, которая, какъ полагаетъ, вложена въ шляпу самимъ Мейеромъ, когда Бекманъ выходилъ за естественною нуждою, а шляпа его оставалась въ передней комнатѣ, ибо онъ, Павловъ, постоянно находился при Бекманѣ, и никто къ нему не подходилъ.

Изъ записки, писанной къ Бекману отъ Петра Савельева, видно, что посылается ему 10 руб. сер. и на дняхъ пошлется еще 15, что вѣсу мало въ золотѣ, а камешки простые. Сверхъ того упоминается о колечкѣ, отданномъ имъ Панкратьевнѣ.

Мейеръ, не сознаваясь въ подкинутіи къ Бекману означенной записки, показалъ, что упоминаемыхъ въ ней Панкратьевны и Петра Савельева онъ не знаетъ.

Бекманъ также показалъ, что онъ не знаетъ ни Петра Савельева, ни Панкратьевны, и въ подкинутіи къ нему въ шляпу записки изъявилъ подозрѣніе на Мейера.

Секретари московскихъ присутственныхъ мѣстъ, равныхъ магистрату, слышавшіе почеркъ руки Мейера съ почеркомъ, которымъ писана записка къ Бекману, объявили, что хотя съ перваго взгляда и не оказывается сходства между означенными почерками, но при внимательномъ разсмотрѣніи нельзя не замѣтить сходства многихъ литеръ.

При слѣдствіи обнаружилось, что Мейеръ открылъ карандашную и булавочную фабрику, не имѣвъ на основаніи 45

ст. XI т. св. пост. о завод. и фабр. пром., дозволенія отъ главнаго мѣстнаго начальства.

Мейеръ, состоя должнымъ болѣе 4500 руб. серебр., самъ имѣлъ въ долгахъ менѣе 2000 руб. сер.

Описанный въ палаткѣ его товаръ оцѣненъ въ 206 руб. 35 коп. сер.

Иностранецъ Мейеръ, противъ всего вышензложеннаго, въ оправданіе свое представляетъ еще слѣдующее: спирту, какъ вещества, нелегко преобрѣтаемаго безъ подозрѣнія, онъ не сталъ бы покушать для поджога потому, что у него ежедневно выходитъ на фабрику нѣсколько фунтовъ спиртоваго лаку, который дешевле и сильнѣе горитъ. Что фабрика его стоитъ болѣе 2100 руб., это доказывается собственноручною роспискою Трея, находящеюся при дѣлѣ, отъ 6 Января 1848 года, изъ которой видно, что по 16 Января употреблено имъ, Мейеромъ, для устройства фабрики 3000 руб. сер., что требуются деньги на дальнѣйшее устройство опой, и Трей проситъ въ этой роспискѣ еще прибавить денегъ, сколько нужно будетъ; въ красильнѣ же, оцѣненной Треемъ во 120 руб., кромѣ показаннаго Треемъ прессы, мѣдныхъ котловъ, чановъ и жолоба, были еще два большіе котла съ голландскими печами, чугунная винтообразная механическая печь для карандашей, разныя рѣшетки и плиты для испанской массы. Сверхъ того Трей цѣнилъ вещи сырыя, неотдѣланныя, а отдѣлка ихъ стоитъ пятеро болѣе.

При дослѣдованіи, учиненномъ по распоряженію Правительствующаго Сената *въ отношеніи полицейскихъ чиновниковъ, показали:*

Квартальный надзиратель Садовниковъ (подъ присягою), что 5-го іюля 1848 года, въ 11 часовъ пополудни, частный приставъ Лисицанъ, вызвавъ его въ частный домъ, послалъ съ унтеръ-

офицеромъ Новицкимъ и пожарнымъ служителемъ Крыловымъ на квартиру Мейера, куда вслѣдъ за ними пріѣхалъ и самъ Лисицынъ, который велѣлъ ему, Садовникову, съ Крыловымъ перелезть черезъ заборъ, а Новицкій подлезъ подъ ворота; чрезъ нѣсколько минутъ въ верхнемъ этажѣ квартиры Мейера, — по выбитіи рамы въ окнѣ, вылезли изъ онаго Трея и Бекманъ; минуты черезъ двѣ послѣ сего въ комнатахъ показался огонь и пламя, изъ другаго окна вылезъ Мейеръ, котораго Лисицынъ велѣлъ ему взять. *О доносъ Трея и Бекмана*, а также и самихъ ихъ, опъ, *Садовниковъ, не зналъ*, равно не зналъ и о томъ, для чего наряженъ былъ къ дому Шелапутина, и предписанія, какъ ему дѣйствовать, ни отъ кого не получалъ.

Частный приставъ Лисицынъ, что 5 іюля 1848 г., по вызову его къ оберъ-полиціимейстеру, узналъ отъ него о дошедшемъ до свѣдѣнія его слухѣ, что Мейеръ намѣренъ поджечь свою фабрику, вслѣдствіе чего оберъ-полиціимейстеръ приказалъ ему взять Мейера, представить къ нему и стараться всѣми мѣрами объ открытіи злоумышленія. *Получивъ* на этотъ предметъ отъ оберъ-полиціимейстера *предписаніе*, опъ тотчасъ отправился въ Басманную часть, а отсюда вызвалъ живущихъ тамъ, Садовникова и Новицкаго; въ это же время явился отъ оберъ-полиціимейстера Крыловъ и все вмѣстѣ прибыли они къ квартирѣ Мейера; только что опъ хотѣлъ распорядиться, какъ бы войти безъ шума на дворъ, ибо ворота были заперты, вдругъ по всѣмъ комнатамъ Мейера показалась струя огня, а вслѣдъ за симъ и пламя; опъ бросился къ дому, но входная дверь была заперта; Мейеръ же, выбивъ раму, вылезъ на крышу и былъ, по его приказанію, взятъ. Прибывшая пожарная команда пожара удержать не могла, и все занимаемое Мейеромъ строеніе сгорѣло; почему и не возможно было безъ надлежащаго изслѣдованія открыть замысла Мейера. *Кто былъ доносителемъ на Мейера*, опъ не зналъ, равно не зналъ и Трей съ Бекма-

помъ. Мейеру дозволенія на открытіе фабрики не давалъ; при семъ Лисицынъ *присовокупилъ*, что Мейеръ при взятіи его, на спросъ о поджогъ отозвался незнаніемъ, равно какъ и бывшіе во дворъ Шелапутина люди и рабочіе Мейера.

Интеръ-офицеръ Лефортовской части, *Ларіонъ Крыловъ* (подъ присягою), что 5 іюля 1848 года, съ словеснаго приказанія оберъ-полиціймейстера, онъ прибылъ въ Басманный частный домъ, въ 11 часовъ по полудни, а отсюда съ Садовниковымъ и Новицкимъ отправились къ дому Шелапутина. Черезъ полчаса по прибытіи ихъ, въ комнатахъ Мейера показалось что-то въ родѣ молніи; почему они всѣ трое перелезли на дворъ и увидали, что комнаты объяты внутри пламенемъ, а въ окно, по разбитіи рамы, вылезъ Мейеръ. Вскорѣ послѣ сего прибылъ Лисицынъ и вслѣдъ за нимъ разныхъ частей пожарныя команды. О памѣреніи Мейера онъ, Крыловъ, ни отъ кого предупреденъ не былъ.

Генералъ-Лейтенантъ Перфильевъ увѣдомилъ уголовную палату, что Трей и Бекманъ объявляли ему о памѣреніи Мейера поджечь фабрику въ іюлѣ 1848 года, но не помнитъ, котораго числа; онъ совѣтывалъ имъ объявить о томъ оберъ-полиціймейстеру.

Оберъ-полиціймейстеръ увѣдомилъ уголовную палату, что Трей и Бекманъ объявили ему о памѣреніи Мейера 5 іюля въ 6 часовъ по полудни, почему имъ тотчасъ же вызванъ былъ Лисицынъ, которому отданы были въ распоряженіе Трей и Бекманъ и дано предписаніе о предупреденіи злоумышленія Мейера. Бекману на покупку ведра спирту онъ, оберъ-полиціймейстеръ, разрѣшенія не давалъ, и хотя онъ объявлялъ ему въ то время о посылкѣ его Мейеромъ за спиртомъ, но какъ о предупреденіи злоумышленія Мейера поручено было Басманному частному приставу и Бекманъ съ Треемъ переданы ему же, то означенное свѣдѣніе оставлено на его же пристава распоряженіи.

Въ должности брайтмейстера Басманной части, Шершневъ объяснилъ, что о поджогѣ онъ ни отъ кого предвѣдомленія и предписанія не получалъ, а узналъ о пожарѣ отъ часовыхъ на каланчѣ; когда они о появленіи огня дали знать чрезъ колокольчикъ, и, отправившись въ ту жъ минуту на мѣсто пожара, засталъ квартиру Мейера объятаю пламенемъ, почему и приступилъ къ дѣйствию; особенной же готовности на пожаръ никакой не было, кромѣ всегдашней готовности всѣхъ пожарныхъ командъ.

Брайтмейстеры ближайшихъ къ Басманной частей, а именно: Лефортовской, Яузской и Рогожской объяснили согласно съ Шершневымъ; при чемъ первые двое дополнили, что они прибыли къ фабрику Мейера по сигналу Басманной части, а послѣдній, по появленіи опасности отъ огня.

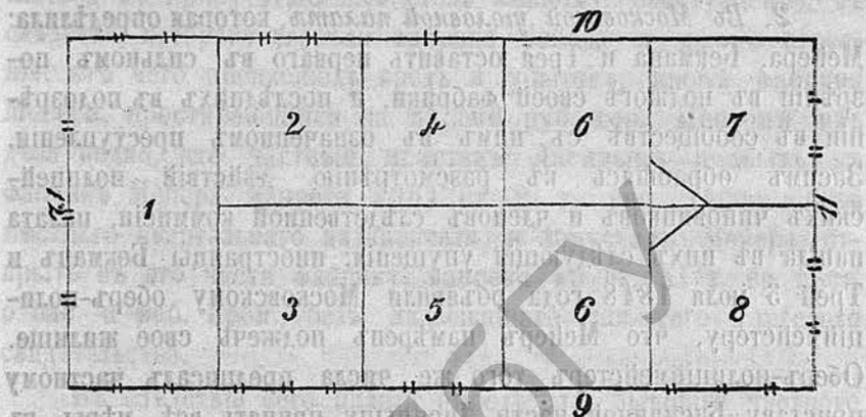
Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно:

1) Мейеръ подвергался суду по четыремъ дѣламъ.— Въ слѣдствіе приговоровъ, по симъ дѣламъ послѣдовавшихъ и вошедшихъ въ законную силу, а., Мейеру за противузаконную выдачу билета рижскому мѣщанину Семенову было сдѣлано строгое подтвержденіе; б., за причиненіе побоевъ цеховому Горшкову вѣнено ему въ наказаніе содержаніе подъ стражею; в., за нанесеніе побоевъ дворовому челоувѣку Бурцову Мейеръ выдержанъ подъ арестомъ два мѣсяца, и г., за принужденіе находившихся у него работниковъ къ работамъ въ большіе праздники велѣно было Сенатомъ, дабы ремесленная управа наложила на него взысканіе.

2) Трей и Бекманъ прежде сего не судились.

На повальномъ обыскѣ всѣ они показаны поведенія неизвѣстнаго.

Для ближайшаго сужденія о мѣстности, гдѣ совершилось преступленіе, считаемъ неизлишнимъ приложить чертежъ квартиры Мейера, въ томъ видѣ, въ какомъ сообщилъ его подсудимый:

Означеніе чертежа: 1-е залъ, 2-е кабинетъ жены, 3-е столовая, 4-е дѣтская, 5-я дѣвичья, 6-е сѣни, 7-е комната Трея, 8-е кабинетъ Мейера, 9-е парадное крыльцо, 10-е черное крыльцо, оба на дворѣ, 11-е крыша коннаго привода, на которую выскочилъ Мейеръ, 12-е набережная Яузы, на которой стоялъ сгорѣвшій домъ.

Въ такомъ видѣ произведенное по настоящему дѣлу изслѣдованіе поступило къ судебному разсмотрѣнію.

Въ судебныхъ мѣстахъ по сему дѣлу состоялись слѣдующіе приговоры:

1, Въ общемъ присутствіи 1-хъ департаментовъ Московскихъ магистрата и надворнаго суда, которое полагало: Мейера, Трея и Бекмана оставить въ подозрѣніи—перваго по

предмету умышленнаго поджога своей квартиры, съ обдуман-нымъ заранѣе намѣреніемъ, а послѣднихъ двухъ въ умышлен-номъ поущеніи сего преступленія и всѣхъ ихъ, какъ людей неблагонадежныхъ, выслать за границу, и сверхъ сего Мейера за самовольное открытіе фабрики подвергнуть денежному штрафу.

2, *Въ Московской уголовной палатѣ*, которая опредѣлила: Мейера, Бекмана и Трея оставить перваго въ сильномъ по-зрѣніи въ поджогѣ своей фабрики, а послѣднихъ въ подозрѣ-ніи въ сообществѣ съ нимъ въ означенномъ преступленіи. Засимъ обращаясь къ разсмотрѣнію дѣйствіи полицей-скихъ чиновниковъ и членовъ слѣдственной комисіи, палата нашла въ нихъ слѣдующія упущенія: иностранцы Бекманъ и Трей 5 іюля 1848 года объявили Московскому оберъ-поли-ціи-мейстеру, что Мейеръ намѣренъ поджечь свое жилище. Оберъ-полиціи-мейстеръ того же числа предписалъ частному приставу Басманной части Лисцыну принять всѣ мѣры къ открытію злоупотребленія, подъ опасеніемъ строжайшей лич-ной отвѣтственности, въ случаѣ малѣйшаго упущенія. 6 іюля частный приставъ донесъ оберъ-полиціи-мейстеру только то, что онъ съ квартальнымъ поручикомъ Садовниковымъ, унтеръ-офицеромъ Новицкимъ и присланнымъ отъ г. оберъ-полиціи-мейстера пожарнымъ служителемъ Крыловымъ отправился для взятія Мейера, и, прибывъ къ занимаемому имъ корпусу, уви-дѣлъ, что огня въ окнахъ не было, но чрезъ нѣсколько ми-нутъ въ комнатѣ Мейера вдругъ показалась струя огня, на подобіе молнии, и вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ обнаружилось пламя; въ это время онъ, приставъ, бросился къ двери, ведущей внутрь дома, но она была заперта. Хотя бывшія наготовѣ по-жарныя команды Басманной и другихъ частей прибыли на мѣсто пожара, но быстро распространившееся пламя объяло ближайшія строенія дома Шелапутинныхъ и купчихи Василье-вой съ фабричными заведеніями Мейера, Крестовникова и Его-

рова. Изъ вышепложеннаго ясно открывається, что упомянутые полицейскіе чиновники, бывъ заблаговременно предварены объ означенномъ умыслѣ, имѣли совершенную возможность предупредить его и открыть виновныхъ, но они, вопреки даннаго имъ предписанія начальства, не приняли надлежащихъ мѣръ по означенному предмету, и тѣмъ допустили совершиться въ присутствіи ихъ столь важному преступленію, въ слѣдствіе котораго сгорѣли фабрика Мейера и другія строенія, отъ чего произошелъ вредъ и убытокъ, кромѣ фабрики Мейера, простирающійся на 21,700 руб. сер. Притомъ изъ дѣла видно, что частный приставъ Лисицынъ прибылъ къ фабрикѣ Мейера, вопреки 4001 ст. 2 т. учр. губер., безъ мѣстнаго квартальнаго надзирателя, и допустилъ Мейера открыть въ его части фабрику, вопреки 45 ст. XI т. св. пост. о зав. и фаб. пром., безъ надлежащаго для сего торговаго свидѣтельства.

Въ слѣдствіе сего палата опредѣлила: бывшаго частного пристава Лисицына, на основаніи 68, 368, 370, 441, 456 и 156 ст. уложенія, исключить изъ службы п, согласно 62 ст., взыскать изъ имущества его убытки, происшедшіе отъ пожара; въ случаѣ же несостоятельности, поступить по 90 ст. улож., а квартальнаго поручика—Садовникова, на основаніи 97 ст. улож., отъ суда и слѣдствія освободить безъ всякаго взысканія. Но какъ Лисицынъ присуждается къ вознагражденію убытковъ, происшедшихъ отъ пожара, то на основаніи 1018 ст. XV т., сообщить Московскому губерпскому правленію о паложеніи повсемѣстнаго запрещенія на его имѣніе.

3, Правительствующій Сенатъ (1 отдѣленія 6 департамента) постановилъ:

1) Иностранца Мейера, въ умысленномъ поджогѣ своей фабрики оставить въ сильномъ подозрѣніи, выслать притомъ

его за границу, на основаніи прим. къ 61 ст. Улож., а за открытіе фабрики безъ надлежащаго для сего торговаго свидѣтельства подвергнуть Мейера, на основ. 1781 ст. Улож. о наказ., взысканію, равному цѣнѣ сего свидѣтельства, и эти деньги употребить на предметъ, означенный въ 45 ст. Улож.

2) Описанное имущество Мейера, товаръ и деньги его, за вычетомъ положеннаго выше взысканія, отослать въ надлежащее гражданское судебное мѣсто вмѣстѣ съ претензіями, предъявленными кредиторами его, Мейера, для зависящаго со стороны того мѣста распоряженія, а имущество жены его, Мейера, возвратить ей.

3) Иностранцевъ Бекмана и Трея оставить въ подозрѣніи, если не въ сообществѣ съ Мейеромъ въ поджогѣ, то по крайней мѣрѣ въ поущеніи совершиться оному, въ надеждѣ избѣгнуть прямой отвѣтственности сдѣланнымъ предъ тѣмъ открытіемъ полиціи, возвративъ первому отобранное у него имущество.

4) Бывшаго частнаго пристава Лисицына считать отрѣшеннымъ отъ должности и подвергнуть его взысканію убытковъ, отъ пожара происшедшихъ, въ пользу потерпѣвшихъ означенные убытки.

5) Квартальнаго надзирателя Садовникова, за силою 97 ст. Улож. и 1169 ст. XV т., отъ всякаго взысканія по настоящему дѣлу освободить.

6) Отступление слѣдственной комиссіи отъ предписаннаго закономъ порядка, при спросѣ, вопреки 932 ст. XV т., подъ присягою квартальнаго поручика Садовникова, унтеръ-офицера Новицкаго и пожарнаго служителя Крылова, предоставить на благоусмотрѣніе Московскаго военнаго генераль-губернатора.

Бывшій оберъ-прокуроръ 1-го отдѣленія 6-го департамента, по просмотрѣ означеннаго опредѣленія, не согласился съ заключеніемъ Сената и въ данномъ предложеніи, съ особенною подробностію разсмотрѣлъ всѣ обстоятельства дѣла и степень прикосновенности къ оному участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

По его мнѣнію, въ этомъ дѣлѣ подлежали разрѣшенію слѣдующіе вопросы:

Первый вопросъ заключается въ томъ: умышленный или неосторожный или случайный былъ пожаръ въ зданіи фабрики? По содержанію доноса Трея и Бекмана, и по показанію Мейера, поджогъ былъ умышленный. По отзывамъ рабочихъ фабрики, и въ особенности по согласному и точному удостовѣренію всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ и служителей, находившихся на сторожѣ при домѣ, пожаръ вспыхнулъ и распространился мгновенно по всему отдѣленію дома и, за всѣми мѣрами пожарныхъ орудій изъ нѣсколькихъ частей города, не могъ быть даже остановленъ. Входы и двери были заперты; никто изъ лицъ, бывшихъ внутри дома, и не думалъ о потушеніи. По сему несомнѣнно слѣдуетъ признать совершенно достовѣрнымъ, что поджогъ былъ умышленный.

Вопросъ второй заключается въ томъ: кто произвелъ поджогъ: люди сторонніе или лица, бывшія внутри подозреваемаго зданія. Хотя Мейеръ неоднократно показываетъ, что съ фабрики его бѣжали недовольные содержаніемъ мальчики и при этомъ произносили угрозы на убійство и поджогъ, но сихъ мальчиковъ въ домѣ не было и никто изъ обитателей дома, ни самъ Мейеръ не изъявили ни малѣйшаго подозрѣнія на постороннихъ людей, или на жившихъ въ другихъ отдѣленіяхъ дома. Впрочемъ всякое въ семъ отношеніи сомнѣніе уничтожается тѣмъ, что поджогъ сдѣланъ и распространенъ внутри дома, въ жилыхъ запертыхъ комнатахъ. По сему надлежитъ принять за вполне доказанное, что умышленный поджогъ произведенъ лицами, бывшими въ загорѣвшихся комнатахъ, гдѣ находились токмо трое: Мейеръ, Трея и Бекманъ, проживавшій у Мейера по знакомству на всемъ его содержаніи въ ожиданіи занятій по торговлѣ фабричными издѣліями. Все семейство Мейера было на дачѣ въ Сокольникахъ. Двери были заперты и никто въ домъ не приходилъ. Мейеръ жилъ въ осо-

бой комнатѣ, Трей и Бекманъ помѣщались въ одной. Половина жены и парадныя комнаты отдѣлялись отъ нихъ общими сѣнями, и на это время были необитаемы и заперты.

За опредѣленіемъ, что пожаръ былъ умышленный и что могъ быть произведенъ токмо Мейеромъ, Бекманомъ и Треемъ, представляются три предположенія: 1) или поджогъ сей учиненъ всѣми ими по взаимному согласію, какъ это можно вывести изъ смысла судебныхъ опредѣленій; 2) или въ поджогѣ виновать не Мейеръ, какъ донесли и постоянно утверждаютъ Трей и Бекманъ, а сами доносители изъ злобы и корыстныхъ видовъ, или наконецъ 3) что поджогъ сдѣланъ Мейеромъ.

Первое предположеніе—о поджогѣ по взаимному согласію Мейера, Трея и Бекмана рѣшительно устраняется тѣмъ, что Трей и Бекманъ донесли объ умыслѣ Мейера и притомъ донесли не одному лицу и не одинъ разъ, а два, и не въ то время, когда предумышленное злодѣяніе могло бы безпрепятственно совершиться, но заблаговременно, когда могли быть приняты всѣ мѣры къ предупрежденію преступленія. По совмѣстной жизни и отношеніямъ къ Мейеру, Трей и Бекманъ могли знать о злоумышленіи и затѣмъ могутъ подлежать отвѣту во первыхъ за то, что не донесли о семъ прежде, и во вторыхъ за то, что, находясь съ Мейеромъ, не удержали его и тѣмъ допустили поджогъ. Они, Трей и Бекманъ, дѣйствительно знали о замыслѣ Мейера и ни на одномъ допросѣ этого не скрывали и не измѣняли. Не донесли же прежде, какъ объясняютъ, потому, что сперва не были увѣрены въ дѣйствительной исполнимости сего замысла и опасались подвергнуться ответственности за доносъ, котораго бы не доказали. Объясненіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, что Трей и Бекманъ были въ полной зависимости отъ Мейера, что доказать доносъ объ одномъ намѣреніи дѣйствительно затруднительно и наконецъ что они донесли о замыслѣ весьма заблаговременно, ибо и мѣры поджога не были еще приняты, такъ что самая покупка

горючихъ матеріаловъ дѣлалась съ вѣдома полиціи. Законъ, обязывающій доносить о преступленіяхъ (тома XV ст. 914), не назначаетъ для сего срока. Объявя утромъ 5-го числа о поджогѣ, совершившемся въ полночь на 6-е число, Трей и Бекманъ не могутъ подлежать отвѣту за недонесеніе. Что же касается до того, что, находясь съ Мейеромъ при самомъ поджогѣ, они не удержали преступника отъ совершения зла, то Трей и Бекманъ объясняютъ, что, заявя полиціи о поджогѣ, они надѣялись на принятія полиціею мѣры, что Трей растворилъ окно, дабы полиція могла удобнѣе видѣть, что происходитъ въ домѣ, и что не осмѣлились остановить Мейера, опасаясь, что онъ, человѣкъ необыкновенно сильный и отважный, могъ не только избить, но и убить ихъ. Если съ одной стороны, сдѣлавъ благовременно доносъ полиціи, Трей и Бекманъ основательно могли положиться на ея предупрежденіе и даже справедливо могли бояться, остановя поджогъ, не доказать доноса, то съ другой стороны и послѣднее оправданіе ихъ, опасеніе побоевъ, совершенно подтверждается дѣломъ. Мейеръ, дѣйствительно, представляется человѣкомъ дерзкимъ и отважнымъ. Онъ судился нѣсколько разъ за обиды и побои. О Бекманѣ и Треѣ изъ дѣла видно, что, бывши на ирбитской ярмаркѣ, Мейеръ, разсердясь на Бекмана, пустилъ въ него тарелкою и разбилъ ему голову, а Трею, въ неудовольствіи за дурную отдѣлку карандашей, бросилъ въ лицо нѣсколько пачекъ. Будучи съ такимъ человѣкомъ наединѣ, съ запертыми дверями, и находясь всегда въ его зависимости, Трей и Бекманъ не безъ основанія опасались не только жестокихъ побой, но и самой смерти отъ схватки съ преступникомъ, приступившимъ къ поджогу. Могло бы имѣть здѣсь мѣсто подозрѣніе въ томъ, что Мейеръ, Трей и Бекманъ, согласясь на поджогъ изъ взаимныхъ выгодъ, условились обвинять другъ друга, дабы запутанностію дѣла ослабить изобличеніе и избѣгнуть наказанія, но подозрѣніе сіе уничтожается какъ тѣмъ,

что доносъ Трея и Бекмана сдѣланъ благовременно и Мейеръ очевидно о немъ не зналъ, такъ и тѣмъ, что при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла, почти исключительно состоящаго изъ однихъ взаимныхъ извѣтовъ подсудимыхъ, Мейеръ, Трей и Бекманъ показываютъ все, что могутъ для доказанія обвиненій, и что Мейеръ, какъ будетъ означено ниже, прибѣгалъ для сего не къ одной клеветѣ, но и къ подлогамъ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ исправлявшій должность оберъ-прокурора полагалъ, что первое предположеніе о совмѣстномъ поджогѣ Мейеромъ, Треемъ и Бекманомъ не можетъ быть признано ни доказаннымъ, ни вѣроятнымъ.

Второе предположеніе—состоитъ въ томъ, что поджогъ сдѣланъ Треемъ и Бекманомъ изъ корыстныхъ видовъ и изъ мести и злобы къ Мейеру. Здѣсь обращаютъ вниманіе: а) побужденія, которыя могли привести Трея и Бекмана къ совершенію преступленія и б) способы, которые они имѣли для сего совершенія. Извѣтъ въ семь обвиненій сдѣланъ Мейеромъ и не въ началѣ дѣла, когда онъ не зналъ о доносѣ Трея и Бекмана, а при третьемъ допросѣ, когда представленныя доносчиками улики смѣшали обвиняемаго отвѣтника. Извѣтъ сей не былъ приготовленъ и обдуманъ и весьма часто измѣнялся въ показаніяхъ Мейера, который, дѣлая выводы противъ Трея и Бекмана, просилъ дать время припомнить себѣ обвинительныя улики. Хотя ни одна степень суда не приняла сего извѣта, но для уясненія дѣла, осторожность при столь важномъ обвиненіи требуетъ подробнаго разсмотрѣнія показаній Мейера, сдѣланныхъ имъ для своего оправданія (т. XV ст. 1150). О побужденіяхъ Трея и Бекмана къ поджогу, Мейеръ, какъ замѣчено выше, показываетъ разнообразно, устремляя впрочемъ обвиненіе свое преимущественно на Трея, и потомъ на Бекмана. Мейеръ утверждаетъ, что Трей и Бекманъ были на него въ негодованіи за сдѣланныя имъ оскорбленія и, желая отмстить, сожгли его фабрику. Изъ дѣла видно, что Трей и

Бекманъ были въ совершенной зависимости отъ Мейера, первый какъ мастеръ его, по контракту, второй какъ жившій на его содержаніи бесплатно и въ ожиданіи занятія мѣста прикащика. Изъ дѣла видно, что обращеніе Мейера вообще, и особенно съ Треемъ и Бекманомъ дѣйствительно могло породить неудовольствіе и негодованіе, ибо еще прежде Мейеръ даже бивалъ Бекмана и Трея, первому нанесъ опасную рану тарелкою, разсердясь на ирбитской ярмаркѣ, а второму бросалъ въ лицо пачки карандашей, но въ разсматриваемое время (первая половина 1848 года) со стороны Бекмана и Трея не видно никакихъ признаковъ негодованія, а тѣмъ менѣе мести, которая подвигла бы на совершеніе поджога. Послѣ событія на ирбитской ярмаркѣ, на которое Мейеръ особенно указываетъ, Бекманъ, по его приглашенію, пріѣхалъ въ Москву и даже путевыя издержки его заплатилъ Мейеръ, помогая ему и по пріѣздѣ деньгами, одеждою и бесплатнымъ содержаніемъ. Отношенія Мейера къ Трею были не менѣе дружественны, особенно въ маѣ и іюнѣ. Трея въ это время сосваталъ невѣсту, къ которой весьма часто отлучался, и хозяинъ его, Мейеръ, принималъ въ положеніи его участіе, снабжалъ деньгами, вещами, былъ самъ у его невѣсты, на канунѣ поджога подарилъ ему хорошую мебель, образъ и платье. Противъ сего извѣта Трея и Бекманъ, подтверждая о обращеніи съ ними Мейера, показали, что никакой мести къ нему не питали. Другимъ побужденіемъ поджога Мейеръ выставляетъ то, что Трея сжегъ его фабрику, желая открыть свою. Трея показалъ, что онъ поджога не дѣлалъ, что же касается заведенія своей фабрики, то если бы у него были деньги, онъ конечно завелъ бы фабрику. Противъ сего Мейеръ утверждаетъ, что обязанный контрактомъ, Трея не могъ отойти отъ него, Мейера, и сжегъ фабрику, дабы освободиться отъ зависимости по контракту, а деньги могъ имѣть отъ приданого за невѣстою. Изъ дѣла видно, что Трея дѣйствительно былъ обязанъ контрактомъ и что за невѣстою точно обѣщаны (не

большія) деньги, но изъ дѣла вовсе не видно ни того, чтобы Трей принималъ какія-либо мѣры къ уничтоженію контракта или бы тяготился имъ, ни того, чтобы онъ намѣревался завести свою фабрику, для которой приданія деньги невѣсты во всякомъ случаѣ были недостаточны. Изъ дѣла напротивъ видно о денежныхъ средствахъ Трея, что онъ забиралъ деньги у Мейера, а о зависимости отъ хозяина по контракту, что онъ усилилъ эту зависимость новымъ обязательствомъ. Разъ, придя домой въ нетрезвомъ видѣ, Трей, вообще по обыску въ поведеніи одобренный, получивъ выговоръ отъ Мейера, по требованію его далъ ему обязательство, что если подобный поступокъ повторится, то онъ, Трей, обязуется заплатить Мейеру 1,000 руб. сер. Мейеръ утверждаетъ, что это обязательство могло служить побужденіемъ къ поджогу. Трей не отвергаетъ росписки, данной по требованію Мейера. Но если контрактъ и обязательство могли тяготить Трея, если даже допустить, что онъ намѣревался завести свою фабрику, то конечно всякія мѣры къ освобожденію себя отъ обязательствъ Трей предпринялъ бы уже послѣ свадьбы, при томъ здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что фабрика Мейера, противозаконно открытая, какъ это будетъ объяснено ниже, подлежала, а съ нею и контрактъ Трея, уничтоженію; росписка же объ отвѣтственности за нетрезвость, и по содержанію, и по формѣ не могла имѣть никакой силы судебного иска, и иностранецъ Трей, если бы желалъ отъ сего избавиться и не зналъ силы сихъ бумагъ, узналъ бы о семъ, обратясь къ первому свѣдущему челоуку. Изъ дѣла совершенно не видно, чтобы Трей тяготился обязательствами и принималъ какія-либо мѣры къ прекращенію оныхъ. Не подтверждаясь ни какими данными, извѣтъ Мейера о поджогѣ для уничтоженія контракта и самъ по себѣ не имѣетъ ни малѣйшаго вѣроятія: поджогъ сдѣланъ въ комнатахъ, гдѣ были Бекманъ и самъ Мейеръ, поджогъ могъ удасться и контрагентъ—поджигатель могъ имѣть въ виду или отвѣтъ за поджогъ, или новое болѣе тягостное исполненіе кон-

тракта, заключеннаго для устройства фабрики. Впрочемъ въ отношеніи Трея исключительное его обвиненіе въ поджогъ 5-го іюля уничтожается собственнымъ показаніемъ Мейера: онъ говоритъ и неоднократно, что Трей, бывшій у невесты, въ этотъ вечеръ пришелъ домой въ 11 часовъ, т. е. тогда, когда всѣ приготовления къ поджогу были уже сдѣланы. Другое важнѣйшее побужденіе къ поджогу и уничтоженію контракта Мейеръ выводитъ изъ желанія Бекмана и Трея ѣхать въ Самару по слѣдующимъ обстоятельствамъ: будто бы Бекманъ, бывши въ Казанской и Симбирской губерніяхъ, узналъ, что близъ Самары живетъ одинъ крестьянинъ, у котораго есть до 200 пудовъ серебра въ слиткахъ, и что это серебро можно приобрести за 30,000 р. или и съ не большими деньгами покупать по частямъ и продавать по мелочи по мѣрѣ средствъ. О серебрѣ этомъ Бекманъ сообщалъ какъ Мейеру, у котораго просилъ для сего, но не получилъ денегъ, такъ и Трею, который будто бы принялъ предложеніе и условился съ Бекманомъ ѣхать въ Самару. Исполненію сему препятствовалъ контрактъ, удерживавшій Трея въ Москвѣ при фабрикѣ. Противъ сего извѣта Бекманъ показалъ, что дѣйствительно зналъ онъ народные слухи о серебрѣ и передавалъ о нихъ, въ разговорѣ, Мейеру, но самъ не вѣрилъ имъ и не придавалъ никакой важности, ѣхать не располагался и денегъ не просилъ. Трей не отвергаетъ, что слышалъ этотъ разговоръ, но подробностей никакихъ не помнитъ, потому что не обратилъ вниманія; ѣхать за серебромъ никогда и никакого намѣренія не имѣлъ. Изъ дѣла видно, что если съ одной стороны извѣтъ о поѣздкѣ въ Самару уничтожаетъ прежній извѣтъ о заведеніи Треемъ фабрики своей въ Москвѣ, и что изъ сего извѣта не видно, къ чему послужилъ бы поджогъ лицамъ, не имѣвшимъ денегъ для поѣздки, особенно Бекману, не связанному никакимъ обязательствомъ, то съ другой стороны едва ли можно дать какое либо вѣроятіе, чтобы люди, и при сильномъ желаніи обогащенія, такъ легковѣрно приняли слухи за цѣль сво-

ихъ поисковъ и для исполненія сего рѣшились поджигать фабрику челоуѣка, которому такъ много были обязаны, и отъ котораго, при хорошемъ ходѣ фабричныхъ дѣлъ, могли ожидать содѣйствія въ исполненіе сихъ поисковъ. Болѣе правдоподобное подозрѣніе Мейера о поджогѣ фабрики Треемъ и Бекманомъ заключается въ томъ, что они желали воспользо-ваться и воспользовались его имѣніемъ, похитивъ во время пожара разное платье, серебрянныя ложки и золотыя и брилліантовыя вещи. Мейеръ въ особенности указываетъ на сіи послѣднія, которыя онъ даже застраховалъ въ обществѣ Саламандра въ суммѣ 3,725 руб. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что платье будто бы похищенное съ пожара, узнано Мейеромъ на Бекманѣ и Треѣ въ то время, когда ихъ по настоящему дѣлу приводили къ допросу. Бекманъ и Трея показали, что платье подарилъ имъ Мейеръ 5 іюля, говоря, что оно должно же сгорѣть при пожарѣ; о ложкахъ объяснили: Бекманъ, что онѣ даны ему для спасенія Мейеромъ, и Бекманъ, выпрыгнувъ изъ окна и собирая свои вещи, отдалъ узелъ Трею, который снесъ его къ себѣ на квартиру. Квартира эта нанята имъ, но онъ въ ней не жилъ и ключи находились у хозяйки. Что же касается драгоцѣнныхъ вещей, то они не уносили ихъ и не знали, что у Мейера есть сіи вещи. Если съ одной стороны невѣроятно, чтобы, похитивъ вещи съ пожара, Бекманъ и Трея рѣшились надѣть похищенное платье, при слѣдствіи о семъ самомъ пожарѣ, когда они не могли не увидѣться съ самимъ владѣльцемъ, то съ другой стороны еще менѣе вѣроятно, чтобы поджигатели рѣшились на столь важное преступленіе для похищенія платья и нѣсколькихъ ложекъ. При томъ когда они могли похитить эти вещи, будучи до поджога вмѣстѣ съ Мейеромъ, а послѣ поджога на дворѣ вмѣстѣ съ нимъ же окруженные полиціею и посторонними людьми. Подозрѣніе о поджогѣ для покражи брилліантовъ могло бы имѣть нѣкоторое вѣроятіе, если бы по дѣлу было доказано а) когда могли Бекманъ и Трея похитить эти вещи, лежавшія, по показанію Мейера, за-

пертыми въ комодѣ въ комнатѣ жены его, куда ни Бекманъ, ни Трей не входили. При самомъ поджогѣ этого быть не могло, ибо поджогъ начался въ комнатѣ Мейера, а Бекманъ и Трей вылезли въ окно прежде его; при томъ б) существованіе этихъ брилліантовъ у Мейера не токмо не достовѣрно, но даже сомнительно. Мейеръ утверждаетъ, что они у его были. Ни Бекманъ, ни Трей и никто изъ знакомыхъ, на которыхъ указывалъ Мейеръ, брилліантовъ сихъ не видали, о времени и мѣстѣ пріобрѣтенія ихъ Мейеръ не объясняетъ; онъ доказываетъ существованіе ихъ тѣмъ, что онъ предполагалъ застраховать эти вещи въ обществѣ Саламандра и уже имѣлъ отъ конторы (предварительный) полисъ. Контора отозвалась, что дѣйствительно въ іюнѣ 1848 года Мейеръ просилъ контору застраховать, независимо отъ фабрики и утвари золотыхъ и серебрянныхъ вещей и проч., въ квартирѣ еще и брилліантовые вещи, имѣвшіяся будто бы у него: кольцо, фермуаръ, браслетъ, серги, кольца, булавку и проч. на сумму 3,725 руб. сер. Но какъ контора испрашивала о семъ разрѣшенія правленія общества, которое нашло такое застрахованіе несогласнымъ съ 42 § устава, то Мейеру и было отказано. Къ сему контора присовокупила, что при застрахованіи движимости Мейера контора основывалась на довѣрїи и никого не посылала для осмотра и оцѣнки вещей. Нынѣ по предписанію правленія порядокъ этотъ измѣненъ и застрахованіе дѣлается по осмотру и оцѣнкѣ. Здѣсь представляются слѣдующіе вопросы: застраховавъ фабрику и имѣніе въ 9,800 руб. (здѣсь значатся золотыя и серебрянныя вещи на 2,000 руб.—самая большая сумма изъ всего застрахованнаго имущества) 3-го мая 1848 года, почему Мейеръ въ то же время не застраховалъ и брилліанты, а обратился съ просьбою о семъ 11 іюня; гдѣ, когда и какимъ образомъ пріобрѣтены имъ сіи вещи, изъ которыхъ конечно многія могли быть извѣстныхъ мастеровъ или магазиновъ, и почему драгоценныя вещи сіи никому не были извѣстны и не могли быть спасены, тогда какъ Мейеръ

спасъ бумаги, записки и счеты? Мейеръ приводитъ къ своему оправданію, что, имѣя полисъ на застрахованіе сихъ брилліантовъ отъ конторы, онъ, если бы хотѣлъ сжечь фабрику, то поджогъ бы до отказа въ семь застрахованіи. Оправданіе это не имѣетъ основанія: полисъ былъ выданъ Мейеру предварительный въ то время, какъ контора испрашивала разрѣшенія на сіе нововведеніе отъ правленія. Дѣйствіе конторы было неправильно и никакое общество не отвѣчаетъ за распоряженія довѣрителей своихъ, противныя уставу. Къ усиленію подозрѣнія на Бекмана въ похищеніи брилліантовъ выводится по дѣлу слѣдующее обстоятельство: 31-го августа 1848 года Бекманъ былъ приведенъ въ слѣдственную комиссію, гдѣ въ это время былъ и Мейеръ. При Бекманѣ безотлучно находился квартальный поручикъ Павловъ, оставаясь въ первой комнатѣ. Мейеръ неоднократно подходилъ къ нимъ и какъ будто осматривалъ, не говоря ни слова. Шляпа Бекмана стояла на окнѣ въ передней. Бекманъ разъ выходилъ изъ комнаты на дворъ, въ сопровожденіи поручика Павлова. Когда же, по окончаніи допросовъ, арестанты были отправлены изъ комиссіи и вышли въ сѣни: сперва Трей, за нимъ Мейеръ, потомъ поручикъ Павловъ съ Бекманомъ, тогда Мейеръ сказалъ, что Бекману передана записка и просилъ его обыскать. По обыску, найдены у Бекмана ничтожныя записки (адресъ г-жи Жако), но Мейеръ требовалъ обыскать въ шляпѣ. Здѣсь подъ тульею найдена записка, приводимая здѣсь въ томъ видѣ, какъ она написана въ подлинникѣ. «Почтенной Карлъ Филиповичъ, присилаю тебѣ 10 рублей серебр. еще 15 на дняхъ тебе самъ принису; вѣсу мало въ золотѣ было, а то бы больше досталъ и камужки были простые просто стекло колечко которое ты далъ Панкратьевны она его просить мнѣ продать а тебе велела сказать что ей самой деньги нужны и обождаютъ болѣе не можетъ прошай другъ на дняхъ я къ тебѣ безпремени буду Петръ Савельевъ. Тама я былъ все пустяки дѣло хорошо пошло опять смело за булькай.» Донося о семь,

поручикъ Павловъ присовокупилъ, что къ Бекману никто не подходилъ и что записка эта, какъ онъ полагаетъ, вложена въ шляпу самимъ Мейеромъ. Записка не запечатана, написана карандашомъ. Подтверждая донесеніе Павлова, Бекманъ показалъ, что ни записки, ни упоминаемыхъ въ ней лицъ не знаетъ, а полагаетъ, что она вложена Мейеромъ потому, что писана почеркомъ, сходнымъ въ буквахъ съ рукою Мейера и потому, что когда членъ комисіи, читая записку, остановился, Мейеръ, не выслушавъ содержанія, сказалъ: «въ ней еще больше написано.» При спросѣ по сему обстоятельству Мейеръ показалъ, что онъ подходилъ и наблюдалъ Бекмана, замѣтивъ прежде, что изъ толпы народа въ передней нѣкоторые съ нимъ перешептывались, и когда они, подсудимые, оставляя комисію, сходили съ лѣстницы, то кто-то далъ что то Бекману, но такъ проворно, что онъ не успѣлъ замѣтить ни того, кто, ни того, что далъ. Въ сѣняхъ онъ видѣлъ, что Бекманъ скоро прячетъ изъ рукава бумашку. Когда по обыскѣ ничего у Бекмана не нашли, онъ просилъ обыскать вездѣ, въ шинели и въ шляпѣ; когда же членъ комисіи, прочтя записку, сказалъ, что это ничего, записка о колечкѣ, то онъ, Мейеръ, просилъ прочесть всю записку, ибо въ ней было много писано. Кто писалъ записку, не знаетъ, въ шляпу ее не клалъ, и лицъ, въ ней упоминаемыхъ, не знаетъ. За Бекманомъ онъ наблюдаетъ давно, видя какъ съ нимъ переговариваютъ, и обращался съ сими замѣчаніями къ дежурному офицеру Вахтину. Бывшіе полицейскіе чиновники объяснили, что ничего не видѣли относительно записки; дежурный Вахтинъ отозвался, что Мейеръ ему ничего не говорилъ; унтеръ-офицеръ Максимовъ, подъ присягою показалъ, что онъ привелъ Мейера, находился при немъ безотлучно, но въ комнату писарей съ нимъ не ходилъ. Мейеръ ничего ему не объявлялъ. Мейеръ, по показаніи ему писарей, ни кого признать не могъ, кто былъ въ то время въ комнатѣ. Секретари, сличавшіе почеркъ записки, въ заключеніи объяви-

ли, что при внимательномъ разсмотрѣніи нельзя не замѣтить разительнаго сходства многихъ литеръ означенной записки съ дѣйствительнымъ почеркомъ купца Мейера. Съ почеркомъ Трея никакого сходства нѣтъ. — Изъ сего изложенія явствуетъ, что, недоказавъ похищенія брилліантовъ, Мейеръ недоказалъ и того, что дѣйствительно имѣлъ сіи вещи и затѣмъ подкинутіе записки Мейеромъ подтверждается, какъ удостовѣреніями должностныхъ лицъ, такъ и подозрительными дѣйствіями самаго Мейера: замѣчая, какъ онъ говоритъ, частыя сношенія Бекмана съ посторонними лицами, что препятствовало ему заявить о семъ самой слѣдственной комисіи, почему онъ, не зная, что дано Бекману, объявлялъ, что дана записка, по какому поводу требовалъ обыска въ шляпѣ и, не зная и не выдавъ сей записки, требовалъ прочесть ее всю, потому, что въ ней много писано? Наконецъ самое изложеніе записки обличаетъ иностранца, желающаго поддѣлаться подъ складъ простонародной рѣчи: такъ явно противное слуху употребленіе ы, ъ и ъ и въ словахъ: «присилаю камужки, былы, продать, сказать, обождать, опять, смело забулькай,» показываютъ, что это писано не русскимъ (Петръ Савельевъ). Впрочемъ, при совокупности сихъ уликъ (т. XV ст. 1174, 1185, 1206 и 1207), и при отсутствіи уважительныхъ объясненій со стороны Мейера, удостовѣреніе секретарей, слычавшихъ почерки, на основаніи вышеупомянутыхъ и 1190 ст. XV тома должно быть принято совершеннымъ доказательствомъ къ оправданію Бекмана отъ взведеннаго на него преступленія подложною запискою.

Менѣе важное подозрѣніе Мейера на Бекмана о побужденіяхъ къ поджогу изъявлено имъ еще въ томъ, что Бекманъ поджегъ фабрику, чтобы, уѣхавъ изъ Москвы, скрыться отъ будущаго преслѣдованія г-жи Жако, которой Бекманъ былъ долженъ. Сколь ни очевидна несообразность сего предположенія, оно отвергается и обстоятельствами дѣла: Бекманъ показалъ, что онъ точно долженъ Жако, занявъ у нее вмѣ-

стѣ съ Фаберомъ деньгами (товарами), для оборотовъ, но преслѣдованій никакихъ не было. Фаберъ, московскій мѣщанинъ, объяснилъ, что дѣйствительно онъ съ Бекманомъ взялъ у тетки своей, цеховой Натальи Жако товары и должны ей около 4,300 руб., но Бекману скрываться отъ Жако не было нужды и она отъ нихъ настоятельно денегъ не требовала. Эти показанія подтвердила и Жако.

Что касается до прочихъ обвиненій Мейера въ произведеніи поджога Треемъ и Бекманомъ, какъ то: что Трея научилъ его купить спирта для леченія отъ холеры, что Трея внесъ олеинъ въ комнаты, что Трея и Бекманъ переставляли вещи и т. п., то обвиненія сіи предполагаютъ такую власть въ Бекманѣ и Треѣ распоряжаться въ домѣ Мейера независимо отъ него и такое содѣйствіе самаго Мейера, какія по дѣлу и по доказаннымъ отношеніямъ Трея и Бекмана къ Мейеру не токмо не заслуживаютъ вѣроятія, но и рѣшительно не совмѣстны ни съ тѣмъ, что поджогъ приготовленъ въ то время, когда Трея, по словамъ самаго Мейера, не было дома, ни съ тѣмъ, что поджогъ сдѣланъ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ находился Мейеръ, ни наконецъ съ тѣмъ, что пожаръ первоначально показался тамъ, гдѣ не было ни Бекмана, ни Трея, а былъ Мейеръ.

Въ продолженіи всего дѣла Мейеръ усиливался представить Бекмана и особенно Трея людьми незаслуживающими довѣрія: Бекмана, какъ не бывшаго на исповѣди и у причастія, болѣе пяти лѣтъ, Трея, какъ человѣка, замѣченнаго въ пьянствѣ и въ воровствѣ на прежнемъ мѣстѣ при фабрикѣ Рубинштейна. Извѣты сіи по дѣлу не подтверждаются. Въ какой степени заслуживаетъ довѣрія самъ Мейеръ и въ какой степени представляется вѣроятнымъ третье предположеніе (о поджогѣ фабрики самимъ Мейеромъ), сіе явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ подлиннаго дѣла.

Иосифъ Антоновъ Мейеръ, изъ евреевъ, родился въ 1815 году въ Вѣнѣ и еще въ дѣтствѣ прибылъ съ матерью въ Россію, гдѣ въ 1828 г. въ С.-Петербургѣ принялъ римско-католическую вѣру. Онъ обучался въ Аннинской школѣ вмѣстѣ съ Треемъ. Въ 1835 году онъ женился въ Казани на дочери магистра Фирскъ, а въ 1834 году онъ основался въ Москвѣ и завелъ сигарную фабрику. Здѣсь, заставляя работниковъ своихъ работать даже въ большіе праздники, онъ подвергся суду. Дѣло о семъ доходило до Сената, который предоставилъ ремесленной управѣ наложить на него взысканіе за принужденіе работать въ праздники. Управа, не найдя въ законахъ наказанія за это дѣяніе, не наложила на него никакого взысканія. Въ 1838 году Мейеръ судился за противузаконную выдачу билета рижскому мѣщанину Семенову и по суду за это сдѣлано ему строгое подтвержденіе. Въ этомъ же году Мейеръ судился за причиненіе побоевъ цеховому Горшкову и ему вмѣнено въ наказаніе содержаніе подъ стражею. Въ 1839 году онъ нанесъ побои дворовому челоѣку Бурцову и за то выдержанъ подъ арестомъ 2 мѣсяца. Въ слѣдующемъ году онъ оставилъ торговлю и пріѣхалъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь онъ взялъ отъ Физиката дозволеніе на истребленіе особымъ способомъ крысъ, клоповъ, моли и т. п. и занимался очищеніемъ домовъ. Съ этимъ промысломъ онъ отправился за границу. Въ Кельнѣ жена его, выходя изъ почтовой кареты, упала въ яму съ известью и сдѣлалась не излечимо больна. Мейеръ по сему поводу завелъ дѣло съ почтовымъ вѣдомствомъ, отъ котораго требовалъ вознагражденія 4,000 руб. сер., но, по повелѣнію короля, ему отказано въ этомъ требованіи. Занимаясь истребленіемъ гадовъ, Мейеръ обѣзжалъ германскія государства и очищалъ дворцы, за что кромѣ денегъ получалъ похвальные аттестаты. Этимъ же промысломъ занимался Мейеръ и въ Англій, гдѣ въ 1844 году предлагалъ продать секретъ свой за 30,000 ф.

стер., но секретъ не купленъ. Въ семь же 1844 году онъ возвратился въ Россію и пріѣхалъ въ Казань. Къ этому же времени относится письмо къ Мейеру банкира Гассера, который увѣдомлялъ его, что получилъ отъ него векселя Ротшпльда и Гейне на 22,976 (монеты не означено), и что вышлетъ ему эту сумму по первому требованію. Въ Казани Мейеръ завелъ табачную фабрику и взялъ къ себѣ въ приказчики Бекмана. Въ 1845 году за лучшей опытъ приготовленія сигаръ Мейеръ получилъ благодарность отъ комитета выставки мануфактурныхъ издѣлій. Къ этому же времени относится и происшествіе на ирбитской ярмаркѣ, гдѣ Мейеръ, разсердясь на своего приказчика Бекмана, бросилъ въ него тарелкою и разсѣкъ ему лобъ. Въ 1846 году онъ былъ на Сергіевскихъ водахъ, гдѣ жена его брала сѣрныя ванны. Въ сентябрѣ этого же года Мейеръ имѣлъ дѣло съ торговымъ домою почетнаго гражданина Бронникова. Онъ взялъ отъ сына Бронникова Константина три векселя на 30,000 руб. сереб., подписанные Константиномъ Бронниковымъ по довѣренности своего отца. Въ 1847 году, оставя Казань и торговлю сигарами, какъ показываетъ Бекманъ, по невыгодности фабрики, Мейеръ пріѣхалъ въ Москву и въ февралѣ мѣсяцѣ взялъ отъ доктора Гарвица свидѣтельство, что женѣ его нѣтъ надежды на выздоровленіе. Для чего написано это свидѣтельство, изъ дѣла не видно. Тутъ же Мейеръ началъ искъ свой по векселямъ Бронникова. При разбирательствѣ дѣла управою благочинія почетный гражданинъ Павелъ Бронниковъ отозвался, что онъ никогда не давалъ сыну своему довѣренности на подпись векселей, а сынъ, Константинъ Бронниковъ, показалъ, что векселя эти безденежные и что Мейеръ обманулъ его, не давъ по векселямъ ни одного рубля, о чемъ имъ, Константиномъ, уже подано и объявленіе оберъ-полиціймейстеру, по донесенію котораго генераль-губернаторъ поручилъ полковнику Берингу произвести о семъ изслѣдованіе. Подробностей сего производ-

ства не видно, но въ августѣ мѣсяцѣ Мейеръ подалъ въ управу благочинія прошеніе о прекращеніи иска, такъ какъ между нимъ и Бронниковыми уже сдѣлана мировая. Въ этомъ же 1847 году умерла жена Мейера и онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ женился на другой, на дочери бѣднаго польскаго дворянина, Амаліи Сарнецкой, жившей въ домѣ г. Ладыженской, которая за нею дала въ приданое, кромѣ разныхъ вещей, 6,000 р. асс. Еще до свадьбы, 25 сентября 1847 года, Мейеръ нанялъ домъ Шелапутиныхъ и приступилъ къ заведенію и устройству булавочной и карандашной фабрики, набирая работниковъ и учениковъ, покупая инструменты и машины. По связи сей фабрики съ разсматриваемымъ преступленіемъ въ настоящемъ дѣлѣ, здѣсь необходимо войти въ нѣкоторыя подробности. Въ сентябрѣ 1847 года Мейеръ нанялъ мастера, Трея, знавшаго фабричное дѣло по жительству на карандашной фабрикѣ Рубинштейна. По контракту Трей обязался, за 3,000 руб., устроить новую фабрику такъ, чтобы черезъ три мѣсяца уже начались и работы. Послѣ сего Мейеръ подалъ прошеніе въ казенную палату и, описывая, что имѣетъ намѣреніе принять фабрику, устроенную въ домѣ Шелапутиныхъ, въ свое содержаніе, просилъ записать его временнымъ купцомъ 3-й гильдіи. Казенная палата, усматривая, что Мейеръ иностранецъ, на основ. 25 ст. XI т. Торг. Устав., испрашивала 3-го декабря 1847 года на выдачу ему торговаго свидѣтельства разрѣшенія гражданскаго губернатора. Губернаторъ 11-го декабря отвѣчалъ, что по случаю намѣренія Мейера принять въ свое завѣдываніе фабрику препятствій по 9 ст. Тор. Уст. къ запискѣ его въ купцы нѣтъ. Казенная палата 20-го декабря выдала Мейеру аттестатъ на право приготвленія карандашей и булавокъ и на производство торговли. Въ январѣ 1848 года фабрика была въ дѣйствиіи и началась продажа издѣлій и съ сего же времени Мейеръ вошелъ въ долги, обращаясь съ займами къ кн. С. М. Голи-

цыну, дворянину Куманину, купцамъ Усачеву и Лепешкину и друг. Судя по образу жизни Мейера, по значительнымъ расходамъ на содержаніе фабрики съ 90 работниками, по симъ долгамъ, сдѣланнымъ уже въ то время, какъ фабрика была въ полномъ дѣйствіи и наконецъ по незначительной выручкѣ, которой было, какъ удостовѣряетъ приказчикъ Мейера, Мясниковъ, съ апрѣля по іюль около 150 руб. и купцу Рудневу въ долгъ на 380 руб., показанія Бекмана и Трея о жалобахъ Мейера на разстройство торговыхъ дѣлъ представляются основательными. Между тѣмъ Мейеръ въ маѣ 1848 г. застраховалъ фабрику въ обществѣ Саламандра: машины, инструменты и товаръ въ 2,100 р., мебель и посуду въ 1,800 р., одежду, бѣлье и перины въ 1,500 руб., золотыя и серебряныя вещи въ 2,000 руб., зеркала, фарфоръ, бронзы и проч. въ 2,400 руб., итого въ 9,800 руб.

Потомъ, въ іюнѣ 1848 года онъ обратился въ полицію о дозволеніи ему открыть фабрику. Оберъ-полиціймейстеръ объявилъ Мейеру, что ему слѣдуетъ испросить дозволеніе отъ главнаго мѣстнаго начальства. Мейеръ отозвался, что аттестатъ казенною палатою выданъ ему съ разрѣшенія губернатора, котораго онъ просилъ объ этомъ. По справкѣ оказалось, что прошенія отъ него никакого не было. Засимъ Мейеръ обратился о выдачѣ ему дозволенія къ военному генералъ-губернатору, который, увидя изъ свѣдѣній, что Мейеръ былъ подѣ судомъ, приказалъ 1-го іюля изслѣдовать о поведеніи Мейера и о томъ, нѣтъ ли препятствія къ выдачѣ дозволенія на открытіе фабрики. Изложеніе сихъ свѣдѣній показываетъ, что Мейеръ испросилъ аттестатъ отъ палаты, объясняя, что желаетъ принять устроенную фабрику, тогда какъ онъ самъ заводилъ и устраивалъ свою, новую фабрику, что онъ имѣлъ фабрику въ полномъ дѣйствіи, съ контрактнымъ мастеромъ, съ 90 рабочими, съ лавкою въ городѣ для распродажи издѣлій, наконецъ застраховалъ ее, не имѣя права на ея от-

крытіе, и въ то время, какъ главное начальство приказало изслѣдовать о неимѣнннхъ препятствіяхъ къ дозволенію открыть фабрику, полиція донесла, что фабрика 5-го іюля сгорѣла.

По показаніямъ Бекмана и Трея, около этого времени ходайства и переписки, Мейеръ рѣшительно вознамѣрился сжечь фабрику. Но среди сихъ обстоятельствъ въ дѣлѣ представляется одно обвиненіе, не имѣющее связи съ подлогомъ, но заслуживающее особеннаго вниманія: отказавъ жившему въ домѣ учителю, отправивъ семейство на дачу въ Сокольники, Мейеръ нанялъ для услуги дѣвушку (20 лѣтъ) Анну Рыбакову. Кухарка Мейера, Мавра Сафонова показываетъ, что Рыбакова, придя въ домъ въ половинѣ дня, оставалась ночевать вверху, а около полуночи пришла къ ней, Сафоновой, въ кухню и, разбудивъ ее, говорила, что Мейеръ хочетъ ее изнасиловать: приходилъ къ ней два раза, тащилъ къ себѣ на кровать и угрожалъ убить. По утру проведя ночь въ кухнѣ, Рыбакова объявила, что не хочетъ жить у Мейера и просила ее сходить на верхъ и принести ея платье, потому что она пришла впизъ въ одной рубашкѣ. Рыбакова въ тотъ же день оставила домъ и объявила обо всемъ сыну г-жи своей подпоручику Брокеръ. Брокеръ поручилъ унтеръ-офицеру Иванову сходить съ Рыбаковою къ Мейеру и узнать, но Мейеръ отвѣчалъ, что онъ засталъ Рыбакову съ какимъ то работникомъ, а на требованіе Иванова предъявить сего работника, Мейеръ отозвался, что работникъ этотъ бѣжалъ. Подпоручикъ Брокеръ и унтеръ-офицеръ Ивановъ относящееся до нихъ подтвердили письменно и послѣдній подъ присягою. Противъ сего обвиненія, Мейеръ ни въ чемъ не сознаваясь, показалъ, что по ночамъ ходитъ по комнатамъ отъ боли въ ногахъ, которая доводитъ его до самозабвенія. Все это происходило дня за четыре или за пять до пожара. Не видно, настоятельны ли были требованія займодавцевъ; нѣкоторые требованій сво-

ихъ не предъявляли; изъ дѣла тоже не видно всѣхъ долговъ Мейера, ибо, говоря о нихъ, Мейеръ выставляетъ только долги по письменнымъ обязательствамъ, но изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что въ первыхъ числахъ іюля 1848 года Мейеръ имѣлъ долги, доходы получалъ только отъ фабрики, которой издѣлія продавались тихо, и что въ это же самое время назначено изслѣдованіе о дозволеніи ему имѣть фабрику и въ виду было уголовное слѣдствіе о насиліи. Въ продолженіи всего дѣла Мейеръ старается доказать, что положеніе его фабрики и торговли было весьма выгодное, что кромѣ цѣнности фабрики, онъ имѣлъ товару въ палаткѣ на 2,000 руб. долговъ: на купца Рудневъ 450 руб., на юнкера Шубинъ 1,000 руб., на армянина Аладжева 250 руб., всего 3,700 руб. Между тѣмъ какъ на немъ было долговъ по векселямъ на 2,300 руб. Изчисленія сии не подтверждаются дѣломъ: товаровъ въ палаткѣ, по оцѣнкѣ, найдено не на 2,000, а на 216 руб. Купецъ Рудневъ состоялъ должнымъ не 450, а 380 руб. и Мейеръ на очной ставкѣ въ этомъ согласился; армянина Аладжева не отыскано и Мейеръ зналъ объ этомъ, до пожара, изъ объявленія полиціи. Такимъ образомъ долговъ Мейера и товару въ палаткѣ было не 3,700, а 1,596 руб. Долговъ же на Мейерѣ, не по однимъ векселямъ, значится: кн. Шаханскому 650 руб., г. Бердниковой 1,650 руб., кн. Голицыну 1,200 руб., купцу Сорокованову 128 руб., дворянину Куманину 1,000 руб., и сверхъ того мелкіе долги: купцу Моріану 96 руб., крестьянину Васильеву 22 руб., приказчику и кучеру 38 руб., а всего 4,794 руб. Между тѣмъ Мейеръ долженъ былъ расходовать: за наемъ дома, палатки и дачи, на содержаніе себя съ домою, людьми и лошадьми, на содержаніе мастеровыхъ и рабочихъ 90 человекъ, на покупку матеріаловъ, на уплату процентовъ. Если изъ сихъ данныхъ было бы гадательно заключить, что Мейеръ дошелъ до такого разстройства, что не могъ продолжать дѣлъ своихъ, хо-

тя предположеніе это подтверждается цифрами палочнаго пмѣнія и долга, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что полученіе застрахованныхъ денегъ за сгорѣвшую фабрику и имущество (уцѣлѣвшее отъ пожара оцѣнено и съ лошадьми въ 356 руб.), по полису 9,800 руб. обезпечивало Мейера върѣе, нежели продолженіе фабрики или продажа оной за полную сумму, употребленную на устройство (3,000 руб.). Если при семъ взять въ соображеніе, что продолженіе фабрики, по назначенному изслѣдованію, могло быть воспрещено, что продажа фабрики, существующей съ убыткомъ, затруднительна и что при поджогѣ легко могли быть скрыты нѣкоторыя цѣнныя вещи, то показаніе доносчиковъ Трея и Бекмана о выгоды для Мейера поджога не можетъ не внушать довѣрія.

Впрочемъ и самое объясненіе поджога Мейеромъ въ показаніяхъ Трея и Бекмана не представляетъ ничего невѣроятнаго. Они говорятъ, что, задумавъ сжечь фабрику, Мейеръ удалилъ изъ дома: учителя музыки, все семейство свое, переѣхавшее на дачу, удалилъ, въ самую ночь на канунъ поджога даже мальчика Бориса, спавшаго въ передней; остановя закупку овса и дровъ, Мейеръ приступилъ къ ближайшимъ приготовленіямъ: роздалъ вещи, какія можно было, Трею и Бекману, накупилъ спирту, выставилъ двойное окно въ своей комнатѣ и наконецъ, разливъ спиртъ по тазамъ, намочилъ бумагу, бывшую въ большомъ количествѣ для обертки товаровъ, и, условившись съ Треемъ и Бекманомъ, какъ спастись во время пожара и даже что показывать при слѣдствіи, Мейеръ въ 12 часовъ ночи совершилъ поджогъ изъ своей комнаты, пламя обняло все помѣщеніе съ необыкновенною быстротою, а Мейеръ выпрыгнулъ въ окно и захваченъ полицейскими: въ халатѣ, подпоясанномъ шелковымъ снуркомъ, въ сапогахъ, въ галстукѣ, застегнутомъ золотою булавкою, и въ шляпѣ. При немъ найдены разныя бумаги, росписки, счета и 500 руб. денегъ, изъ которыхъ 400 онъ показалъ принадлежащими жемъ.

Главнѣйшее оправданіе Мейера заключается въ томъ, что ему не было нужды поджигать фабрику и что поджогъ сей учиненъ Треемъ и Бекманомъ по описаннымъ побужденіямъ. Выше изложено, сколь недоказанно и даже невѣроятно предположеніе о совершеніи поджога Треемъ и Бекманомъ. Выше означено и приблизительное состояніе дѣлъ по фабрикѣ и положеніе ея владѣльца. Мейеръ не отрицаетъ показаній доносчиковъ, но объясняетъ оныя въ другомъ видѣ: отправленіе семейства на дачу въ іюлѣ мѣсяцѣ сдѣлано для здоровья жены. По принятому обычаю переѣздъ на дачи бываетъ въ апрѣлѣ и маѣ. Отказано учителю музыки потому, что онъ неоднократно чрезъ дерзость свою оскорблялъ жену Мейера разными глупостями. Жена Мейера показала, что учитель никакихъ оскорбленій ей не дѣлалъ, кромѣ какъ въ семейной жизни иногда имѣлъ неудовольствіе на счетъ кушанья, которое ему не нравилось, а отказано ему потому, что семейство переѣхало на дачу. Мальчика Борнса удалилъ изъ комнатъ потому, что отъ него воняло. Овса и дровъ не покупалъ, ожидая базарныхъ дней. По показанію людей, дровъ не было ни полѣна и топилъ кое какъ. Кучеръ напоминалъ объ овсѣ за нѣсколько дней, но Мейеръ отказывалъ, а прежде этого не бывало. О раздачѣ вещей Мейеръ объясняетъ, что бѣлье отослано какой-то прачкѣ для мытья; Бекману вещей не давалъ, а онѣ похищены имъ; Трею далъ образъ и разную мебель по просьбѣ его. О покупкѣ спирта и фитилей Мейеръ показываетъ, что купилъ спиртъ и фитили для ваннъ и притиранья отъ холеры по совѣту Трея, олепнѣ внесенъ въ переднюю Треемъ. Трей объясняетъ, что олепнѣ внесешъ имъ съ мальчикомъ Борнсомъ, по приказанію хозяина Мейера, а о спиртѣ отъ холеры онъ, Трей, никогда Мейеру не говорилъ, ибо ничего въ этомъ дѣлѣ не знаетъ, при томъ Мейеру и въ совѣтѣ его о семъ не могло быть нужды, ибо въ домъ Мейера ѣздили и были знакомы нѣкоторые медки. Говоря о настоѣ спирта воскомъ, Мейеръ не

объясняетъ, почему онъ купилъ фитили, а не воскъ. При семъ Мейеръ присовокупляетъ, что если бы ему нужны были горючія средства, онъ могъ употребить для сего лакъ, бывший на фабрикѣ, что онъ не оставлялъ работъ и имѣлъ и закупалъ матеріалы и что за наемъ палатки отдалъ хозяину оной условленную сумму. Здѣсь нельзя не замѣтить, сколь ни маловажно сіе обстоятельство въ ряду прочихъ, что перенесеніе фабричнаго лака во внутренніе покои и прекращеніе работы 90 человѣкъ могли бы породить и ропотъ и самое подозрѣніе, а уплата впередъ денегъ за палатку, всего 33 руб., сдѣлана по условію и не имѣетъ ничего общаго съ поджогомъ: палатка была въ городѣ, а не при созиженной фабрикѣ. Что же касается покупки и заказа матеріаловъ, то показаніе это не подтверждается. Указанные Мейеромъ торговцы объяснили: Гольцауеръ, что Мейеръ имѣлъ съ нимъ разговоръ о заказѣ, но онъ не обратилъ на него вниманія и переговоры эти не имѣли послѣдствій; купецъ Сплишъ, что въ 1848 г., не упомянуть въ какомъ мѣсяцѣ, Мейеръ, заказавъ проволоки на 150 руб., по неизвѣстной причинѣ не принялъ; купецъ Пикерегиль, что въ апрѣлѣ 1848 г. Мейеръ заказалъ ему выписать англійской глины, но, по отсутствію его изъ Москвы, коммисія эта не исполнена. Кольчугинъ, какъ и прочіе, показываетъ, что Мейеръ торговалъ, но не сошлись въ цѣнѣ. О разговорѣ Мейера передъ поджогомъ Бекманъ и Трей на очной ставкѣ уличали подсудимаго: какъ онъ научалъ ихъ спасаться во время пожара и что показывать при допросахъ, когда бы имъ сказали даже, что Мейеръ сознался. Въ засѣданіи слѣдственной коммисіи о сей ставкѣ засвидѣтельствовано, что противъ уликъ Бекмана, сказанныхъ спокойно и безъ всякой перемѣны въ лицѣ, Мейеръ не сдѣлалъ никакого опроверженія, заплакалъ и, вставъ со стула, на которомъ сидѣлъ, затрясся, зашатался, едва не упалъ и склонился неволью къ стѣнѣ на другой стулъ и потомъ, черезъ нѣсколько минутъ вставши, сказалъ, что онъ такихъ словъ Бекману не говорилъ. Всѣ прочія оправданія

Мейера заключаются въ томъ, что приготовленія къ поджогу и самый поджогъ сдѣланы Треемъ и Бекмапомъ; но оправданія сии даже съ нѣкоторою вѣроятностію не объясняютъ: какимъ образомъ Бекманъ и Трея, люди бывшіе въ полной зависимости Мейера, могли распоряжаться въ квартирѣ его, въ его комнатѣ, во внутреннихъ комнатахъ, заправшихся Мейеромъ, какимъ образомъ Бекманъ и Трея (до 11 часовъ не бывшіе дома) могли все это безпрепятственно сдѣлать въ присутствіи Мейера, и два раза сдѣлавъ доносъ полиціи, и наконецъ какимъ образомъ начался пожаръ не въ комнатѣ Трея и Бекмана, а въ комнатѣ Мейера.

По всѣмъ симъ соображеніямъ несомнѣнно слѣдуетъ принять за совершенно доказанное: 1) что пожаръ 5 іюля 1848 г. на фабрикѣ иностранца Мейера былъ умышленный; 2) что поджогъ сей, начавшійся и мгновенно распространившійся по всему этажу, не могъ быть произведенъ никѣмъ изъ стороннихъ лицъ, а долженъ быть совершенъ людьми, бывшими въ комнатахъ, т. е. Треемъ, Бекмапомъ и Мейеромъ, или совокупно или однимъ Треемъ и Бекманомъ или однимъ Мейеромъ; 3) что обвиненіе въ поджогѣ Трея и Бекмана вмѣстѣ съ Мейеромъ, а тѣмъ менѣе безъ сообщничества Мейера, равно какъ и обвиненіе ихъ въ знаніи и попусеніи не можетъ имѣть мѣста: ибо они заблаговременно донесли объ умыслѣ поджигателя полиціи и симъ извѣщеніемъ сняли съ себя отвѣтственность за послѣдствія, о которыхъ они предупреждали; ибо ни Трею, ни Бекману не было никакихъ побужденій и никакихъ выгодъ отъ пожара, и наконецъ, находясь все время вмѣстѣ съ Мейеромъ, въ его зависимости и въ его квартирѣ, Трея и Бекманъ не могли совершить поджога, и 4) что засимъ безопасно и необходимо слѣдуетъ принять за совершенно доказанное, что умышленный поджогъ фабрики произведенъ Юсифомъ Мейеромъ, ибо: а) объ умыслѣ его на поджогъ сдѣланъ формальный доносъ, основанный на убѣжденіи очевид-

цевъ и на доказательствахъ вещественныхъ (т. XV ст. 924 и 934) и доносъ сей оправдался самымъ дѣйствіемъ, совершившимся въ виду полиціи, которою поджигатель схваченъ на самомъ мѣстѣ преступленія (т. XV ст. 1207 п. 8); б) ибо, по положенію дѣла Мейера, онъ могъ считать выгоднымъ для себя сжечь фабрику и получить застрахованную сумму, а такое положеніе Мейера очевидно какъ изъ того, что въ это самое время началось полицейское слѣдствіе о дозволеніи ему имѣть фабрику и Мейеръ могъ ожидать остановки и даже закрытія ея дѣйствіи и самаго взысканія за самовольное ея открытіе, такъ и изъ того, что Мейеръ доходами фабрики не могъ покрывать расходовъ, а продажею за сумму стоимости (3,000 руб.) не могъ надѣяться выручить сумму, равную застрахованной (9,800 руб.) и слѣдовательно отъ совершенія преступленія могъ ожидать прибыли (т. XV ст. 1207 п. 2); в) ибо и независимо отъ сего доноса и отъ спухъ побужденій, совокупность уликъ (XV т. ст. 1174 и 1205) въ дѣйствіяхъ Мейера до поджога, во время пожара и послѣ оного изобличаютъ виновность его: удалилъ изъ дома семейство свое, учителя и наконецъ мальчика, покупалъ матеріалы, роздалъ вещи, выставилъ окно, во время пожара схваченъ въ такомъ видѣ, въ какомъ могъ быть человекъ, приготовившійся къ событію, ибо надѣтый въ рукава халатъ былъ даже подпоясанъ, галстукъ на шеѣ и бумажникъ съ нужными бумагами и деньгами; послѣ пожара во время слѣдствія Мейеръ прибѣгалъ ко лжи, къ явно неосновательнымъ извѣщаніямъ и даже къ подложнымъ запискамъ, не представя ничего уважительнаго къ своему оправданію по главнѣйшимъ обвиненіямъ (т. XV ст. 1205 п. 2.); противъ уликъ Бекмана въ слѣдственной комисіи Мейеръ совершенно потерялся и въ продолженіи всего дѣла придумывалъ разныя показанія, клонившіяся токмо къ обвиненію Трея и Бекмана, перѣдко превратно толкуя слова свои (т. XV ст. 1205 п. 15). Наконецъ свѣдѣнія о прежней жизни и прежней судимости Мейера показываютъ его съ одной стороны че-

ловѣкомъ предприимчивымъ и смѣлымъ, который перемѣняетъ мѣста пребыванія и роды промышленности, входитъ въ денежную сдѣлку съ лицомъ, не имѣющимъ права на подобныя обязательства, и открываетъ и застраховываетъ фабрику, войдя въ долги, набравъ 90 человекъ рабочихъ и входитъ въ торгъ по фабрикѣ предпріятія, не получивъ даже законнаго дозволенія на заведеніе фабрики и ходатайствуя о томъ съ ложнымъ удостовѣреніемъ, что онъ намѣревается принять уже устроенную фабрику, а съ другой стороны свѣдѣнія о поведеніи и судимости обличаютъ въ немъ человека дерзкаго и рѣшительнаго, который неоднократно бывалъ и Бекмана и Трея, не однократно судился за обиды и побой другихъ и наконецъ, за нѣсколько дней до пожара, навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ покушеніи на изнаспованіе (т. XV ст. 1207 п. 3).

Признавая Мейера виновнымъ въ поджогѣ фабрики для полученія денежной прибыли, и находя, что австрійскій подданный и временный 3-й гильдіи купецъ, по силѣ 173 ст. улож. подлежитъ дѣйствию русскихъ уголовныхъ законовъ на томъ же основаніи, какъ и подданные русскіе, исправлявшій должность оберъ-прокурора полагалъ примѣнить къ нему вторую половину 2112 ст. улож. и назначить высшую мѣру наказанія, согласно 1, 2, 3, 5, 8, 9 и 10 пунк. 135 ст., какъ по важности совершеннаго поджога, имѣвшаго послѣдствіемъ значительные убытки, такъ и по совокупности противузаконныхъ дѣяній и прежней судимости Мейера. Сверхъ того по 62 ст. улож. подвергнуть Мейера взысканію всѣхъ убытковъ, причиненныхъ его преступленіемъ. Иностранцевъ же Бекмана и Трея по 1169 ст. XV т. отъ всякой ответственности освободить.

Обращаясь засимъ къ дѣйствіямъ полиціи и воплію соглашаясь съ заключеніемъ Правительствующаго Сената, что бездѣйствіе частнаго пристава Лисицына требуетъ взысканія по суду, исправлявшій должность оберъ-прокурора, хотя съ своей стороны находилъ, что при обвиненіи въ столь важ-

помъ бездѣйствіи, имѣвшемъ своимъ послѣдствіемъ исполненіе преступленія и сгорѣніе нѣсколькихъ зданій требовало бы вышшаго вида наказанія, но какъ подсудимый Лисицынъ въ просьбахъ своихъ описываетъ въ оправданіе, что не имѣлъ возможности прочесть обстоятельства дѣла, по которому подвергается онъ отвѣтственности, объясняя притомъ, что въ распоряженіяхъ своихъ онъ былъ стѣсненъ ожиданіемъ лица, назначеннаго для совмѣстнаго съ нимъ дѣйствія, то онъ полагалъ предоставить главному московскому начальству, по содержанію сихъ объясненій и отвѣтовъ Лисицына въ уголовной палатѣ, истребовать дополнителныя свѣдѣнія и, по удостовѣреніи въ полнотѣ и точности, представить оныя въ Правительствующій Сенатъ съ своимъ мнѣніемъ, и, буде нужно, принять мѣры къ обезпеченію убытковъ, потерпѣнныхъ владельцами сгорѣвшихъ зданій.

По выслушаніи сего предложенія сенаторы, участвовавшіе въ сужденіи дѣла сего, объявили, что они остаются при своемъ мнѣніи.

Вслѣдствіе сего настоящее дѣло и перенесено было въ общее собраніе Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Общее собраніе, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, нашло, что Иосифъ Мейеръ, обвиняемый вслѣдствіе доноса иностранцевъ Бекмана и Трея, въ поджогѣ своей фабрики, съ намѣреніемъ воспользоваться суммою, въ которую она была застрахована, въ преступленіи семъ не сознается, и полныхъ, закономъ требуемыхъ доказательствъ къ совершенному обвиненію его въ семъ преступленіи, которыя неключали бы возможность недоумѣвать о винѣ его, въ дѣлѣ нѣтъ; ибо единственнымъ свидѣтелями выводимаго на него преступленія представляются по дѣлу токмо Бекманъ и Трей,—допослѣдны на него, а показанія допослѣдниковъ не имѣютъ юридической силы

доказательствъ. Независимо отъ сего, по другимъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ пожаръ, *Мейеръ навлекаетъ* на себя въ поджогъ *сильное подозрѣніе*, а именно: а) дѣла Мейера были въ разстроенномъ состояніи, ибо онъ былъ долженъ разнымъ лицамъ по документамъ до 4,500 руб. серебр., а самъ имѣлъ въ долгу не болѣе 2000 руб. серебр., денегъ при немъ найдено до 500 руб. серебр., изъ которыхъ 400 руб. принадлежатъ жепѣ его; товару же въ лавкѣ оказалось по оцѣнкѣ на 206 руб. 35 коп. сер., а между тѣмъ на содержаніи его были семейство и фабрика съ 90 рабочими; б) приказчикъ Мейера, мѣщанинъ Мясниковъ удостовѣрилъ, что торговля его, Мейера, шла довольно тихо, такъ что наличной выручки съ 20 апрѣля по 6 іюля 1848 года было не болѣе 150 руб. серебр.; в) квартальный поручикъ Садовниковъ, унтеръ-офицеръ Новицкій и пожарный служитель Крыловъ, отправившіеся 5 іюля съ частнымъ приставомъ Лисцинымъ для взятія Мейера, подъ присягою удостовѣрили, что огонь распространился быстро изъ комнатъ самого Мейера, а рабочіе показали, что огонь распространился изъ комнатъ ихъ хозяйна; г) Мейеръ объяснялъ, что во время пожара онъ спалъ и проснулся отъ дыму, но частный приставъ Лисцинъ донесъ, что онъ выскочилъ въ окно одѣтымъ въ халатѣ съ шляпою на головѣ, повязаннымъ на шеѣ шелковымъ платкомъ съ золотою булавкою, при немъ найдены бумажникъ съ деньгами и разными бумагами. Независимо отъ обвиненія въ поджогѣ, Мейеръ виновенъ въ открытіи фабрики безъ надлежащаго торговаго свидѣтельства, за что и долженъ быть подвергнутъ взысканію, на точномъ основаніи 1781 ст. уложенія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію поступковъ Бекмана и Трея, общее собраніе нашло: что о намѣреніи Мейера зажечь принадлежащую ему фабрику, означенные иностранцы доносили окружному генералу корпуса жандармовъ Перфильеву и Московскому оберъ-полиціймейстеру. Донесеніе это было сдѣла-

по пмп заблаговременно, какъ удостовѣряетъ оберъ-полицій-мейстеръ, который сообщилъ къ дѣлу сему положительное свѣдѣніе, что Бекманъ и Трей объявили ему о намѣреніи Мейера 5-го іюля 1848 г. въ 6-ть часовъ по полудни; самый же пожаръ обнаружился того числа послѣ уже полуночи, прежде появленія пламени, когда они, Бекманъ и Трей, разбивъ окно для спасенія себя, выскочили на крышу привода, слѣдовательно въ то время, когда полиція бросилась къ квартирѣ Мейера и нашла входныя двери запертыми со внутренности покоевъ, они въ квартирѣ той не находились и потому не могли съ своей стороны содѣйствовать ко впуску полиціи въ квартиру Мейера и вообще къ предупрежденію замышляемаго Мейеромъ преступленія.

По симъ основаніямъ общее собраніе освободило Бекмана и Трея отъ вводимаго на нихъ по настоящему дѣлу подозрѣнія.

Что касается до обезпеченія убытковъ, потерпѣнныхъ владѣльцами сгорѣвшихъ домовъ, общее собраніе признало, что за оставленіемъ Мейера только въ сильномъ подозрѣніи, не представляется справедливаго основанія къ вознагражденію такихъ убытковъ изъ имущества его, недостаточнаго, впрочемъ какъ изъ дѣла видно, на покрытіе ни сихъ убытковъ, ни потерь другихъ лицъ, назначеніе коимъ въ подобныхъ случаяхъ пособій, зависитъ отъ непосредственнаго усмотрѣнія и ходатайства г. военнаго генераль-губернатора. Посему общее собраніе положило не возлагать на генераль-губернатора припята мѣръ къ обезпеченію тѣхъ убытковъ.

Въ прочихъ частяхъ дѣла общее собраніе приняло заключеніе 6-го департамента Сената.

Предлагаемое читателямъ дѣло о поджогѣ фабрики Мейера относится ко времени довольно отдаленному. Оно началось въ 1848 и получило окончательное разрѣшеніе въ началѣ 1852 года. Не смотря на то, оно и въ настоящее время, по своимъ обстоятельствамъ, не утратило того интереса, который нѣкогда возбуждало въ свидѣтеляхъ происшествія и суда объ немъ. Не говоря о Москвѣ, гдѣ совершилось самое событіе, гдѣ производилось слѣдствіе и судъ, вѣсть о пожарѣ фабрики и о возникшемъ по поводу этого пожара судебномъ процессѣ скоро дошла и до Петербурга. Вниманіе общества было возбуждено. Всѣ, кому, хотя отчасти, пзвѣстны были обстоятельства, сопровождавшія пожаръ, единогласно говорили о поджогѣ и вину его приписывали Мейеру. Ждали только, какъ выскажется судебная власть, какой приговоръ произнесетъ она на основаніи полныхъ свѣдѣній, имѣющихся у ней, но неизвѣстныхъ публикѣ.

Наконецъ общее Сената собраніе произнесетъ окончательный приговоръ и этимъ приговоромъ, не обвиняя никого въ поджогѣ, оставляетъ Мейера *въ подозрѣніи*.

Такой приговоръ, сличенный съ обстоятельствами дѣла, изложенными въ настоящей статьѣ, не можетъ съ перваго взгляда не возбудить сомнѣнія въ правильности производства суда надъ Мейеромъ и другими прикосновенными къ дѣлу лицами. Совокупность всѣхъ обстоятельствъ, вмѣстѣ взятыхъ, повидимому исключаетъ всякую возможность недоумѣвать въ винѣ Мейера. Разстроенныя дѣла подсудимаго, удаленіе имъ изъ дома, незадолго до пожара, жены, музыкальнаго учителя и мальчика, страхованіе фабрики въ суммѣ, превышающей ея стоимость, пріобрѣтеніе горючихъ матеріаловъ, доносы Бекмана и Трея, нецмѣвшихъ при этомъ корыстныхъ цѣлей, появленіе Мейера, во время пожара, на крышѣ дома, одѣтымъ и съ спасенными имъ бумагами и вещами, болѣе цѣнными, и наконецъ прежняя не безупречная жизнь подсудимаго,—все это невольно приводитъ къ

убѣжденію, что поджогъ фабрики былъ выгоденъ для Мейера, и только для него одного, что онъ имъ самимъ и подготовленъ, и совершенъ и что засимъ отвѣтственность въ этомъ преступленіи, какъ личная, такъ и вещественная, должна всею своею тяжестію пасть на Мейера.-

Таковъ, безъ сомнѣнія, былъ бы исходъ настоящаго дѣла при обвинительной формѣ процесса, который по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ настоящее время на западѣ Европы, не допускаетъ той середины между признаніемъ виновнымъ или невиннымъ, какая установлена нашимъ слѣдственнымъ процессомъ, и которая выразилась въ формѣ оставленія подсудимаго *въ подозрѣніи, болѣе или менѣе сильною*. Тамъ, актъ, направленный къ обвиненію преступника, имѣетъ послѣдствіемъ своимъ произнесеніе или *обвинительнаго* или *оправдательнаго* приговора; подозрѣнія тамъ не существуетъ, потому, вѣроятно, убѣжденію, что подобная форма приговора не согласуется съ теоріею права, и что отсутствіе полныхъ доказательствъ, исключающихъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго, доказываетъ или его невинность или же несовершенство системы доказательствъ, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отпесено къ винѣ привлеченнаго къ суду лица.-

Существующая у насъ форма оставленія подсудимаго *въ подозрѣніи* употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый по имѣющимся въ дѣлѣ обстоятельствамъ не можетъ быть вполне признакъ виновнымъ въ совершеніи извѣстнаго преступления, но когда самыя обстоятельства дѣла указываютъ на возможность его участія въ преступленіи, на прямую выгоду его въ этомъ преступленіи, наконецъ на такія обстоятельства, которыя дѣлаютъ совершеніе преступления именно этимъ, а не другимъ лицомъ, — болѣе вѣроятнымъ. Причины установленія такой формы надобно искать въ той осторожности, которая предпи-

сывается для постановленія судебныхъ приговоровъ, въ той заботливости законодательства о правильномъ отправленіи правосудія, которая удерживаетъ судебныя мѣста отъ произнесенія рѣшительнаго приговора въ случаяхъ сомнительныхъ. Подобные сомнительные случаи въ нашей судебной практикѣ встрѣчаются перѣдко, что зависеть отчасти отъ самаго порядка производства у насъ уголовныхъ дѣлъ, при которомъ судебныя мѣста, не имѣя прямаго сношенія съ подсудимыми и другими прикосновенными къ дѣлу лицами, по необходимости должны руководствоваться показаніями означенныхъ лицъ, даваемыми при слѣдствіи и излагаемыми иногда довольно неудовлетворительно. Учрежденіе званія судебныхъ слѣдователей, предназначенныхъ исключительно для производства слѣдствій, и не отвлеченныхъ другими занятіями, безъ всякаго сомнѣнія, благотворно отзовется на нашу судебную практику и дастъ судебнымъ мѣстамъ болѣе твердую точку опоры при постановленіи рѣшительныхъ приговоровъ, нежели какую они имѣли до настоящаго времени.

Въ приведенномъ примѣрѣ такихъ упущеній слѣдователей, которыя закрыли бы путь къ положительному обнаруженію виновныхъ, не открыто; но тѣмъ не менѣе произведенное слѣдствіе не привело въ положительную ясность многихъ обстоятельствъ, которыя исключали бы всякую возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго, тогда какъ показанія Трея и Бекмана, данныя ими полицейскому начальству еще до пожара, давали широкое поле для дѣятельности слѣдователей.

Такимъ образомъ, при отсутствіи совершенныхъ доказательствъ въ винѣ Мейера, и при несовершенной удовлетворительности произведеннаго изслѣдованія, настоящее дѣло, по нашему мнѣнію, не могло получить другаго исхода, кромѣ того, какой данъ ему опредѣленіемъ общаго Сената собранія, и рѣшеніе въ смыслѣ противоположномъ едва ли было бы рѣшеніемъ, согласнымъ съ постановленіями дѣйствующаго законодательства.

II.

Дѣло объ убійствѣ крестьянки Бурденковой.—Показаніе преступника о совершеніи имъ преступленія въ припадкѣ умоизступленія.—Признаніе сего показанія не подтвержденнаго медицинскимъ удостовреніемъ и опровергаемаго обстоятельствомъ дѣла, не заслуживающимъ уваженія.—Произнесеніе обвинительнаго приговора.—

Московской губерніи, Рузскаго уѣзда, сотскій деревни Подпориной Никитинъ 27 іюня 1851 г., донесъ тамошнему земскому суду, что того числа, рано утромъ, крестьянинъ помѣщцы Гессе, Семень Бурденковъ разсѣкъ топоромъ голову женѣ своей Александрѣ Никпоровой, отъ чего она умерла.

При допросѣ подсудимый показалъ: жилъ онъ въ деревнѣ Тоболовѣ съ женою Александрою Никпоровою и потерпѣвшею отъ пожара солдаткою Соломонидою Евдокимовою. Утромъ 26 іюня 1851 г. (пакануиъ событія, составляющаго предметъ настоящаго дѣла), онъ отправился пахать землю, былъ здоровъ и въ твердой памяти, работалъ до обѣда, возвратился домой также здравый, обѣдалъ вмѣстѣ съ женою; послѣ обѣда отправился въ лѣсъ рубить дрова, а жена съ сол-

даткою Соломониною поѣхали въ лѣсъ за вѣпками. Изъ лѣса онъ, Бурденковъ, возвратился прежде ихъ, *чувствуя какую-то дурноту въ голову и тоску*. По возвращеніи домой жены, вмѣстѣ съ нею ужиналъ, послѣ ужина парился на печкѣ, убиралъ пришедшую скотину: затѣмъ, онъ, Бурденковъ, вошелъ въ поле лошадей и когда пришелъ домой, то пошелъ съ женою спать въ омшаникъ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ въ лѣтнее время, а солдатка Соломонида легла въ избѣ. Уснувши нѣсколько, онъ вдругъ, не зная отъ чего, проснулся и увидѣлъ въ рукахъ топоръ, но гдѣ и какъ его взялъ, не помнить (ибо пришедши изъ лѣсу, положилъ его на дворѣ въ углу). Топоромъ началъ онъ рубить спящую жену *съ намѣреніемъ ее убить*, и ударилъ, какъ припомнить, *три раза*, не зная по какому мѣсту. По совершеніи сего преступленія, бросивши топоръ, слезъ съ омшаника, вошелъ въ избу и сталъ будить спящую солдатку Соломону, говоря: встань и поди скажи старостѣ, что я зарубилъ жену. — Солдатка, испугавшись, выбѣжала изъ избы и сказала о томъ сосѣду, брату своему, Аптипу Артемьеву; когда же Артемьевъ вышелъ изъ избы, то онъ, Бурденковъ, кричалъ въ окошко, чтобы онъ шелъ скорѣе къ нему. Къ сему Бурденковъ присокупилъ, что онъ съ женою своею, *которая прежде сего впадала въ прелюбодѣяніе*, ссоры не имѣлъ потому, что *года два порока сего за нею не замѣчалъ*, и только недавно предъ симъ событіемъ, когда онъ, Бурденковъ, возвратился изъ Москвы съ промысловъ, то она говорила ему, за чѣмъ мало принесъ денегъ, ибо имъ надо кой-что строить, но и тогда между ними размолвки не было.

По отобраніи сего вопроса, временное отдѣленіе, того же 27 іюня, пригласивъ уѣзднаго врача, свидѣтельствовало Бурденкова въ здоровьи и умственныхъ способностяхъ; *при чемъ онъ оказался здоровымъ и на всѣ предложенные вопросы отвѣчалъ здраво*.

По освидѣтельствованіи тѣла убитой, найдены на головѣ три продолговатыя раны, съ раздробленіемъ черепныхъ костей, при чемъ отысканъ и топоръ, на которомъ видны были знаки запекшейся крови.

Затѣмъ отобраны были показанія отъ жившей въ домѣ Бурденкова солдатки Евдокимовой, брата ея Артемьева, старосты села Тоболова и сосѣдей Бурденкова.

Изъ нихъ показали: солдатка *Евдокимова*, что ссоры или драки между Бурденковымъ и женою его она ни въ день, предшествовавшій событію, ни прежде сего не замѣчала. На разсвѣтъ 27 іюня почувствовала она, что ее кто то будить; проснувшись, увидѣла предъ собою Бурденкова, который сказалъ ей: поди, скажи старостѣ, что я зарубилъ жену Александру. Она, испугавшись, побѣжала къ брату своему Артемьеву, жившему близъ дома Бурденкова, и объявила ему о случившемся. О намѣреніи Бурденкова зарубить свою жену она отъ него не слыхала и, имѣла ли жена Бурденкова съ кѣмъ-либо любовную связь, ей неизвѣстно.

Антимъ Артемьевъ, что, узнавъ о случившемся происшествіи отъ сестры, онъ послалъ жену свою объявить о томъ старостѣ, а самъ съ сосѣдями, собравшимися на шумъ, пошелъ къ дому Бурденкова, который, высунувшись изъ окна, кричалъ: идите скорѣе, я зарубилъ свою жену.

Жена Артемьева подтвердила это показаніе.

Староста Петръ Дмитріевъ показалъ, что, узнавши отъ жены Артемьева о совершенномъ убійствѣ, онъ побѣжалъ къ Бурденкову, котораго нашель въ избѣ, а жену его лежащую на омшаникѣ въ крови. Жалобъ ни отъ Александры Бурденковой на мужа своего, ни отъ послѣдняго на жену не слыхалъ и, имѣла ли она съ кѣмъ либо любовныя связи, не знаетъ.

Сосѣди Бурденкова, въ числѣ 10 человекъ, показали, что они намѣреніи Бурденкова лишить жизни жену свою, ни

чего не знали, ссоръ между ними никогда не замѣчали и не знаютъ, имѣла ли Бурденкова съ кѣмъ-либо любовныя связи.

Въ присутствіи уѣзднаго суда подсудимый въ данной подпискѣ объяснилъ, что онъ прежнее свое показаніе вполнѣ утверждаетъ и что *при слѣдствіи угрозъ ему не дѣлали.*

При дослѣдованіи настоящаго дѣла произведено было формальное освидѣтельствованіе подсудимаго въ умственныхъ его способностяхъ; при чемъ свидѣтельствовавшіе въ присутствіи Московской медицинской конторы заключили: что *умственныхъ способности Бурденкова находятся въ здоровомъ состояннн.*

Загѣмъ для обнаруженія побудительной причины къ убійству Бурденковой, и того обстоятельства, не подвергался ли онъ какимъ-либо болѣзнямъ и припадкамъ, спрошены были родственники Бурденковыхъ, которые показали:

Братъ Бурденковой Иванъ Никифоровъ и сестра его Екатерина, что они не знаютъ, за что Бурденковъ убилъ свою жену и *припадковъ за нимъ никогда не замѣчали*; къ сему Иванъ Никифоровъ присовокупилъ, что ежели подсудимый и показываетъ, что совершилъ преступленіе въ безпамятствѣ, то это для того, чтобъ уменьшить тѣмъ вину свою.

Братъ подсудимаго Трофимъ Бурденковъ: *что онъ припадковъ за братомъ не замѣчалъ.*

Мачиха подсудимаго, Лукерья Филатова объяснила, что пасынокъ ея покусился на жизнь жены своей вѣроятно потому, *что покойная отъ мужа гуляла*; Бурденковъ же хотя и показалъ, что въ послѣднее время не замѣчалъ за ней того, но, *какъ ей извѣстно, она отъ сего порока не воздержалась.*

На передопросѣ Лукерья Филатова объяснила, что о такомъ поведеніи Александры Бурденковой она заключаетъ потому, *что покойная любила иногда шутить съ посторонними*

мужчинами и ходитъ чаще другихъ на ихъ деревенскія шры; относительно припадковъ Филатова показала, что она таковыхъ за пасынкомъ никогда не замѣчала, кромѣ того, что когда онъ выпьетъ лишнее, то его не скоро разбудишь. Къ сему Филатова присовокупила, что она не жила въ домѣ пасынка своего, потому что покойная жена его была къ ней непочтительна.

Понятые, бывшіе при осмотрѣ тѣла убитой, въ числѣ 12 человекъ, показали: что если Бурденковъ и говоритъ, что совершилъ преступленіе въ безпамятствѣ, то это объяснить трудно: ибо, какъ имъ извѣстно, съ нимъ припадковъ никогда прежде не случалось, да и въ самое то время, когда они были призваны къ осмотру тѣла, въ немъ, Бурденковѣ, нельзя было замѣтить ничего такого, чтобы подало поводъ предполагать, что онъ одержимъ былъ какимъ-либо припадкомъ, а полагаютъ они, не отъ того ли онъ, Бурденковъ, показалъ, что совершилъ преступленіе въ безпамятствѣ, чтобы чрезъ то нѣсколько умалить свою вину.

На повальномъ обыскѣ Бурденковъ одобренъ въ поведеніи. Отъ роду подсудимому при совершеніи преступленія было 30 лѣтъ.

Медицинскій совѣтъ, на заключеніе котораго препровождено настоящее дѣло, отозвался, что совершенное Бурденковымъ убійство могло быть слѣдствіемъ временнаго расстройства умственныхъ способностей, которое могло произойти отъ прилива крови къ головь, усиленнаго предшествовавшими условіями, каковы: жаркое время вообще, паренье въ печи и частію отъ неполнаго освобожденія мозга изъ подъ вліянія сна въ минуту пробужденія. Къ сему медицинскій совѣтъ присовокупилъ, что въ какой именно мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ, означенныя вліянія были дѣйствительною причиною со-

дѣянаго Бурденковымъ преступленія, по неимѣнію въ виду болѣе положительныхъ данныхъ, опредѣлить нельзя.

По рѣшеніи дѣла сего въ Рузскомъ уѣздномъ судѣ и въ Московской уголовной палатѣ, оно представлено было въ I отдѣленіе 6 департамента, находилось въ послѣдствіи въ разсмотрѣніи общаго собранія Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, и, за происшедшимъ разногласіемъ, представлено было къ г. Министру Юстиціи.

Въ данномъ предложеніи г. министр юстиціи изъяснилъ:

Произведеннымъ по настоящему дѣлу изслѣдованіемъ не обнаружено побудительной причины убійства крестьянки Бурденковой. При такихъ обстоятельствахъ дѣла возникаетъ вопросъ: должно ли быть вмѣнено въ вину подсудимаго, означенное преступленіе.

По силѣ ст. 101, 102, 103, и 105, улож. преступленіе не вмѣняется въ вину въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда преступленіе учинено безумнымъ отъ рожденія или сумасшедшимъ, или же въ *точно доказанномъ* *припадкѣ умоизступленія*.

2) Когда оно учинено потерявшимъ умственные способности и рассудокъ *отъ старости или дряхлости, и мулатиками*, которые въ припадкахъ своего нервнаго разстройства дѣйствуютъ безъ надлежащаго разумія.

3) Когда оно учинено *отъ случайной ошибки, или въ слѣдствіе обмана, по невѣдѣнію обстоятельствъ*, отъ коихъ дѣяніе обратилось въ противозаконное.

Бурденковъ, по освидѣтельствованіи въ умственныхъ способностяхъ, признанъ въ здоровомъ состояніи.

Освидѣтельствованіе сіе, учиненное на основаніи 1060 ст. т. XV св. зак. угол. и не противорѣчащее достовѣрнымъ

обстоятельствамъ дѣла, приѣмлется, по ст. 1192 XV т. св. зак. угол., за совершенное доказательство.

Спрошенные по дѣлу сему свидѣтели, бывшіе въ близкихъ отношеніяхъ съ подсудимымъ, положительно удостовѣрили, что никакихъ припадковъ или разстройства умственныхъ способностей ни прежде, ни послѣ совершенія преступленія въ Бурденковѣ они не замѣчали.

Помраченіе ума отъ пьянства или другихъ причинъ въ Бурденковѣ ничѣмъ по дѣлу не обнаружено, а на случайную ошибку или обманъ ни подсудимый, ни спрошенные лица не указываютъ.

Хотя, по заключенію медицинскаго совѣта, совершенное Бурденковымъ преступленіе могло быть слѣдствіемъ временнаго разстройства умственныхъ способностей, которое могло произойти отъ прилива крови къ головѣ, усиленнаго предшествовавшими условіями, но въ какой именно мѣрѣ, медицинскій совѣтъ, по неизбѣжно положительнымъ даннымъ, опредѣлить не могъ, а потому такое заключеніе совѣта, не представляя требуемаго ст. 1192 т. XV. яснаго и положительнаго удостовѣренія, не можетъ быть принято за доказательство совершенное.

Всѣ означенные доводы и въ особенности собственное сознаніе подсудимаго, вполне имъ подтвержденное на передопросѣ, въ томъ, что онъ началъ рубить жену *съ намѣреніемъ* убить ее, ведутъ къ положительному заключенію, что Бурденковъ совершилъ преступленіе сознательно, и слѣдовательно подлежитъ за оное отвѣтственности.

Въ преступленіяхъ и проступкахъ умышленныхъ различаются двѣ степени: 1) когда противозаконное дѣяніе учинено въ слѣдствіе не внезапнаго, а заранѣе обдуманнаго намѣренія или умысла, 2) когда оно учинено хотя и съ намѣреніемъ, но по внезапному побужденію, безъ предумышленія (ст. 6 улож.).

Отсутствіе явной вражды или гласной ссоры между супругами отклоняетъ предположеніе о совершеніи преступленія съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ.

Бурденковъ сознался въ нанесеніи ударовъ женѣ съ намѣреніемъ, объяснивъ свой поступокъ какимъ-то временнымъ безпамятствомъ и отсутствіемъ сознанія, но въ безпамятствѣ подсудимый не былъ ни прежде, ни послѣ преступленія. При совершеніи онаго онъ сознавалъ намѣреніе и сохранилъ память числа нанесенныхъ имъ ударовъ.

Внезапность умысла не исключаетъ ответственности за оное, и вообще между людьми, не привыкшими къ обузданію страстей и первыхъ побужденій, дѣяніе преступное нерѣдко соединяется съ первымъ пробужденіемъ усыпленной ненависти или возникающей злобы.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла явствуетъ, что умственные способности Бурденкова не были помрачены ни разстройствомъ оныхъ отъ болѣзненнаго состоянія, ни послѣдствіями пьянства, или обнаруженной по дѣлу ссоры и внезапной вспыльчивости. Показанія его роднаго брата, другихъ свидѣтелей и всѣхъ понятыхъ служатъ достаточнымъ основаніемъ къ отклоненію всякаго подозрѣнія въ сознательности преступнаго дѣйствія подсудимаго.

Кто учинить убійство, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла, въ запальчивости или раздраженіи, но однако же и неслучайно, а зная, что онъ посягаетъ на жизнь другаго, тотъ приговаривается къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ; а буде онъ по закону не изытъ отъ наказаній тѣлесныхъ, и къ наказанію плетью чрезъ палачей отъ 60 до 70 ударовъ съ наложеніемъ клеймъ (по 4 степ. 21 ст. улож.); если же злодѣяніе это совершено надъ лицомъ, съ коимъ виновный имѣлъ родственныя, брачныя или

особыя по службѣ, положенію или полученнымъ отъ онаго благодѣяніямъ связи, то наказаніе его возвышается одною степенью (ст. 1926 улож.).

Сему послѣднему наказанію (по 3 степ. 21 ст.) долженъ подлежать крестьянинъ Семенъ Кузьминъ Бурденковъ въ низшей онаго мѣрѣ, во вниманіе къ чистосердечному сознанию его въ преступленіи (1 и 2 пун. 140 ст. улож.).

По симъ основаніямъ министръ юстиціи полагалъ: на основаніи ст. 1926 улож. о наказан., крестьянина Семена Кузьмина Бурденкова лишить всѣхъ правъ состоянія, наказати публично чрезъ палача плетьюми 70 ударами и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ съ наложеніемъ клеймъ.

По выслушаніи сего предложенія, не составилось законеннаго числа голосовъ сенаторовъ, согласныхъ съ даннымъ предложеніемъ.

Въ слѣдствіе сего дѣло это поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, нашель, что въ немъ подлежитъ разрѣшенію вопросъ: совершилъ ли Бурденковъ убійство жены съ полнымъ сознаніемъ преступнаго своего дѣянія, и слѣдственно должно ли оно быть вѣнено ему въ вину? Границы вѣняемости преступленій въ вину можетъ опредѣлять только законъ. Въ уложеніи о наказаніяхъ (ст. 101, 102, 103 и 105) съ подробностію исчислены всѣ случаи, при которыхъ преступленіе не вѣняется въ вину, но ни одного изъ сихъ случаевъ не представляется въ настоящемъ дѣлѣ. Родной братъ Бурденкова, другіе свидѣтели и всѣ понятые удостовѣрили, что они никогда не замѣчали, чтобъ Бурденковъ былъ одержимъ какими либо припадками безпамятства, тогда какъ припадки сіи, въ особенности же припадки лунатизма, состоянія

такъ и мачиха его, крестьянка Филатова, а во вторыхъ и возникшее между имъ и женою его неудовольствіе, при возвращеніи его изъ отлучки.

По всѣмъ симъ основаніямъ Государственный Совѣтъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе министра юстиціи и сенаторовъ съ нимъ согласившихся.

Означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоено Высочайшаго утвержденія 21 іюля 1854 г.

Настоящее дѣло представляется особенно замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что оно содержитъ въ себѣ удостовѣреніе высшаго медицинскаго установленія о возможности такого внезапнаго, скоропреходящаго тѣлеснаго разстройства, которое, безъ предшествующей болѣзни, безъ послѣдующаго пораженія умственныхъ способностей, можетъ однако на короткое время лишать человѣка сознанія и воли. Понятно однако, что это удостовѣреніе не могло служить основаніемъ къ освобожденію Бурденкова отъ наказанія. Признавъ вообще возможность извѣстнаго болѣзненнаго разстройства, медицинскій совѣтъ не опредѣлилъ и не могъ опредѣлить дѣйствительность такого разстройства въ данномъ случаѣ и вліяніе его на преступленіе Бурденкова. Для разрѣшенія этого вопроса медицинскій совѣтъ не нашелъ въ дѣлѣ данныхъ: къ этому можно прибавить, что обстоятельства, раскрытыя слѣдствіемъ, заставляютъ склоняться скорѣе въ пользу отрицательнаго, нежели утвердительнаго вывода. Достаточно припомнить точное означеніе Бурденковымъ числа ударовъ, нанесенныхъ имъ женѣ, и сознаніе въ преступленіи, ясно выраженное имъ солдаткѣ Соломонидѣ тотчасъ послѣ происшествія. Но и при совершенномъ отсутствіи всякихъ по этому предмету данныхъ, Бурденковъ едва ли могъ бы избѣжать наказанія за умышленное убійство. Объясненіе самаго пре-

ступника, ничѣмъ не подтвержденное, не можетъ имѣть никакой силы, хотя бы возможность описаннаго имъ болѣзненнаго состоянія и была удостовѣрена наукою. Временное помраченіе умственныхъ способностей часто приводится преступниками въ свое оправданіе, и давать вѣру подобнымъ бездоказательнымъ объясненіямъ—значило бы уничтожить отвѣтственность за большую часть преступныхъ дѣяній, совершенныхъ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и умысла. Вотъ почему наши законы не вмѣняютъ въ вину такіа только преступленія и проступки, которыя совершены больнымъ *въ точно-доказанномъ* припадкѣ умоиступленія или совершеннаго безпамятства (т. XV ч. I ст. 108). Между тѣмъ, болѣзненное состояніе, описанное медицинскимъ совѣтомъ, по самому свойству своему ускользаетъ отъ наблюденія и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть совершенно доказано. *Оно происходитъ отъ неизвѣстныхъ внутреннихъ причинъ, развивается быстро и за тѣмъ также скоро исчезаетъ, не оставляя явственныхъ слѣдовъ предшествующаго разстройства.* Отсюда можно придти къ заключенію, конечно, неутѣшительному, что въ судебной практикѣ преступникъ, совершившій преступленіе подъ вліяніемъ временнаго разстройства, умственныхъ способностей, описанныхъ медицинскимъ совѣтомъ, можетъ быть иногда подвергнутъ наказанію какъ за умышленное преступленіе. Конечно, тщательное изслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаружитъ съ полною ясностью дѣйствительность подобнаго разстройства и такимъ образомъ уничтожитъ вмѣняемость преступленія: но, къ сожалѣнію, такіе случаи едва ли будутъ часты. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, многого можно ожидать отъ судебныхъ слѣдователей, которые безъ сомнѣнія болѣе полицейскихъ чиновниковъ будутъ способны раскрыть психическое состояніе преступника въ моментъ совершенія преступленія, и привести въ ясность внѣшнюю

обстановку его. Ничтожная по видимому подробность этой обстановки часто может повести къ важнѣйшимъ результатамъ: въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, очень важно было бы знать обыкновенное мѣсто нахождения топора, которымъ совершено преступленіе; но это обстоятельство осталось вовсе не обследованнымъ.

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛЮГРАФІЯ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ. *Томъ четвертый*, изданный П. Рьдкинымъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. С. П. Б. 1860 г.

Въ ноябрьскомъ номерѣ нашего журнала за 1859 годъ былъ отданъ отчетъ о третьемъ томѣ юридическихъ записокъ, не издававшихся съ 1842 г.; нынѣ намъ предстоитъ ознакомить читателей съ содержаніемъ четвертаго тома.

На первомъ планѣ находимъ мы здѣсь статью г. Яневича-Яневскаго «о судѣ присяжныхъ въ Англіи.» Что касается вообще вопроса о судѣ присяжныхъ, то замѣтимъ, что рассматриваемый журналъ измѣнилъ относительно его прежній взглядъ свой,—и изъ противника этого учрежденія, какимъ онъ былъ въ 1842 г., нынѣ онъ сдѣлался ревностнымъ его поборникомъ. Конечно, не упрекъ хотимъ мы этимъ сдѣлать

редакціи, а напротивъ ставимъ ей въ заслугу такое измѣненіе направленія ея, ибо это измѣненіе показываетъ, что 18 лѣтъ молчанія не прошли даромъ для журнала и нынѣ онъ является съ характеромъ, соответствующимъ настоящей ступени развитія юридической науки. Чтобы яснѣе указать читателямъ помянутое различіе во взглядахъ журнала на вопросъ о судѣ присяжныхъ, мы позволимъ себѣ провести паралель между прежнимъ и настоящимъ его образомъ мыслей объ этомъ вопросѣ. Такое сравненіе мы считаемъ тѣмъ болѣе полезнымъ, что изъ него яснѣе раскрывается сущность и значеніе суда присяжныхъ.

Разсматриваемая статья имѣетъ цѣлю изложить нѣсколько предварительныхъ общихъ соображеній на счетъ возникновенія смысла и значенія суда присяжныхъ. Хотя статья говоритъ о судѣ присяжныхъ въ Англіи, но въ ней найдемъ разсужденія, касающіяся вообще сущности этого установленія. «Характеристическая черта системы суда присяжныхъ, въ смыслѣ англійскаго права, говоритъ авторъ, заключается въ томъ, что онъ состоитъ изъ сословія людей, которые берутся изъ среды народа для объясненія и открытія истины въ спорныхъ фактахъ дѣла. Присяжные не принадлежатъ къ какому либо отдѣльному отъ прочихъ гражданъ классу или корпораціи, на которую возлагается обязанность судебного разбирательства, но, призываясь къ отправленію своей должности лишь по мѣрѣ надобности и возникающихъ частныхъ случаевъ, возвращаются затѣмъ къ своимъ обыденнымъ трудамъ и занятіямъ, и потому *вполнѣ изъяты отъ предразсудковъ и предубѣжденій*, отъ которыхъ не всегда бываютъ свободны люди, постоянно занимающіеся однимъ дѣломъ.»

Эта выгода разсматриваемаго установленія находитъ себѣ довольно сильное опроверженіе въ юридическихъ запискахъ 1842 г. «Въ присяжные, сказано здѣсь, (*) избираются обычно

(*) Юридич. записки. Т. 2 стр. 134.

венно люди, которые не имѣютъ никакихъ свѣдѣній въ правѣ. Эти свѣдѣнія считаются совершенно ненужными для нихъ оттого, что на нихъ возлагается рѣшеніе, по одному внутреннему убѣжденію, только фактическихъ вопросовъ, а для этого признается достаточнымъ одинъ здравый смыслъ. Но справедливо ли это? Въ началѣ государствъ, когда общественныя и всѣ житейскія отношенія еще слишкомъ просты, и когда право не скрывается въ мертвыхъ письменахъ и буквахъ, а живетъ въ общественномъ обычаѣ, достаточно, конечно, одного здравого смысла и внутренняго убѣжденія для того, чтобы найти простой и справедливый приговоръ. Но въ наше время, когда общественныя отношенія сдѣлались многосложнѣе и запутаннѣе, когда повсюду дѣйствуетъ писанный законъ, необходимо имѣть, при здоровомъ смыслѣ и внутреннемъ убѣжденіи, еще основательное познаніе въ законахъ, дабы быть въ состояніи исполнять, какъ должно, трудную обязанность судьи. Правда, теперь на присяжныхъ возлагается уже только рѣшеніе фактическихъ вопросовъ; для рѣшенія же юридическихъ имъ обыкновенно придаются въ помощь коронныя судьи изъ числа законовѣдцевъ. Но отъ этого ихъ должность не становится такъ легкою, чтобы она могла быть исполнена безъ всякаго знанія законовъ. Подъ именемъ фактическихъ вопросовъ на нихъ возлагается обязанность удостовѣрять или отрицать существованіе слѣдующихъ обстоятельствъ: а) происшествіе, о которомъ идетъ дѣло, заключаетъ ли въ себѣ преступленіе, и если заключаетъ, то какое именно? Далѣе, б) виновенъ ли въ совершеніи этого преступленія подсудимый или нѣтъ? Наконецъ, с) если виновенъ, то можно ли ему вѣнать его вполнѣ, или нѣтъ ли какихъ нибудь обстоятельствъ, которыя уменьшаютъ степень его виновности? Всѣ эти вопросы, какъ бы ихъ ни называли, очевидно, не могутъ быть рѣшены однимъ здоровымъ смысломъ, при помощи внутренняго убѣжденія. Преступленіемъ въ смыслѣ гражданскомъ, называ-

ются, въ наше время, только такія дѣйствія, которыя признають такими дѣйствующіе положительныя законы; одно преступленіе различается отъ другаго извѣстными, закономъ же опредѣляемыми признаками; а вмѣненіе преступныхъ дѣйствій и все вообще основывается на положительныхъ правилахъ. Чтобы отвѣчать на вышеозначенные вопросы, необходимо слѣдуетъ имѣть нѣчто болѣе здраваго смысла и внутренняго убѣжденія: для этого нужно еще и основательное познаніе отечественныхъ законовъ. Какъ же незавидно должно быть положеніе гражданъ тамъ, гдѣ судьямъ уголовнымъ не только не вмѣняется въ обязанность знать законы, но даже запрещается, подъ присягою, и думать объ нихъ въ минуту рѣшенія судьбы подсудимаго! Какъ мало тамъ обезпечена его участь! Что же можетъ быть хуже и ненадежнѣе этихъ судей? Сужденія т. н. здраваго смысла, не всегда и не у всѣхъ одинаковы: что кажется противнымъ здравому смыслу одного, то не представляется такимъ другому смыслу; а субъективное убѣжденіе еще рѣже не бываетъ различно у различныхъ лицъ, и весьма часто зависитъ отъ совершенно случайныхъ причинъ. Какая же защита возможна противъ такихъ приговоровъ, которые истекаютъ только изъ этихъ источниковъ? Если бы присяжные были по крайней мѣрѣ обязаны объяснять причины, на которыхъ они основываютъ свое сужденіе и убѣжденіе, то въ этомъ случаѣ и они были бы осторожнѣе въ своихъ приговорахъ, и еще существовала бы возможность защищаться противъ нихъ. Но, къ несчастію, самъ законъ избавляетъ ихъ отъ этой обязанности. Безъ всякаго отчета и отвѣтственности они даютъ свои приговоры, и притомъ такъ, что, однажды данные, они считаются неопровержимыми. Противъ нихъ нѣтъ ни ревизіи, ни апелляціи, ниже другаго какого-нибудь средства, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ случаевъ. Такое мнѣніе имѣеть, конечно, свою долю основательности, но оно въ настоящей статьѣ опровергается слѣдующимъ

образомъ. Для того, чтобы быть присяжнымъ, говоритъ авторъ, не нужно быть законовѣдцемъ. Присяжные рѣшаютъ только фактическіе вопросы. Но какъ факты нерѣдко бываютъ смѣшаны съ правомъ, даже въ дѣлахъ уголовныхъ, то судьи помогаютъ присяжнымъ, управляютъ ходомъ дѣла, объясняютъ имъ встрѣчные юридическіе пункты и, наконецъ, примѣняютъ законъ къ объявленному ими приговору. На этой взаимной и дружной дѣятельности магистратуры, элемента постоянного съ одной, и элемента народнаго возобновляющагося по каждому дѣлу съ другой стороны, и зиждется настоящій, истинный смыслъ установленія присяжныхъ. Если судьи обладаютъ большею степенью образованности и опытности въ дѣлахъ, то присяжные, взятые изъ разныхъ классовъ общества и, по роду своихъ занятій, близко знакомые съ привычками, наклонностями, общественнымъ и частнымъ бытомъ всѣхъ прочихъ классовъ, вносятъ съ собою въ судъ ту полноту и свѣжесть взгляда, ту долю практическихъ свѣдѣній и знанія жизни и людей, которыхъ не достаетъ судьямъ. Въ этомъ смыслѣ присяжные могутъ быть лучшими судьями виновности или невинности, вмѣняемости или невмѣняемости, смотря по особенностямъ положенія каждаго обвиняемаго. Ихъ приговоръ есть дѣйствительно какъ-бы голосъ самаго народа, самой страны (отсюда выраженіе: trial by the country). Подсудимый чувствуетъ, что присяжные, будучи его равными, какъ граждане, не имѣютъ никакой причины быть пристрастными, что они понимаютъ его, что они въ состояніи перенестись въ его сферу, представить себя на его мѣстѣ, проникнуться его жизнію, вдуматься въ его душу, оцѣнить надлежащимъ образомъ обстоятельства, въ которыхъ онъ находился; потому онъ спокойно довѣряетъ имъ; видитъ, такъ сказать, въ ихъ совѣсти свою собственную совѣсть, и въ этомъ актѣ созерцанія, въ этомъ чувствѣ довѣрія находитъ, выражаясь словами Гегеля, удовлетвореніе своему самосознанію.

Но и такое положеніе г. Яневича-Яневскаго находятъ себѣ опроверженіе въ журналѣ за 1842-й годъ. Здѣсь мы читаемъ: «съ перваго взгляда представляется, что тамъ, гдѣ судъ по преступленіямъ ввѣряется народнымъ судьямъ, личная гражданская свобода ограждается болѣе, нежели тамъ, гдѣ онъ предоставляется короннымъ судьямъ; что по крайней мѣрѣ народъ имѣетъ болѣе довѣренности къ своимъ собственнымъ судьямъ, нежели къ тѣмъ, которые состоятъ на службѣ коронной. Весьма, кажется, естественно, что первые, совершенно завися отъ народа, всегда бываютъ внимательнѣе къ его интересамъ, нежели послѣдніе, которые прямо зависятъ отъ правительства, а потому ему особенно и радѣютъ, стараясь выслужиться въ глазахъ его.»

Но 1) такое отдѣленіе интересовъ правительства отъ интересовъ народа возможно только тогда, когда государство находится не въ нормальномъ состояніи, въ его же нормальномъ состояніи польза правительства и народа одна и таже. Кромѣ того, 2) все это мнѣніе основывается на какой-то странной и обидной недовѣрчивости къ государственнымъ чиновникамъ, какъ будто-бы они, по самому свойству своему, болѣе способны къ злоупотребленію ввѣренной имъ власти. Напротивъ, тамъ, гдѣ, какъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, имъ предоставлена возможно-большая степень независимости и самостоятельности, гдѣ при опредѣленіи ихъ употребляется величайшая осмотрительность, и гдѣ наконецъ слѣдствіе по преступленію производится одними лицами, а судъ другими, отъ нихъ можно еще скорѣе ожидать безпристрастія, нежели отъ народныхъ судей. Народные судьи, если и свободны отъ вліянія государственной власти, за то они всегда находятся подъ вліяніемъ духа партій, и кромѣ того, весьма часто сами лично бываютъ прикосновенны къ тѣмъ дѣламъ, о которыхъ судятъ. Правда, пристрастіе, которое происходитъ отъ этихъ причинъ, почти всегда клонится къ пользѣ народа, но и на-

оборотъ, отъ него народъ терпитъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько и отъ того, которое оказывается слѣдствіемъ другаго вѣшняго вліянія. Неужели истинная гражданская свобода состоитъ въ томъ, чтобы преступленіе оставалось безъ должнаго воздаянія? Если она терпитъ тогда, когда подъ предлогомъ преступленія обезпокоиваются невинные, или и дѣйствительно виновные наказываются болѣе, нежели сколько должно, то она не менѣе терпитъ и тогда, когда виновные или вовсе остаются безъ наказанія, или же наказываются легче. Гдѣ преступленіе не наказывается, тамъ нѣтъ и не можетъ быть безопасности правъ, слѣдовательно нѣтъ и не можетъ быть истинной гражданской свободы. Но и отъ вліянія государственной власти народныя судьи совсѣмъ не такъ свободны, какъ то представляется съ перваго взгляда. Во первыхъ самый выборъ ихъ всегда, какъ извѣстно, болѣе или менѣе отъ нея зависитъ. Но главнымъ образомъ это вліяніе слишкомъ ясно обнаруживается тамъ, гдѣ въ уголовныхъ судахъ съ народными судьями засѣдаютъ и государственные чиновники.

Разсмотримъ однако дальнѣйшее содержаніе статьи г. Яневича-Яневскаго. Указавъ, какъ выше замѣчено, значеніе суда присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ, авторъ говоритъ, что не слѣдуетъ думать, будто судъ присяжныхъ имѣетъ благотѣльное вліяніе только въ уголовномъ судопроизводствѣ, или что существованіе его могло бы быть прочно, если бы оно было ограничено одними уголовными дѣлами. Въ подтвержденіе этого авторъ приводитъ слова Токвилля, по мнѣнію котораго если суду присяжныхъ предоставлены однѣ лишь уголовныя дѣла; народъ видитъ судъ этотъ въ дѣйствиіи лишь изрѣдка и только въ частныхъ случаяхъ, почему привыкаетъ обходиться безъ него въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ и считаетъ его уже не единственнымъ средствомъ, но лишь однимъ изъ средствъ къ достиженію правосудія. Когда же,

напротивъ, судъ присяжныхъ, какъ это видимъ въ Англии и Сѣверной Америкѣ, распространенъ и на гражданскія дѣла, въ такомъ случаѣ примѣненіе его совершается постоянно предъ глазами гражданъ и соприкасается со всѣми ихъ интересами; всякій принимаетъ въ немъ участіе; онъ проникаетъ въ обыкновенія жизни и до того пріучаетъ умы къ своимъ формамъ, что дѣлается для нихъ такъ сказать, тождественнымъ съ самою идеею правосудія.

Поэтому, говоритъ Токвиль, институтъ присяжныхъ, ограниченный одними лишь уголовными случаями, находится всегда въ опасности; но, введенный однажды по дѣламъ гражданскимъ, онъ побѣждаетъ и время, и усилія людей.

Судъ присяжныхъ, и въ особенности такой судъ по дѣламъ гражданскимъ, передаетъ гражданамъ часть свойствъ и образа мыслей судьи. Онъ распространяетъ во всѣхъ классахъ общества уваженіе къ законнымъ рѣшеніямъ и учитъ справедливости на практикѣ. Всякій, будучи судьей въ дѣлѣ своего сосѣда, думаетъ о томъ, что послѣдній въ свою очередь можетъ сдѣлаться его судьей. Въ этомъ заключается совершенно особенное свойство гражданского суда присяжныхъ, ибо если и рѣдко кто опасается впасть въ уголовное преступленіе, за то всякій легко можетъ быть вовлеченъ въ тяжкое дѣло. Судъ присяжныхъ по дѣламъ гражданскимъ научаетъ гражданъ не бояться ответственности за свои законныя дѣйствія, что придаетъ имъ твердости характера, безъ которой нѣтъ гражданского мужества. Онъ облачаетъ всякаго гражданина нѣкоторою степенью власти должностного лица и даетъ всѣмъ чувствовать, что они имѣютъ обязанности къ обществу и принимаютъ, такъ сказать, участіе въ его управленіи. Онъ заставляетъ людей заниматься еще чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ собственныхъ дѣлъ, и противодействуетъ эгоизму, столь вредному для блага общественнаго.

Кромѣ того, судъ присяжныхъ по дѣламъ гражданскимъ есть сильное споспѣшествующее средство къ развитію способностей и просвѣщенія въ народѣ. Это, по мнѣнію Токвилля, есть главное его достоинство. Онъ называетъ его даровую школу, всегда открытую, гдѣ всякій присяжный познаетъ свои законныя права и обязанности, гдѣ онъ приходитъ въ ежедневное соприкосновеніе съ самыми образованными и просвѣщенными людьми высшихъ классовъ общества, и гдѣ ему преподаются законы практическимъ и понятнымъ для него образомъ, стараніями адвокатовъ, наставленіями судьи и даже усиліями участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ.

Въ дѣлахъ уголовныхъ, замѣчаетъ тотъ же писатель, гдѣ общество борется съ однимъ человѣкомъ, присяжные нерѣдко смотрятъ на судью, какъ на страдательное орудіе общественной власти, и не довѣряютъ его мнѣніямъ, тѣмъ болѣе, что эти дѣла основываются преимущественно на простыхъ фактахъ, которые легко оцѣнить однимъ здравымъ смысломъ. Здѣсь судья и присяжные болѣе равны другъ другу. Но въ процессахъ гражданскихъ положеніе ихъ совершенно измѣняется. Судья является тутъ какъ-бы безпристрастнымъ посредникомъ между обѣими тяжущимися сторонами. Присяжные довѣряютъ ему, слушаютъ его съ уваженіемъ, и онъ вполне овладѣваетъ ими, объясняя имъ силу приведенныхъ аргументовъ, законовъ, руководя и направляя ихъ во всѣхъ поворотахъ дѣла, и приготовляя ихъ къ отвѣту на вопросъ, требующій рѣшенія. Вліяніе его здѣсь почти безпредѣльно. Присяжные всякій разъ по крайней-мѣрѣ, когда рѣчь не касается чистыхъ фактовъ, произносятъ собственно приговоръ, данный судьей. Они сообщаютъ этому приговору авторитетъ общества, которое представляютъ, а судья—авторитетъ разума и закона.

Этимъ не ограничивается вліяніе судьи. Оно слѣдуетъ за нимъ и внѣ ограды судебныхъ мѣстъ. Въ отдохновеніяхъ

частной, какъ въ трудахъ политической жизни, въ публичныхъ собраніяхъ, какъ и въ законодательныхъ камерахъ, всюду судья находитъ людей, привыкшихъ видѣть въ его умѣ пѣчтo, имѣющее превосходство надъ ними, и власть его, утвердившись однажды въ рѣшеніи дѣлъ, проявляется наконецъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ тѣхъ самыхъ людей, которые совмѣстно съ нимъ рѣшали эти дѣла. И такъ, заключаетъ Токвилль; присяжные, которые, по видимому уменьшаютъ права магистратуры, на самомъ дѣлѣ лишь утверждаютъ ея могущество, и нигдѣ судьи не пользуются такимъ сильнымъ вліяніемъ, какъ тамъ, гдѣ народъ раздѣляетъ съ ними ихъ преимущества.

Далѣе авторъ указываетъ, что система суда присяжныхъ, призывая гражданъ къ участию въ отправленіи правосудія, чрезъ то самое дѣлаетъ ихъ, въ значительной степени ответственными за правильность и чистоту дѣйствій судебныхъ мѣстъ, въ чемъ также заключается немаловажное ея преимущество. Система эта должна непременно отозваться на самосознаніи народа, когда столь многіе изъ его среды призываются къ исполненію священныхъ обязанностей присяжнаго и даютъ, подъ клятвою, обѣщаніе оставлять въ сторонѣ и гнѣвъ, и страхъ, и несправедливость, и не допускаютъ себя, ради любви или дружбы, къ уклоненію отъ исполненія своего торжественнаго долга; когда они видятъ непоколебимую твердость и честность, съ которыми отправляется правосудіе, и внимаютъ спокойному безпристрастному голосу судьи, который держитъ въ рукахъ своихъ вѣсы правосудія до того ровно, что часто бываетъ трудно угадать, на какую сторону склоняется его личное мнѣніе, или какой изъ сторонъ онъ желаетъ успѣха.

Таково преимущественно соціальное значеніе института суда присяжныхъ въ Англій.

Но судъ присяжныхъ говоритъ, авторъ, можетъ быть еще разсматриваемъ съ другой точки зрѣнія. Онъ есть также по-

литическое установление. Le jury, говоритъ Токвилль, est une institution politique.

Сущность его заключается въ томъ, что онъ дѣлаетъ народъ посредникомъ въ вопросахъ, касающихся жизни, собственности и независимости гражданъ. Значеніе суда присяжныхъ съ политической стороны авторъ объясняетъ на основаніи мыслей Форсита, изложенныхъ въ его сочиненіи подъ заглавіемъ: «History of trial by jury.» Отсылая желающихъ познакомиться съ этими мыслями къ рассматриваемой статьѣ, приведемъ заключительныя слова автора: «многое можно было бы еще сказать о достоинствѣ суда присяжныхъ въ Англии, какъ судебного института, какъ мѣрила юридической правды. Но мы, согласно съ Токвиллемъ, ограничимся, въ заключеніе, лишь слѣдующимъ соображеніемъ. Когда англичане усвоили себѣ учрежденіе суда присяжныхъ, они были полуварвары; съ тѣхъ поръ они сдѣлались однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ на земномъ шарѣ, и ихъ приверженность къ суду присяжныхъ, казалось, росла вмѣстѣ съ ихъ просвѣщеніемъ. Выступивъ за предѣлы своей территоріи, они разсѣялись по лицу всей вселенной. Одни образовали колоніи, другіе независимыя государства; корпусъ націи удержалъ власть королевскую; многіе изъ эмигрантовъ основали могущественныя республики; но вездѣ и постоянно англичане провозглашали принципъ суда присяжныхъ, всюду вводили этотъ судъ, или немедленно его возстановляли.

Судебное учрежденіе, за которое такимъ образомъ стоитъ великая нація въ теченіе дѣлаго ряда вѣковъ, которое воспроизводится съ усердіемъ во всѣ эпохи цивилизаціи, во всѣхъ климатахъ, подъ всѣми формами правленія, которое такъ высоко ставится тѣми народами, у коихъ оно существуетъ, учрежденіе, которое ограждаетъ священнѣйшія права чловѣка, права жизни, свободы, собственности, самую крѣпкою оградю, какую только въ состояніи придумать чловѣчес-

кая предусмотрительность, такое учреждение не может не удовлетворять вполне требованіямъ и духу справедливости и правды.

Далѣе укажемъ на статью г. Владиславлева, «объ обезпеченіи исковъ,» написанную по поводу помѣщенного въ сентябрьской книжкѣ нашего журнала въ отдѣлѣ судебной практики рѣшенія общаго собранія Сената по вопросу о порядкѣ обезпеченія исковъ въ дѣлахъ, производящихся общимъ судебнымъ порядкомъ. Общее собраніе Сената относительно этого вопроса признало, что предъявляемый истцомъ искъ можетъ быть обезпеченъ не прежде, какъ по обсужденіи судебнымъ мѣстомъ силы представленныхъ истцомъ доказательствъ и по восплѣдованіи рѣшенія суда первой степени о правильности предъявленнаго иска. Г. Владиславлевъ, указавъ на недостаточность вообще отечественныхъ постановленій относительно вопроса объ обезпеченіи исковъ, не опредѣляющихъ, по всякому ли иску налагать запрещеніе, при какихъ условіяхъ, достаточно ли одной просьбы о томъ истца, въ какой моментъ иска слѣдуетъ налагать запрещеніе—при началіи его или по постановленіи по дѣлу судебного рѣшенія, относительно вышеуказаннаго рѣшенія Сената говоритъ: пополненъ ли этимъ разрѣшеніемъ столь замѣтный пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ на счетъ обезпеченія исковъ? Нѣтъ, потому что прежнія неопредѣлительныя и недостаточныя изреченія закона остались въ томъ же видѣ. Одинаково ли ограждены рѣшеніемъ общаго собранія права тяжущихся въ отношеніи къ начатому иску? Нельзя дать и здѣсь положительнаго отвѣта. Конечно, при обезпеченіи иска не прежде, какъ по признаніи правильности его судебнымъ рѣшеніемъ, отвѣтчикъ не подвергается стѣсненію, въ случаѣ неосновательнаго требованія истца; но не равноѣрнымъ этому положенію представляется положеніе истца, удовлетвореніе котораго, въ случаѣ признанія права его судомъ, можетъ быть еще сомнительно и зависимо отъ отвѣтчика, которому легко уклониться при началіи иска отъ взысканія, со-

крытіемъ или переводомъ своего имущества въ постороннія руки. Кажется, было бы болѣе справедливо установить, чтобы при начатіи каждаго иска, судебныя мѣста немедленно постановляли опредѣленіе о томъ, долженъ ли быть искъ обезпеченъ или нѣтъ, соображаясь съ представленными къ дѣлу доказательствами. Такое опредѣленіе должно быть постановляемо частнымъ порядкомъ, независимо отъ хода дѣлъ по существу его, и потому оно нисколько не будетъ стѣснять судебныя мѣста при окончательномъ рѣшеніи дѣлъ, въ коемъ частныя опредѣленія могутъ быть отмѣняемы, а между тѣмъ, при недостаточности и неопредѣлительности настоящихъ узаконеній объ обезпеченіи исковъ, такимъ способомъ разрѣшался бы сколь возможно удовлетворительно вопросъ объ обезпеченіи исковъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая. Этотъ способъ согласенъ и съ дѣйствующимъ нынѣ закономъ, по которому, при предъявленіи спора по завѣщанію, что имѣніе, названное въ ономъ благопріобрѣтеннымъ, есть родовое, должны быть представлены акты или сдѣлана ссылка на судебныя опредѣленія, доказывающія, что спорное имѣніе досталось завѣщателю по наслѣдству или хотя по завѣщанію же, но отъ такого лица, по смерти котораго тотъ послѣдній завѣщатель былъ прямымъ и непосредственнымъ наслѣдникомъ, и если представленные акты окажутся неподверженными сомнѣнію, или ссылка подтвердится достоверною справокою, то спорное имущество до рѣшенія дѣла поручается опекунскому управленію.»

Здѣсь позволимъ себѣ замѣтить, что общее собраніе Сената не могло имѣть цѣлю своимъ разрѣшеніемъ вопроса объ обезпеченіи иска *пополнить пробѣлъ* въ этомъ отношеніи въ нашемъ законодательствѣ, ибо Сенатъ не имѣетъ своимъ назначеніемъ начертывать новые законы, не имѣетъ права выходить изъ предѣловъ законныхъ предписаній, но можетъ только толковать законъ, объясняя и примѣняя его сообразно съ духомъ законодательства и при руководствѣ судебныхъ обы-

чаевъ. Слѣдовательно, Сенатъ не могъ начертать новыхъ правилъ относительно обезпеченія исковъ, и потому замѣчаніе автора, что рѣшеніе общаго собранія не пополнило пробѣла въ нашемъ законодательствѣ на счетъ обезпеченія исковъ, ибо прежнія неопредѣлительныя и недостаточныя изреченія закона остались въ этомъ же видѣ, не имѣютъ значенія. Другое дѣло, разсуждать объ этомъ вопросѣ научно и предлагать проектъ измѣненій относительно его: здѣсь мысль проектирующаго не стѣснена, не обязательна и не сопровождается непременно приложеніемъ къ практикѣ. По этому г. Владиславлевъ могъ съ полною свободою изслѣдовать разсматриваемый вопросъ и предложить мѣры, вполне независящія отъ существующихъ постановленій и сообразныя съ самою цѣлію обезпеченія иска. Но далеко ли онъ ушелъ отъ опровергаемаго имъ взгляда Сената? Сенатъ опредѣлилъ, что искъ обезпечивается *по обсужденіи судебнымъ мѣстомъ силы представленныхъ истцомъ доказательствъ и по воспослѣдованіи рѣшенія суда первой степени о правильности предъявленнаго иска*, а г. Владиславлевъ предлагаетъ, чтобы судебныя мѣста *немедленно* опредѣляли, долженъ ли быть искъ обезпеченъ, или нѣтъ, *соображаясь съ представленными доказательствами*.

Слѣдовательно, и по мнѣнію г. Владиславлева, судъ долженъ обсуждать силу этихъ доказательствъ, а это составляетъ уже большую половину дѣла, ибо послѣ разсмотрѣнія доказательствъ труднѣйшая часть дѣла кончена и приговоръ не можетъ замѣдлиться. Отсюда понятно, что требованіе автора о *немедленномъ* опредѣленіи суда объ обезпеченіи иска не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ непременно пройдетъ достаточное количество времени прежде, чѣмъ судъ взвѣситъ силу доказательствъ и въ это время отвѣтчику, говоря словами автора, легко уклониться при началіи иска отъ взысканія, сокрытіемъ или переводомъ своего имущества въ постороннія руки. Такимъ образомъ положеніе истца едва ли много обезпечивается и придуманною авторомъ мѣрою. Но эта мѣра

имѣетъ еще и тотъ важный недостатокъ, что она нисколько не устраняетъ произвола судей относительно обезпеченія иска и не устанавливаетъ равенства въ этомъ отношеніи правъ истцовъ и одинаковости въ образѣ дѣйствій судовъ.

Разсматривая вопросъ объ обезпеченіи иска не на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, такъ какъ возрѣніе законодательства на этотъ вопросъ вполне выразилось въ опредѣленіи общаго собранія, напечатанномъ въ нашемъ Журналѣ, а со стороны чисто теоретической, намъ кажется онъ получилъ бы удовлетворительное разрѣшеніе, при обращеніи вниманія на сущность гражданскаго процесса. Въ гражданскомъ процессѣ, какъ извѣстно, волю спорящихъ лицъ предоставлено обширное поле дѣятельности: отъ воли лица зависитъ начать процессъ, отъ его же воли зависитъ обставить его надлежащими объясненіями и доказательствами и обезпечить такимъ образомъ желаемый исходъ дѣла, наконецъ отъ воли лица зависитъ и отказать отъ своего домогательства и тѣмъ положить конецъ процессу. Предоставленіе этихъ правъ самимъ спорящимъ и невмѣшательство въ это дѣло суда вполне справедливо, ибо гражданскія отношенія между лицами принимаютъ характеръ *спорнаго* дѣла, собственно говоря, *по воли* самихъ лицъ. Именно дѣло становится спорнымъ потому, что лица, вступившія между собою въ какое либо гражданское отношеніе, *не пожелали* опредѣлить этого отношенія такъ, чтобы оно оставалось *безспорнымъ* и слѣдовательно если отношеніе становится спорнымъ, то по воли и винѣ этихъ лицъ, недостаточно опредѣлившихъ взаимныя права ихъ относительно другъ друга и пренебрегшихъ средствами, указанными закономъ для такого опредѣленія. Отсюда понятно, что если лица *сами* виновны въ томъ, что ихъ отношеніе стало спорнымъ, то на самихъ же этихъ лицахъ должна лежать обязанность изысканія средствъ, къ тому, чтобы снова возстановить *безспорный* характеръ этихъ отношеній; по этому то *сами* лица и должны начинать тяжбу и искъ, представлять доказательства, слѣдить за ходомъ

процесса и содѣйствовать возможно успѣшному его окончанію. Но коль скоро заботы объ успѣшномъ ходѣ процесса возложены на самихъ спорящихъ лицъ, то естественно и заботы объ обезпеченіи иска ихъ должны лежать на ихъ же обязанности, т. е. отъ воли истца должно зависѣть принять или не принимать мѣръ къ тому, чтобы искъ его былъ обезпеченъ, другими словами: *обезпеченіе иска должно имѣть мѣсто не иначе, какъ вслѣдствіе поданнаго объ этомъ въ судъ прошенія истца.* Далѣе возникаетъ вопросъ: по всякому ли иску можетъ быть наложено запрещеніе, въ случаѣ просьбы о томъ истца? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ должно отвѣтить утвердительно, ибо обезпеченіе иска есть одно изъ допущенныхъ закономъ средствъ, дарованныхъ частному лицу для достиженія успѣшнаго результата иска, а коль скоро всѣ средства къ этому, какъ то: подача прошеній, представленіе доказательствъ и т. п. лежать на истцѣ, то нѣтъ основанія не давать ему свободнаго пользованія и разсматриваемымъ средствомъ. Правда, противъ этого можно возразить, что предоставленіе истцу права требовать обезпеченія иска несогласно съ интересами отвѣтчика, который, въ случаѣ неправаго иска, напрасно потерпитъ стѣсненія и убытки, но противъ этого могутъ служить строгія предписанія закона о штрафахъ за неправильное вчинаніе иска и о вознагражденіи со стороны истца всѣхъ ущербовъ, которые понесетъ оправданный отвѣтчикъ вслѣдствіе требованія истца объ обезпеченіи его иска. Наконецъ изъ всего сказаннаго ясенъ отвѣтъ на вопросъ: въ какой моментъ иска слѣдуетъ налагать запрещеніе? Запрещеніе должно налагать тотчасъ по поступленіи объ этомъ въ судъ прошенія истца.

Разсмотримъ дальнѣйшее содержаніе «юридическихъ записокъ.»

Здѣсь укажемъ на статью «юридическая техника» (изъ Игеринга). Подробное разсмотрѣніе содержанія этой статьи завлекло бы насъ слишкомъ далеко и чрезъ мѣру увеличило бы

объемъ нашей рецензіи; поэтому мы не станемъ излагать содержанія настоящей статьи и приведемъ только, что разумѣетъ авторъ подъ словомъ *техника*. «Мы употребляемъ это выраженіе,» говоритъ авторъ, «въ двоякомъ смыслѣ: субъективномъ и объективномъ. Въ первомъ случаѣ мы разумѣемъ подъ нимъ юридическое искусство, задача котораго состоитъ въ формальной отдѣлкѣ данной матеріи права, а въ послѣднемъ осуществленіе этой задачи въ самомъ правѣ, т. е. сообразный съ правилами искусства механизмъ права, устроенный такъ, чтобы онъ по возможности способствовалъ приложенію права къ дѣлу и облегчалъ эту операцію». Сообразно этому, вся дѣятельность юридической техники подводится подъ двѣ главные цѣли: 1) возможное облегченіе субъективнаго обладанія правомъ (т. е. усвоенія, изученія, уразумѣнія, познанія права), средствомъ къ чему служитъ упрощеніе права въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ и 2) возможное облегченіе операціи приложенія права (удобоисполнимость, практичность права). Кромѣ того замѣтимъ, что, по словамъ автора, теорія юридической техники, предлагаемая имъ, выведена изъ разсматриванія римскаго права, но тѣмъ не менѣе она имѣетъ притязаніе на всеобщую истинность.

Первыя начала юридическаго метода повсемѣстны, и римляне прославились только тѣмъ, что не остановились на первыхъ началахъ. Юридическій методъ не есть нѣчто такое, что было бы внесено въ право извнѣ, а есть единственный способъ непогрѣшительнаго отпращиванія права на практикѣ, установленный самимъ правомъ, вслѣдствіе его внутренней необходимости. Исторіи принадлежатъ не самый этотъ методъ, а только искусство и талантъ, съ какими пользовался имъ тотъ или другой народъ.

Отсылая желающихъ ближе познакомиться съ этою статьею къ самому журналу, въ которомъ помѣщена она, скажемъ, что за достоинство ея должно ручаться имя Игеринга, но замѣтимъ, что она еще болѣе бы выиграла, при предложеніи ея русскимъ

читателямъ, если бы составитель ея, приглашающій и неюристовъ слѣдовать за его изложеніемъ, выражался болѣе общедоступно и не наполнялъ своего изложенія техническими, философскими и юридическими терминами и иностранными словами, едва ли всегда доступными для неюриста. Приведемъ, въ доказательство словъ нашихъ, какое либо мѣсто изъ статьи. Такъ, напр., излагая вопросъ о юридическомъ анализѣ, составитель статьи говоритъ: «намъ хотѣлось бы назвать методу законодательнаго рѣшенія вопроса, раздробляющую и разсѣивающую матеріалъ по разнымъ мѣстамъ, *методомъ локализирующею*. Однакожъ *абсолютное локализованіе* юридическаго матеріала дѣло невозможное: *моментъ* всеобщности, заключающійся въ самихъ вещахъ, обнаружить свое вліяніе безъ вѣдома и воли законодателя, и еслибы законодатель локализовалъ матеріалъ даже до послѣдней возможности, то и тогда еще юриспруденція могла бы заимствовать нѣкоторыя, хотя и общія отвлеченности изъ этого матеріала. Противуположный этому родъ *продукціи* права есть *продукція* отвлеченная. Цѣль ея состоитъ не въ обобщеніи всего юридическаго матеріала, а лишь въ томъ, чтобы обобщать изъ него столько, сколько возможно, т. е. стремиться къ тому, чтобы какой нибудь вопросъ, общій по своему свойству (не ограничиваемый какою либо особенностью), признавался именно за общій вопросъ, и чтобы отвѣтъ на него былъ по возможности тоже общій. *Продукція* эта основана на разложеніи юридическихъ учрежденій, потому что, отдѣляя вопросы, какіе могутъ встрѣтиться при томъ и другомъ изъ нихъ, она устраняетъ общіе *элементы* и оставляетъ только особенность учрежденія, рѣшительно неулетучиваемые болѣе осадки *моментовъ* или вопросовъ, составляющихъ сущность именно этого особеннаго вида. *Локальная*, мѣстная продукція права, насколько, вообще, требуются здѣсь *позитивныя* юридическія положенія (т. е. если *индивидуальность* не представляется при этомъ понятіемъ необходимымъ), такъ же для этихъ вопросовъ умѣстна, какъ для помянутыхъ об-

щихъ элементовъ продукція отвлеченная. Чѣмъ болѣе совершенствуются законодательство или наука, тѣмъ болѣе юридическій матеріалъ будетъ переходить изъ *конкретныхъ* областей въ *абстрактныя*: въ неразвитомъ правѣ первыя будутъ имѣть перевѣсъ надъ послѣдними, а въ развитомъ послѣднія надъ первыми. Но сила вещей полагаетъ извѣстные предѣлы и этому направленію: на практикѣ, *абсолютно отвлеченная продукція юридическаго матеріала* столько же неисполнима, какъ и *абсолютно локализирующая*. Для практическихъ потребностей (*utilitas*) бываетъ иногда необходимо, чтобы отвлеченное правило было припесено въ жертву какому нибудь рѣзко особенному отношенію, и чтобы вопросъ, общій самъ по себѣ, былъ рѣшенъ здѣсь локально. Это римское *jus singulare*. Такъ называется, однакожъ, не чисто *локальное* право, напр. не особенныя правила *консесуальныхъ*, *согласительныхъ* контрактовъ въ противоположность контрактамъ *реальнымъ*, а лишь *локальное* уклоненіе отъ общаго самаго по себѣ *принципа* (*ratio juris*). Юридическія положенія, *необходимо локальныя* по своему свойству, не содержатъ въ себѣ никакого уклоненія отъ общаго, потому что общее для нихъ не существуетъ: они *спеціальныя*, а не *сингулярныя*, ни исключительны. Столь же мало можно говорить о *jure singulare* и тамъ, гдѣ весь матеріалъ *локализованъ*, какъ, напр., при срокахъ давности: гдѣ нѣтъ правила, тамъ нѣтъ и исключенія».

Затѣмъ укажемъ на «уголовные процессы съ психологической точки зрѣнія», начатыя печатаніемъ въ 3-мъ томѣ юридическихъ записокъ.

Здѣсь помѣщены 2 процесса: 1) «до чего можетъ довести страсть къ деньгамъ» и 2) «воровство и клентоманія». Въ первомъ примѣрѣ рассказывается, что одинъ еврей, увлеченный въ покражѣ лотерейнаго билета и полученіи по билету выигрыша, рѣшился уморить себя голодною смертію чтобы только не указать слѣдователямъ мѣсто, гдѣ были спря-

таны деньги, во второмъ говорится о человѣкѣ, имѣвшемъ страсть къ кражѣ гусей.

Далѣе скажемъ о небольшой статьѣ г. Владиславлева, о судебныхъ раздѣлахъ. «Въ числѣ дѣлъ», говоритъ авторъ, «затрудняющихъ судебныя мѣста въ разрѣшеніи ихъ, не последнее мѣсто занимаютъ судебныя раздѣлы наслѣдственныхъ имѣній. Трудность эта возникаетъ отъ установленнаго закономъ правила, вслѣдствіе котораго при каждомъ раздѣлѣ вѣлѣно составлять жеребьи по соразмѣрности слѣдующихъ наслѣдникамъ частей, равныя въ качествѣ, удобства и прочихъ выгодахъ. Условіе это, при несогласіи или спорѣ наслѣдниковъ въ распредѣленіи наслѣдственныхъ частей, рѣдко можетъ быть выполнимо, по невозможности для судебного мѣста получить вѣрныя мѣстныя свѣдѣнія о цѣнности и качествахъ дѣлимаго имѣнія, а потому судебныя мѣста поставлены въ необходимость ограничиваться, въ распредѣленіи имѣній на наслѣдственныя части, числомъ душъ и количествомъ земли. Естественнымъ послѣдствіемъ того бываютъ неравномѣрность наслѣдственныхъ частей, дробность имѣній и слѣдовательно упадокъ ихъ цѣнности. То и другое происходитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: 1) отъ неимѣнія экспертовъ, которые были бы обязаны производить точную, истинную оцѣнку имущества, подлежащихъ раздѣлу, и въ случаѣ спора наслѣдниковъ о распредѣленіи долей, дѣлать такое распредѣленіе, соображаясь съ тѣмъ, можетъ ли имѣніе съ удобствомъ быть раздѣлено на части и представлять соображенія свои суду, и 2) отъ требованія закона, чтобы наслѣдственное имѣніе непременно было раздѣлено на части. Въ нашемъ законодательствѣ не принято двухъ самыхъ вѣрныхъ и легкихъ способовъ, допускаемыхъ другими законодательствами въ случаѣ затруднительности раздѣла имѣнія на части: продажи имѣнія съ удовлетвореніемъ наслѣдниковъ вырученными деньгами, или предоставленія одному изъ наслѣдниковъ удержать имѣніе за собою, по оцѣнкѣ, съ обязанностью удовлетворить другихъ денежными

выдачами. Послѣдній изъ способовъ, только въ видѣ исключенія, примѣняется къ имѣнιάмъ нераздробляемымъ.

Послѣ этихъ словъ авторъ вкратцѣ указываетъ на правила о судебныхъ раздѣлахъ, постановленныя законодательствами французскимъ, англійскимъ, гамбургскимъ, шведскимъ и баварскимъ. Намъ кажется, что напрасно авторъ ограничился только указаніемъ на постановленія объ избранномъ имъ предметѣ иностранныхъ законодательствъ. Одна простая выписка этихъ постановленій, безъ критической оцѣнки ихъ и безъ указанія, могутъ ли онѣ и которыя именно изъ нихъ быть примѣнены къ отечественнымъ законамъ и замѣнить собою наши постановленія,—не можетъ, по нашему мнѣнію, имѣть большаго значенія. Кромѣ того замѣтимъ, что если авторъ взялъ на себя разсуждать о раздѣлѣ наслѣдства, то для того, чтобы находить относительно этого вопроса недостаточность нашихъ постановленій и сравнивать ихъ съ постановленіями другихъ государствъ, надобно предварительно уяснить себѣ начала, принятыя отечественнымъ законодательствомъ, и цѣли его относительно этого вопроса, а не основываться на какой либо отдѣльной статьѣ и только ее одну подвергать критикѣ, безъ обращенія вниманія на связь ея съ другими постановленіями. Именно авторъ всѣ свои выводы основываетъ на ст. 1322-й и говоритъ, что «*трудность* рѣшенія дѣлъ о судебныхъ раздѣлахъ возникаетъ отъ установленнаго закономъ правила, вслѣдствіе котораго при каждомъ раздѣлѣ составляются жеребьи по соразмѣрности слѣдующихъ наслѣдникамъ частей, равныя въ качествѣ, удобства и прочихъ выгодахъ.» Въ этихъ словахъ г. Владиславева виденъ какъ бы упрекъ такому постановленію, *затрудняющему* судебныя мѣста; но съ одной стороны *трудность* исполненія мѣры не доказываетъ ея недостаточности, а съ другой относительно настоящаго постановленія, трудность эта на практикѣ значительно устраняется тѣмъ, что законъ старается по возможности ограничить раздѣлъ наслѣдства судомъ и старается ввести

раздѣлъ полюбовный. Это стремленіе законодательства ясно видно изъ ст. 1317 ч. I т. X., по которой если раздѣлъ, по причинѣ семейственной вражды и споровъ между наслѣдниками, не будетъ ими окончень полюбовно въ два года, тогда оный производится по законамъ надлежащимъ судебнымъ мѣстомъ, до окончанія же *судебнаго раздѣла* налагается на все наслѣдственное имущество *запрещеніе и берется оное, смотря по званію умершаго въ управленіе дворянской опеки, или сиротскаго суда, отъ коихъ определяются опекуны; а сверхъ того со всего имущества взимается 6% въ пользу приказа общ. призрѣнія той губерніи, въ которой находится имущество, на счетъ тѣхъ, кои такому замедленію были причиною*. Такія предписанія закона явно доказываютъ стремленіе законодательства ввести у насъ *раздѣлъ полюбовный* и сколь возможно ограничить *судебный* раздѣлъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, главное начало, котораго держатся отечественные законы относительно раздѣла наслѣдства, слѣдовательно и критическую оцѣнку надо начинать по этому вопросу не иначе, какъ при обращеніи полнаго вниманія на приведенное начало. Если поэтому законодательство старается ограничить случаи *судебнаго раздѣла*, то можно объяснить себѣ, почему оно не начертываетъ подробныхъ постановленій относительно этого раздѣла и не предписываетъ мѣръ, его облегчающихъ, напр., не назначаетъ экспертовъ. Далѣе мы не можемъ объяснить, на какомъ основаніи авторъ полагаетъ, что законъ требуетъ, чтобы наслѣдственное имѣніе *непрѣмьно* было раздѣлено на части. Напротивъ того, по ст. 1313-й, наслѣдники, когда ихъ осталось два или болѣе, могутъ, буде того пожелаютъ, остаться въ общемъ владѣніи наслѣдственнымъ имуществомъ, и въ семъ случаѣ примѣняются къ нимъ всѣ правила о правѣ собственности общемъ, изложенныя въ статьяхъ 543—555 т. X. Наконецъ авторъ несправедливо полагаетъ, что въ нашемъ законодательствѣ не принято двухъ самыхъ вѣрныхъ и легкихъ способовъ допускаемыхъ другими законодательствами въ случаѣ затруд-

тельности раздѣла имѣнія на части: продажи имѣнія съ удовлетвореніемъ наслѣдниковъ вырученными деньгами, или предоставленія одному изъ наслѣдниковъ удержать имѣніе за собою, съ обязанностию удовлетворить другихъ денежными выдачами. Надѣмся, что г. Владиславлевъ не можетъ указать ни одной статьи закона, гдѣ бы запрещалась для наслѣдниковъ та, или другая мѣра; напротивъ того мы можемъ указать статьи, дающія право сказать, что и та и другая мѣра допущены закономъ; именно въ ст. 555-й сказано: имѣніе, состоящее въ общемъ владѣніи многихъ лицъ, не можетъ быть отчуждено однимъ изъ нихъ безъ согласія всѣхъ; но каждый соучастникъ можетъ продать, или заложить то, что на часть его изъ общаго причитается (свой жеребій), съ тѣмъ однакоже, что прочимъ соучастникамъ, если не захотятъ они допустить до выдѣла той части, предоставляется сохранить оную за собою, заплативъ за нее деньгами по оцѣнкѣ (*). Изъ этой статьи мы вправѣ заключить, что одинъ изъ наслѣдниковъ, въ случаѣ согласія прочихъ, можетъ приобрести все имѣніе, заплативъ имъ за ихъ части и наконецъ, что, съ общаго согласія, наслѣдники могутъ продать имѣніе и раздѣлить между собою вырученныя деньги. Слѣдовательно, употребленіе какъ той, такъ и другой мѣры предоставлено исполнѣ волѣ наслѣдниковъ; если же объ этихъ мѣрахъ не упомянуто въ главѣ о раздѣлѣ наслѣдства и особенно не предоставлено принятія одной изъ такихъ мѣръ суду, который производитъ раздѣлъ, то конечно потому, что судъ не имѣетъ права *продавать* имѣнія, когда наслѣдники хотятъ *раздѣлить* его.—Считаемъ, что этихъ замѣчаній достаточно для доказательства неврѣности взгляда г. Владиславлева на постановленія отечественнаго законодательства о раздѣлѣ наслѣдства.

Въ четвертой же книгѣ юридическихъ записокъ находимъ статью К. Д. О. «по поводу изданія журнала Министерства

(*) Ср. съ этимъ и ст. 1314.

Юстиціи». Замѣчанія автора на нашъ журналъ ограничиваются преимущественно указаніями на недостатки отдѣла судебной практики, и главнѣйше одного изъ примѣровъ, помѣщенного въ августовской книжкѣ журнала за 1859 годъ. Предполагая даже, что замѣчанія автора статьи относительно этого примѣра основательны, мы позволимъ себѣ только напомнить извѣстную нѣмецкую пословицу: *aller Anfang ist schwer*—и потому напрасно авторъ ограничился первыми книжками нашего журнала (хотя ко времени появленія 4 тома юрид. записокъ ихъ вышло около десяти). Дѣйствительно, почти вся статья его (стр. 192—236) посвящена разсмотрѣнію помянутаго примѣра, помѣщеннаго во 2-й книжкѣ журнала, именно отъ стр. 198—225; первые страницы статьи представляютъ какъ бы введеніе, а послѣдующія (226—235) представляютъ собою выписку изъ помѣщеннаго въ сентябрьской книжкѣ журнала процесса Рафаеля Феликса и предпосланныхъ этому процессу объяснительныхъ словъ относительно причинъ, побудившихъ помѣстить этотъ процессъ въ Журналъ Министерства Юстиціи. Весь результатъ такой обширной выписки состоитъ въ томъ, что К. Д. О. въ заключеніи ея говоритъ, что переводъ рѣчей адвокатовъ въ журналъ «переданъ нескладно». Въ заключеніи своей статьи авторъ говоритъ, что, подробнымъ разборомъ одного примѣрнаго рѣшенія онъ надѣялся доказать наглядно, что этотъ отдѣлъ Журнала Министерства Юстиціи не вполне достигаетъ своей цѣли въ той формѣ, въ какой нынѣ излагается. Къ этому авторъ присоединяетъ, что въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ онъ нашелъ улучшеніе въ изложеніи Высочайше утвержденныхъ рѣшеній государственнаго совѣта и комитета министровъ и что онъ съ большимъ вниманіемъ прочелъ извлеченіе изъ отчета Министерства Юстиціи. Поэтому, намъ кажется, авторъ поступилъ бы правильнѣе, если бы озаглавилъ свою статью: «по поводу процесса, помѣщеннаго въ сентябрьской книжкѣ Журнала Министерства Юстиціи;»—въ этомъ случаѣ статья

его была бы вѣрпа заглавію и не имѣла бы вида преждевременной нападки на первые опыты издашія, только что начавшаго свое существованіе.

За разсмотрѣнію статью слѣдуетъ статья г. Яневича-Яневскаго, подъ заглавіемъ: «Бентамъ и значеніе его въ области юрикополитическихъ наукъ».

Эта статья явилась въ то самое время, когда и въ нашемъ Журналѣ помѣщена была статья г. Кширима о Бентамѣ и его сочиненіяхъ. Общій характеръ и направленіе обѣихъ статей одинаковы. Какъ въ той, такъ и другой сообщаются свѣдѣнія лично о Бентамѣ и о его сочиненіяхъ. Какъ въ той такъ и въ другой статьяхъ, развивается со всею подробностію теорія Бентама и воззрѣнія его на разные вопросы права и политики. Поэтому, при всемъ несомнѣнномъ достоинствѣ статьи г. Яневича-Яневскаго, мы не будемъ излагать содержаніе ея, предполагая нашихъ читателей знакомыми уже съ Бентамомъ по статьѣ г. Кширима.

Въ заключеніе нашего обзора укажемъ на статью Карла Миллона, парижскаго адвоката: «о честности въ дѣлахъ коммерческихъ» и на весьма обстоятельное обзорніе юридической литературы (по юридической энциклопедіи) г. Рѣдкина.

Изъ нашего краткаго обзорнія 4 тома Юридическихъ записокъ видно, что журналъ этотъ обладаетъ несомнѣнными достоинствами, и намъ остается только желать, чтобы онъ чаще появлялся на пользу отечественной юридической науки.

Д. М.

рое вы прекратите этимъ средствомъ, вы положите начало тысячѣ несогласій.

3) Если семейный судъ имѣетъ только посредническое значеніе, то его учрежденіе не приноситъ никакой пользы. Нѣтъ надобности устанавливать то, что уже существуетъ въ дѣйствительности. А если ему предоставлена власть, то его рѣшенія непременно слѣдуетъ подчинить ревизіи, допустить на него апелляцію въ обыкновенный судъ; а въ слѣдствіе этого учрежденіе семейныхъ судовъ ни къ чему не ведетъ.

4) Семейный судъ не будетъ даже закрытымъ судомъ, потому что связать его присягой было бы самымъ недействительнымъ и самымъ опаснымъ средствомъ.

XXIII. ОБЪ ОДНОВРЕМЕННОЙ ЯВКѢ ТЯЖУЩИХСЯ ВЪ СУДЪ.

Явка обѣихъ сторонъ въ судъ при началѣ каждаго гражданскаго или уголовнаго процесса заимствована изъ семейнаго разбирательства. Когда отецъ семейства узнаетъ о ссорѣ между своими дѣтьми или служителями, то онъ не ожидаетъ письменныхъ жалобъ, не требуетъ вмѣшательства постороннихъ лицъ, не откладываетъ дѣла; онъ призываетъ поссорившихся, немедленно допрашиваетъ ихъ, отбираетъ показанія свидѣтелей и произноситъ приговоръ. Правда, что при такомъ простомъ порядкѣ дѣла оканчивались бы очень скоро, большая часть даже въ первомъ засѣданіи; но противъ такого порядка возстали бы живущіе ябедею.

Это первое сопоставленіе противныхъ сторонъ будетъ достаточно, чтобы прекратить тяжбы, основанныя на ошибкахъ, недоразумѣніяхъ, на неосновательномъ подозрѣніи; а такихъ тяжebныхъ дѣлъ много. Если несогласіе произошло отъ различнаго пониманія закона или для прекращенія его достаточно однихъ показаній самихъ сторонъ, то рѣшеніе можетъ быть постановлено немедленно. При обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства подобное же дѣло можетъ длиться мѣсяцы и годы.

Если дѣло не будетъ кончено при первой явкѣ тяжущихся, оно, по крайней мѣрѣ, разъяснится ихъ взаимнымъ соглашеніемъ во всѣхъ фактахъ, которыхъ ни та, ни другая сторона не оспариваютъ. Такимъ образомъ дѣло будетъ приведено въ простѣйшій видъ, будетъ освобождено отъ всего лишняго, занимающаго въ немъ болѣе мѣста, нежели сущность. Нѣтъ надобности въ показаніяхъ свидѣтелей о всѣхъ фактахъ, на счетъ которыхъ согласились тяжущіеся, а потому нѣтъ надобности въ излишнемъ производствѣ. Судъ, освѣщенный этимъ формальнымъ признаніемъ, прямо идетъ къ своей цѣли. Если данный случай допускаетъ примиреніе, то всего лучше устроить его въ это время; судья первый это посоветуетъ, потому, что между обязанностями посредника и обязанностями судьи нѣтъ никакого противорѣчія. Если требуется отсрочка, судья можетъ ее соразмѣрить съ дѣйствительною надобностью. Тотъ, кто проситъ объ отсрочкѣ, долженъ не только представить причину своего ходатайства, но и доказать ея основательность. При обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства отсрочки назначаются во всѣхъ случаяхъ, на томъ основаніи, что онѣ нужны въ нѣкоторыхъ. До тѣхъ поръ, пока тяжущіеся будутъ отдалены другъ отъ друга и отъ судьи, множество отсрочекъ будутъ неизбежны; ихъ можно давать и возобновлять подъ самыми ничтожными и даже явно вымышленными предлогами. Часто отсрочки назначаются въ такихъ случаяхъ, когда тяжущіеся не просили

бы о нихъ, если бы были спрошены.—Трудно сказать, сколько медленности и лишняго производства имѣть послѣдствіемъ упущеніе простаго и естественнаго средства, которое я предлагаю.

«Какъ!» скажутъ нѣкоторые, «неужели вы хотите, чтобы лица высшаго класса являлись въ судъ? Неужели даже ихъ слуги имѣютъ право ихъ туда вызывать? Развѣ время государственнаго человѣка, народнаго представителя, министра не также драгоценно для общества, какъ и для нихъ самихъ? Не будетъ ли приличнѣе освободить ихъ отъ такой тягостной и унижительной обязанности?»

Противъ этого я скажу то, что во всѣхъ странахъ, въ которыхъ неравенство доведено до высшей степени, лица, занимающія самое высокое положеніе, обязаны являться въ судъ въ качествѣ свидѣтелей. Развѣ для себя труднѣе явиться въ судъ, нежели для другаго? Если вельможа, имѣющій тяжбу, не явится въ судъ, то онъ долженъ объяснить свое дѣло стряпчему или адвокату; для этого же требуется не менѣе времени, нежели для того, чтобы отправиться въ судъ самому, а даже гораздо болѣе, потому что при послѣднемъ условіи можно скорѣе достигнуть до рѣшенія дѣла. Одновременная явка тяжущихся дѣлаетъ ненужною явку множества свидѣтелей и освобождаетъ дѣло, какъ я уже сказалъ, отъ всего посторонняго, приводитъ его въ простой видъ и весьма часто способствуетъ къ окончанію его любовною сдѣлкою.

Не такъ дѣлается въ Англии и во Франціи. Имѣющій тяжбу объясняетъ свое дѣло стряпчему, который составляетъ нужныя бумаги и передаетъ ихъ адвокату, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, т. е. чтобы узнать, какъ законъ разрѣшаетъ подобный случай. Адвокатъ, по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, смотря по своимъ занятіямъ, излагаетъ дѣло въ судѣ. Судья же, послѣ этого ряда предварительныхъ работъ, произноситъ приговоръ. Этотъ порядокъ, на-

добно сознаться, гораздо приятнее для техъ, которые его установили, нежели личная явка тяжущихся въ судъ; стряпчій и адвокатъ дѣлаются постоянно необходимы. А по моей системѣ надобность въ нихъ встрѣчается очень рѣдко.—Конечно, для судьи гораздо приятнее имѣть сношенія съ пріятелями, нежели съ лицами посторонними и разсматривать дѣла уже приведенныя въ порядокъ, нежели добиваться истины по несвязнымъ объясненіямъ тяжущихся (*).

Въ гражданскихъ дѣлахъ, когда одинъ изъ тяжущихся, надлежащимъ образомъ вызванный, не является въ судъ, не представляя законной причины своей неявки, производство дѣла не должно останавливаться; присутствующій тяжущійся и свидѣтели должны быть выслушаны. Но въ такомъ случаѣ, въ огражденіе интересовъ отсутствующаго тяжущагося, допросъ производится публичнымъ министерствомъ и судьей.—Рѣшеніе можетъ быть постановлено противъ отсутствующей стороны и можетъ быть приведено въ исполненіе съ принятіемъ предосторожностей, необходимыхъ для избѣжанія несправедливой несправедливости. Если въ слѣдующее засѣданіе отсутствовавшій тяжущійся явится, то ему дозволяется представить возраженія противъ всѣхъ показаній его противника; но предварительно разсматривается причина его неявки и изслѣдуется, не имѣлъ ли онъ намѣренія извлечь какую нибудь недозволенную выгоду изъ уничтоженія какого либо доказательства.

Должно предвидѣть тотъ случай, когда одинъ изъ тяжущихся можетъ опасаться, что его противникъ вовсе не хочетъ являться въ судъ. Во избѣжаніе этого, слѣдуетъ предоставить явившемуся въ судъ праву неожиданно отправиться къ его противнику и немедленно привести его въ судъ, а въ случаѣ сопротивленія употребить извѣстную степень принужденія. Такое право можетъ имѣть мѣсто въ случаѣ, когда отвѣтчикъ

(*) Объ исключеніяхъ изъ этого правила см. гл. 2 кн. III Preuves judiciaires.

вовсѣ неизвѣстенъ истцу, когда дѣло касается путешественника, проѣзжающаго чрезъ мѣсто нахождения суда безъ намѣренія въ немъ остаться или какого нибудь лица, готоваго отправиться въ дальнюю дорогу. Эта предосторожность можетъ быть также необходима въ уголовныхъ дѣлахъ большой важности, когда можно предполагать, что обвиненный воспользуется возможностью побѣга, чтобы скрыться отъ преслѣдованія правосудія.

У меня передъ глазами сочиненіе одного шотландскаго судьи (Гетчинсона), въ которомъ онъ представляетъ отчетъ дѣятельности судовъ, учрежденныхъ въ Шотландіи, для разбора денежныхъ претензій, не превышающихъ 5 ф. стерл. Онъ говоритъ, что около трехъ тысячъ дѣлъ ежегодно разрѣшаются въ каждомъ изъ этихъ судовъ; а во всемъ королевствѣ число ихъ можно полагать приблизительно слишкомъ въ пятьдесятъ тысячъ; большая часть изъ нихъ продолжаются менѣе получаса. Равномѣрно можно приблизительно полагать, что въ обыкновенномъ судѣ (court of session) рѣшается до четырехъ тысячъ пятисотъ дѣлъ ежегодно.

На какомъ основаніи дѣло о пяти ф. стерл. скоро и правильно рѣшается сокращеннымъ порядкомъ, а дѣло о пятидесяти, ста, пяти стахъ ф. ст. требуетъ совершенно другаго порядка судопроизводства? Отчего въ дѣлѣ такой цѣнности не требуется личная явка тяжущихся? Причина очень простая, а именно та, что небольшія дѣла между небогатыми людьми не представляютъ никакой денежной выгоды для людей, занимающихся ходатайствомъ по дѣламъ; но тѣ дѣла, которыя превышаютъ 5 ф. ст., начинаютъ представлять нѣкоторую выгоду для казны и для дѣлопроизводителей. Эта причина не изъ тѣхъ, которыя открыто объявляютъ. Обыкновенно ссылаются на то, что дѣла бѣльшей цѣнности требуютъ болѣе искусства для ихъ разрѣшенія, что въ нихъ открытіе истины труднѣе, что большая сумма должна обратить на себя болѣе вниманія и что, наконецъ, такъ какъ въ цѣнныхъ дѣлахъ участвуютъ ли-

ца высшаго сословія, то ихъ нужно было избавить отъ безпокойства личной явки.

Вотъ какими слабыми, можно сказать, смѣшными доводами поддерживаютъ систему явки въ лицѣ стряпчихъ, ихъ письменныя сношенія между собою, этотъ обходный и извилистый путь, замѣнившій прямую дорогу всегда самую короткую и самую легкую.

Что значить это предполагаемое безпокойство, отъ котораго хотятъ избавить тяжущихся, въ сравненіи съ издержками, медленностью, неприя́тностями и затрудненіями всякаго рода, сопряженными съ порядкомъ судопроизводства въ обыкновенныхъ судахъ? Если дѣло состоитъ въ сбереженіи драгоценнаго времени высшаго класса общества, то слѣдуетъ замѣтить, что не менѣе требуется времени на частное объясненіе своего дѣла стряпчему, нежели на публичное его изложеніе въ судѣ. Скажутъ, можетъ быть, что человѣкъ изъ высшаго класса не захочетъ унизиться, являясь передъ противникомъ, принадлежащимъ къ нисшему сословію.

Но развѣ сообразно съ настоящею справедливостію обращать вниманіе на подобное тщеславіе? Горе тѣмъ судамъ, которые снисходятъ къ такому взгляду и позволяютъ оскорблять себя подобными предразсудками! Нельзя подчиниться подобному правилу, не отказавшись отъ перваго основанія справедливости—равенства передъ закономъ. Освободить высшій классъ отъ обязанности являться въ судъ,—значить дать ему привилегію надъ нисшимъ, который и безъ того имѣетъ много невыгодъ на своей сторонѣ.

Должно замѣтить, что Гетчинсонъ, излагая отчетъ о дѣятельности шотландскихъ судовъ для разбора маловажныхъ денежныхъ претензій, представляетъ, самъ того не зная, поразительное доказательство превосходства естественнаго судопроизводства, олицетвореннаго въ этихъ судахъ.—Онъ имъ приписываетъ всѣ качества, которыхъ можно желать; онъ видитъ

въ нихъ безкорыстіе, искренность, праводушіе, и говоритъ, что они постоянно внушаютъ общее довольство, общее довѣріе.

Можно ли тоже сказать о тѣхъ высшихъ судахъ, гдѣ дѣло, которое кончилось бы въ одинъ день при сокращенномъ порядкѣ, длится мѣсяцы, даже годы и часто теряется въ лабиринтѣ, не имѣющемъ выхода?

XXIV. О СРЕДСТВАХЪ ГЛАСНОСТИ.

По моему мнѣнію, гласность въ судахъ равносильна всѣмъ прочимъ мѣрамъ предосторожности, взятымъ вмѣстѣ. О ея важности, необходимости, благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ было такъ подробно изложено въ сочиненіи: «о доказательствахъ (*)», что мнѣ ничего не остается сказать о нихъ.

Предметъ этой главы состоитъ въ указаніи нѣкоторыхъ средствъ, которыми можно привлечь въ суды публику и особенно публику, принадлежащую къ образованному классу, способную слѣдить за дѣйствіями судьи, сравнивать ихъ съ предписаніями закона, оцѣнять его рѣшенія и распространять въ обществѣ здравыя понятія о предметахъ права. Дѣла извѣстныя, дѣла бѣльшей важности, которыя возбуждаютъ большой интересъ, не нуждаются ни въ какой помощи относительно гласности; трудность привлечь слушателей представляется только при дѣлахъ обыкновенныхъ.

Зала, назначенная для засѣданій, должна быть достаточ-

(*) *Traité des preuves judiciaires.*

но велика для помѣщенія двухъ-сотъ лицъ, независимо отъ пространства, занимаемаго судьями и лицами участвующими въ дѣлѣ. Суды въ Лондонѣ слишкомъ малы; но небольшое число помѣщающейся въ нихъ публики вполне вознаграждается ея качествомъ: она всегда состоитъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ юристовъ, ветерановъ на судебномъ поприщѣ. Десять подобныхъ свидѣтелей имѣютъ, конечно, болѣе вліянія на вниманіе и дѣйствія судьи, нежели двѣсти обыкновенныхъ. Но и число оказываетъ очевидное вліяніе, уже по одной вѣроятности, что въ этомъ числѣ могутъ встрѣтиться особенно способные люди. Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что масса обладаетъ особаго рода инстинктомъ, который вѣрно и скоро схватываетъ слабую сторону каждаго дѣла и въ поведеніи судьи открываетъ побудительныя причины его дѣйствій и отличительныя черты его характера.

Надежда имѣть болѣе обширный кругъ постоянныхъ слушателей, опытностью пріобрѣвшихъ познанія въ судопроизводствѣ, представляетъ значительное основаніе къ помѣщенію судовъ въ самыхъ населенныхъ городахъ, хотя бы черезъ это нарушалось географическое начало распредѣленія судовъ. Точно также публика, постоянно посѣщающая театръ, лучше судить о какой нибудь пьесѣ, нежели новые и неопытные зрители.

Для возвѣщенія публикѣ о положеніи дѣлъ, можно употреблять различныя средства; объявленія о времени ихъ доклада, выставленныя въ различныхъ мѣстахъ, могутъ обратить на себя вниманіе наряду съ афишками о зрѣлищахъ, менѣе поучительныхъ и менѣе полезныхъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ только добровольныхъ слушателей, а въ слѣдствіе этого и самая гласность становится дѣломъ случая. Нѣтъ-ли какой нибудь возможности имѣть достойныхъ и въ тоже время постоянныхъ посѣтителей судебныхъ засѣданій, какъ наприм. изъ лицъ, занимающихъ общественныя должности, имѣющихъ свободное время? Всего лучше,

мнѣ кажется, обязать къ посѣщенію судовъ духовенство. Въ окружныхъ судахъ могли бы по очереди выполнять эту обязанность приходскіе священники сосѣднихъ приходо́въ, и если нужно сохранить въ судебныхъ дѣлахъ присягу, которая возбуждаетъ столько сильныхъ возраженій (*), то этимъ лицамъ всего лучше можно предоставить приводить къ ней. Обязанность посѣщать какой нибудь судъ въ теченіи опредѣленнаго времени можетъ быть возложена на молодыхъ людей въ видѣ необходимаго условія для полученія должности, что, конечно, будетъ для нихъ весьма полезно. Какая школа можетъ лучше судебного мѣста служить къ образованію опытныхъ гражданъ, способныхъ обсуждать юридическіе вопросы и взвѣшивать человѣческія дѣянія на вѣсахъ правосудія. Въ Римѣ молодые люди изъ высшаго круга при началѣ своей общественной жизни поступали подъ руководство знаменитыхъ судей и юристовъ, посѣдѣвшихъ на судебномъ поприщѣ и получили ихъ примѣромъ.

Но въ судѣ можетъ присутствовать относительно очень небольшое число гражданъ, а потому для гласности необходима возможность печатать о происходящемъ въ судахъ. Я не говорю, чтобы нужно было на судью возлагать обязанность распорядиться печатаніемъ актовъ во всѣхъ процессахъ; это повело бы къ огромнымъ и бесполезнымъ издержкамъ, потому что публика не удостоила бы взглянуть на тысячную долю этого хлама. Достаточно предоставить право списывать протоколы; въ выборѣ же дѣлъ, которыя могли бы возбудить общій интересъ, можно положиться на журналистовъ или на самихъ тяжущихся. Искусство скорописанія въ Англіи уже давно, а во Франціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ доставило публикѣ развлеченіе и пользу, которыми немногія изъ другихъ государствъ имѣютъ счастье обладать. Народъ постоянно

(*) См. *Traité des preuves judiciaires*, кн. II, гл. 12.

слѣдить за отправленіемъ правосудія и поэтому не забываетъ, что законы постоянно дѣйствуютъ.

Должно ли дозволить тяжущимся обнародывать обстоятельства дѣла до его рѣшенія? Во Франціи это допускается, но въ Англіи запрещено изъ опасенія предубѣжденій между присяжными, опасенія основательнаго въ томъ случаѣ, когда такое обнародованіе имѣло бы мѣсто только съ одной стороны. Но гораздо сильнѣе говоритъ противъ такого права то, что оно было бы слишкомъ выгодно для богатыхъ и губительно для тѣхъ, которые не имѣли бы средствъ имъ воспользоваться. Послѣ этого остается рассмотреть, должно ли въ слѣдствіе этой случайной невыгоды жертвовать выгодною возбудить интересъ въ публикѣ въ то время, когда надежда, страхъ и любопытство достигаютъ высшей степени, что достаточно ручается за большое число читателей.

Гласность естественнымъ образомъ соединена съ блестящею внѣшностью отправленія правосудія, которая усиливаетъ вліяніе суда на общественное мнѣніе. Всѣмъ извѣстно, какъ внѣшніе признаки достоинства, украшенія, стража, костюмы, великолѣпніе помѣщенія дѣйствуютъ на воображеніе людей; и тѣ, которые ставятъ себя гораздо выше толпы, самые философы съ большимъ трудомъ избѣгаютъ этого впечатлѣнія. Внѣшность превращаетъ театръ во дворецъ, а актера въ короля. Объяснимъ ли этотъ повсемѣстный предразсудокъ, или нѣтъ, но фактъ неоспоримъ. Этимъ предразсудкомъ слишкомъ много пользовались для обмана людей; надобно употребить его и для ихъ пользы. Конечно, судья, окруженный блескомъ, не будетъ отъ этого болѣе непогрѣшимъ, но толпа будетъ болѣе расположена съ покорностію повиноваться его приговорамъ; самъ онъ будетъ болѣе уважать себя и не забудетъ, что гордиться своимъ званіемъ для него добродѣтель; чѣмъ по наружности онъ будетъ выше обыкновенныхъ людей, тѣмъ болѣе свидѣтели будутъ бояться солгать въ его присутствіи. Великолѣпніе

мѣста и величіе лица, такъ сказать, пробуждаютъ и предостерегаютъ ихъ совѣсть.

Вотъ рядъ увлекательныхъ доводовъ въ пользу того мнѣнія, что судьямъ и всему ихъ окружающему слѣдуетъ придавать блестящую и торжественную внѣшность всѣми средствами и въ особенности такими, которыя наиболѣе дѣйствуютъ на страсти и воображеніе собравшейся массы.

Но болѣе зрѣлыя разсужденія требуютъ устраненія отъ судовъ и судей всякаго внѣшняго блеска, всякаго искусственнаго величія, всего, что не соотвѣтствуетъ торжественной простотѣ суда, который имѣетъ слишкомъ много дѣйствительнаго могущества, чтобы нуждаться въ помощи воображенія и страстей. По мѣрѣ того, какъ общественное мнѣніе просвѣщается, оно болѣе и болѣе пренебрегаетъ этою внѣшностью и стремится къ существенному. Величіе мѣста заключается въ его назначеніи быть храмомъ правосудія, достоинство судьи въ мудрости его приговоровъ.

Въ залѣ, достаточно обширной для помѣщенія по крайней мѣрѣ двухъ-сотъ сидящихъ зрителей, судья долженъ занимать отдѣльное и возвышенное мѣсто. Секретари должны сидѣть ниже судьи, но выше публики. Особенный костюмъ необходимъ. Мантія судьи, соотвѣтствующая его сану, должна быть достаточно пышна, чтобы скрыть могущія въ немъ быть природныя тѣлесныя недостатки. Эти недостатки могутъ скорѣе служить признаками способности человѣка, потому что, вообще говоря, чѣмъ скуднѣе надѣлила насъ природа, тѣмъ болѣе мы стремимся развивать способности отъ насъ зависящія. Но такое разсужденіе недоступно для толпы.—Обвиняемый долженъ находиться въ ложѣ, нѣсколько возвышенной; свидѣтели же противъ обвиняемаго и въ виду всего собранія.

Хорошія послѣдствія гласности могутъ быть усилены еще другимъ средствомъ, а именно поставленіемъ судьи въ обя-

занность приводить основанія своихъ рѣшеній. Весьма трудно даже для судьи, рѣшившагося на преступленіе, приводить въ виду многочисленнаго собранія неосновательные доводы для подкрѣпленія несправедливаго рѣшенія. Это было бы даже опасно, потому что ложныя разсужденія судьи могутъ навлечь на него сильное подозрѣніе въ нечестности и послужить основаніемъ къ формальному обвиненію его. И такъ, приведеніе основаній рѣшенія весьма важно для публики и для судьи.

Когда преступленіе сопровождалось смягчающими вину обстоятельствами, судья долженъ прежде объявить, какое наказаніе положено закономъ за преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь, и въ какой степени эти обстоятельства смягчаютъ вину; если ихъ нѣсколько, то онъ долженъ поименовать ихъ отдѣльно, указавъ при этомъ и измѣненія въ наказаніи, которыя они влекутъ за собою.—Тоже должно сказать и объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину.

Эти правила постановлены для того, чтобы руководить судью въ произнесеніи рѣшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ удерживать его отъ пристрастія. Когда обстоятельства, уменьшающія и увеличивающія вину, перемѣшаны, то многія изъ нихъ могутъ ускользнуть отъ вниманія судьи или публики. Гласностью и приведеніемъ основаній рѣшенія объясняется хорошая образъ дѣйствій англійскихъ верховныхъ судей. Если они лучшіе судьи въ свѣтѣ, то это потому, что они подчинены наилучшему надзору.

XXV. ОБЪ АПЕЛЛЯЦИОННЫХЪ СУДАХЪ.

Апелляція представляетъ нѣсколько важныхъ вопросовъ. Разсмотримъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1. Необходимы ли апелляціонные суды?
2. Какія неудобства они представляютъ и какія могутъ быть употреблены средства для устраненія этихъ неудобствъ?
3. Всѣ ли дѣла должны подлежать апелляціи?
4. Въ какихъ мѣстахъ апелляціонные суды должны быть учреждаемы?
5. Сколько должно быть апелляціонныхъ инстанцій?
6. Должно ли быть какое нибудь существенное различіе между судьями апелляціонныхъ судовъ и судьями судовъ 1-й степени?
7. Могутъ ли въ какихъ либо случаяхъ одни и тѣ же судьи соединять въ себѣ обязанности судовъ 1-й степени и апелляціонныхъ судовъ?
8. Въ какомъ численномъ отношеніи должны находиться суды 1 степени къ апелляціоннымъ судамъ?

Затѣмъ можно бы еще сдѣлать вопросъ: какимъ измѣненіямъ могутъ подвергаться рѣшенія суда 1-й степени въ апелляціонномъ судѣ? Но этотъ вопросъ болѣе относится къ судопроизводству.

1. *О причинахъ необходимости апелляціонныхъ судовъ.*

Апелляція представляетъ двоякую неоспоримую пользу:

1) какъ средство измѣнять несправедливыя рѣшенія, имѣющія основаніемъ или злой умыселъ, или невѣдѣніе, или ошибку, и 2), какъ средство предупреждать умышленно несправедливыя рѣшенія чрезъ отнятіе надежды ихъ исполненія. Разсматривать апелляціонныя суды, какъ учрежденіе только полезное, еще не значитъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ; они рѣшительно необходимы. Гласность представляетъ могущественную гарантію; отвѣтственность судей удерживаетъ ихъ въ надлежащихъ границахъ; но эти двѣ мѣры были бы недостаточны безъ апелляціи, которая составляетъ ихъ необходимое дополненіе. Гласность, отдѣльно взятая, ни къ чему не служитъ въ случаѣ несправедливаго рѣшенія, хотя имѣетъ важное значеніе для предупрежденія подобныхъ случаевъ; но при всей своей силѣ, какъ средство, устраняющее возможность несправедливости со стороны судьи, она нисколько не ограждаетъ отъ его невѣдѣнія или бездарности; она, безъ сомнѣнія, побуждаетъ къ упражненію и развитію способностей, но она не создаетъ ихъ. Даже въ отношеніи правдивости одна она, конечно, не была бы достаточною, чтобы сдѣлать человѣка недоступнымъ для искушеній. Страсти или посредствомъ искусныхъ софизмовъ могутъ поселить въ немъ надежду избѣжать порицанія со стороны общественнаго мнѣнія, или по своей необузданности могутъ сдѣлать его нечувствительнымъ даже къ стыду и сообщить ему смѣлость пренебрѣчь имъ; есть предметы соблазна, есть сокровища, въ сравненіи съ которыми самая репутація, по видимому, теряетъ свою цѣнность. Послужила ли гласность къ обузданію дѣйствій децемвира Клавдія? Не передъ лицомъ ли всего Рима онъ позволилъ себѣ приказать ликторамъ похитить Виргинію у ея отца?

Отвѣтственность судей, какъ бы велика она ни была, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, сама по себѣ, безъ права апелляціи, точно такъ-же недостаточна. Во первыхъ, она не имѣетъ никакого значенія въ отношеніи неумышленныхъ ошибокъ судьи, потому что подвергать судью отвѣтственности за такія ошибки, — значило бы въ сущности подвергать его отвѣтственности за то, что онъ держится по какому нибудь дѣлу другаго мнѣнія, нежели судья высшей инстанціи. Кто взялъ бы на себя опасную при такихъ условіяхъ обязанность апелляціоннаго судьи? Кто согласился бы подвергаться наказанію за недостаточность своихъ познаній или способностей? Но и въ отношеніи злаго умысла отвѣтственность есть мѣра весьма недостаточная и ненадежная. Случаи, въ которыхъ судья можетъ причинить много зла, не оставивъ слѣдовъ своей нечестности, могущихъ служить достаточными основаніями для наказанія его, неисчислимы. И какъ часто недобросовѣстность была бы оставляема ненаказанною изъ опасенія подвергнуть наказанію невинную или извинительную ошибку. Общественное мнѣніе идетъ еще далѣе: оно осуждаетъ дѣйствія, которыхъ законъ не можетъ осудить, оно преслѣдуетъ раболѣпнаго или подкупнаго судью за предѣлы, въ которыхъ наказаніе можетъ имѣть мѣсто. Поэтому отвѣтственность по закону представляетъ весьма несовершенную мѣру; она удерживаетъ недобросовѣстность въ извѣстныхъ границахъ, побуждаетъ къ хитрости, къ уверткамъ, уменьшаетъ опасность, но не уничтожаетъ ее вполне. Прибавьте къ этому, что виновный, человекъ богатый, опасаясь потерять свое состояніе, можетъ предложить судѣ часть этого состоянія, достаточную для избавленія его отъ угрызений совѣсти и отъ наказанія, давая ему средство оставить отечество и такимъ образомъ сохранить половину незаконно пріобрѣтеннаго состоянія, пожертвовавъ другою частью его. Правда, что это крайніе случаи, встрѣчающіеся довольно рѣдко, но не слѣдуетъ ни возставать противъ такихъ предположеній, ни воображать, что

каждый судья, особенно находящийся въ затруднительномъ положеніи, устоитъ противъ подобнаго искушенія. Какъ бы высоко ни цѣнились человѣческія добродѣтели, не слѣдуетъ подвергать ихъ такому испытанію.

При отсутствіи права апелляціи, суды, какъ бы они хороши ни были, заставляли бы трепетать передъ собою; мысль объ ихъ окончательномъ рѣшеніи наводила бы ужасъ. Частная несправедливость не можетъ быть опасна для спокойствія государства; но общее безпокойство, общее недовѣріе могутъ поднять бурю и все перевернуть вверхъ дномъ. Законодатель долженъ обращать особенное вниманіе на этотъ страхъ и вселять въ народъ глубокое чувство безопасности. Ничто такъ легко не производитъ этого благодѣтельнаго послѣдствія въ отношеніи судовъ, какъ право апелляціи.

2. Недостатки апелляціонныхъ судовъ и средства для ихъ устраненія.

Оправдать учрежденіе апелляціонныхъ судовъ можно только ихъ неоспоримою необходимостью, потому что съ другой стороны, не говоря уже объ издержкахъ на содержаніе большаго числа судей, это учрежденіе сопряжено съ издержками и медленностью для тяжущихся, а слѣдовательно съ лишними случайностями въ дѣлѣ суда.

Эти неудобства имѣли бы болѣе или менѣе мѣсто, если бы всѣ апелляціи были добросовѣстны; но, къ несчастію, допустивъ ихъ вообще, нѣтъ возможности исключить недобросовѣстныя, т. е. когда апелляторъ, очень хорошо зная, что онъ не правъ, имѣетъ только въ виду извлечь какую нибудь противузаконную выгоду. Апелляція можетъ служить средствомъ для продолженія дѣла, начатаго по злобѣ, для обремененія небогатаго противника издержками, для утомленія его заботами, отвлекающими отъ другихъ занятій, наконецъ, можетъ быть

употреблена, какъ средство воспользоваться обстоятельствами, благоприятными для незаконнаго умысла. Какое преимущество она предоставляет сильному передъ слабымъ!

Если разсмотрѣть, что дѣлалось подъ именемъ апелляціи въ большей части государствъ, то можно принять ее за остроумное изобрѣтеніе, имѣющее назначеніемъ препятствовать правосудію достигнуть цѣли, обманывать тяжущагося, который считалъ себя уже приставшимъ къ берегу и снова ввергать его въ бурное море. Но такъ какъ апелляціонныя суды необходимы, то слѣдуетъ только стараться по возможности уменьшать ихъ неудобства.

Изъ всѣхъ средствъ, которыя могутъ быть для этого употреблены, первое и самое дѣйствительное есть принятіе за основное начало, что апелляціонный судъ не можетъ полагать въ основаніе своего рѣшенія другихъ доказательствъ, кромѣ бывшихъ уже на разсмотрѣніи суда, на который подана апелляція. Это правило составляетъ, такъ сказать, необходимое слѣдствіе принятія апелляціи и ея опредѣленія. Апелляція предполагаетъ несправедливость или ошибку со стороны суда, рѣшеніе котораго обжаловано, потому что безъ такого предположенія для чего обращаться въ другой судъ? Просьба о вторичномъ разсмотрѣніи дѣла тѣмъ же судомъ была бы и умѣстнѣе, и дѣйствительнѣе, нежели апелляціонная жалоба. Судью нельзя бы было обвинять ни въ несправедливости, ни въ ошибкѣ только на основаніи того, что онъ не принялъ во вниманіе доказательствъ, которыя не были ему предъявлены. Съ присоединеніемъ какого нибудь доказательства къ тѣмъ, которыя онъ имѣлъ въ виду, его рѣшеніе могло бы быть совершенно другое.

При такихъ условіяхъ, рѣшеніе дѣла по апелляціи, противное первоначальному рѣшенію, подвергло бы порицанію судью, ни въ чемъ не виноватаго. Первоначальное рѣшеніе, даже справедливое, подвергалось бы отицѣнью.

Строгое примѣненіе этого правила представляетъ многія выгоды:

Во первыхъ, оно допускаетъ учрежденіе апелляціоннаго суда въ самомъ удобномъ мѣстѣ, не стѣсняясь разстояніями. Если бы нужно было представлять свидѣтелей изъ отдаленныхъ провинцій въ столицу для новаго вопроса ихъ, апелляція имѣла бы почти невыносимое неудобство; но когда нужно перевозить только бумаги, разстояніе не дѣлаетъ почти никакой разницы.

Во вторыхъ, принятіе вышеозначеннаго правила послужитъ къ значительному сбереженію времени и денегъ, потому что устраняетъ медленность и издержки, сопряженныя съ новымъ вопросомъ свидѣтелей. Документы будутъ доставляться по почтѣ изъ одного суда въ другой бесплатно, а всѣ необходимыя издержки ограничатся платою за снятіе копій, если апелляторъ не пожелаетъ самъ взять на себя этотъ трудъ.

Въ третьихъ, оно дозволяетъ апеллировать только на окончательное рѣшеніе. Это условіе устраняетъ всѣ апелляціи на частныя опредѣленія, совершенно бесполезныя, потому что если бы, не смотря на эти частныя опредѣленія, окончательное рѣшеніе было постановлено въ пользу апеллятора, то его жалоба ни къ чему не послужила бы и только замедлила бы успѣшное окончаніе дѣла. Когда состоится противъ кого либо изъ тяжущихся окончательное рѣшеніе, тогда настаетъ для него время принести апелляцію, которая замѣняетъ собою двадцать жалобъ на частныя опредѣленія. Впрочемъ, если бы въ теченіи производства дѣла было постановлено частное опредѣленіе, могущее имѣть послѣдствіемъ неисправимый вредъ, напримѣръ, потерю безусловно необходимаго доказательства, то жалоба на это опредѣленіе должна быть допущена, потому что такое частное опредѣленіе, очевидно, должно быть разсматриваемо, какъ окончательное.

Но есть случай, въ которомъ это основное начало, по

которому не допускается въ апелляціонномъ судѣ никакое новое доказательство, не можетъ быть примѣняемо.—Это именно тотъ случай, когда жалоба приносится на разрѣшеніе дѣла при недостаточности доказательствъ, т. е. на то, что нѣкоторыя доказательства, которыя апелляторъ считаетъ необходимыми для правильнаго разрѣшенія дѣла, не были въ виду суда, что рѣшеніе основано на недостаточныхъ данныхъ. Если бы апелляціонный судъ не принялъ другихъ доказательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя служили основаніемъ для первоначальнаго рѣшенія, на которое принесена жалоба, то его рѣшеніе было бы несправедливо. Въ этомъ случаѣ апелляціонный судъ можетъ выбрать только одно изъ слѣдующихъ трехъ средствъ: онъ можетъ непосредственно самъ разсмотрѣть новыя доказательства, поручить это суду, невыполнившему своей обязанности, или передать дѣло въ другой судъ.

Первое изъ этихъ средствъ чрезвычайно неудобно и опасно. Примѣненіе его измѣняетъ характеръ апелляціонныхъ судовъ, которые въ этомъ случаѣ присвоиваютъ себѣ обязанности судовъ 1-й степени. Необходимо будетъ увеличить ихъ число, чтобы сблизить ихъ съ различными судами 1-й инстанціи. Но самое большое зло, производимое этимъ присвоеніемъ апелляціонными судами обязанностей судовъ 1-й степени, заключается въ томъ, что оно предоставляетъ имъ неограниченную власть, такъ какъ тяжущіеся не могутъ болѣе воспользоваться правомъ апелляціи.

Второе средство было бы хорошо въ томъ случаѣ, когда судья, на котораго принесена жалоба, виноватъ въ совершенно неумышленной ошибкѣ; но если его проступокъ произошелъ отъ недоброжелательства, отъ упрямства, отъ пристрастія, отъ своеправія, то пересмотръ дѣла тѣмъ же судомъ не представляетъ достаточной гарантіи.

Поэтому остается прибѣгнуть къ третьему средству, т. е. возложить пересмотръ дѣла на судъ сосѣдняго округа.

Польщенный этимъ выборомъ, который ставитъ его въ выгодномъ свѣтъ, и побуждаемый чувствомъ соперничества, онъ будетъ стараться отличиться.

Мы видѣли, насколько постоянное примѣненіе правила, предложеннаго мною, какъ основаніе апелляціи, уменьшаетъ сопряженныя съ нею издержки; затѣмъ намъ остается указать тѣ средства, которыми можно предупредить недобросовѣстныя апелляціи. Въ гражданскихъ дѣлахъ представляется три такихъ средства:

1) Немедленно приступить къ исполненію рѣшенія, не стѣняясь апелляціей, но истребовавъ предварительно отъ выигравшей стороны обезпеченіе, по цѣнѣ равносильное спорному предмету, на случай уничтоженія апелляціоннымъ судомъ рѣшенія нисшаго суда.

2) Налогать на апеллятора, жалоба котораго будетъ признана недобросовѣстною, обязанность вознаградить его противника за всѣ издержки, сопряженныя съ апелляціоннымъ производствомъ дѣла и даже за потерянное время. Это вознагражденіе можетъ быть болѣе или менѣе значительно по усмотрѣнію апелляціоннаго суда.

3) Дозволять апеллятору вести дѣло черезъ адвоката не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ въ то же время нанялъ адвоката и для своего противника. Это требованіе могло бы не имѣть мѣста, когда состояніе апеллятора значительно меньше состоянія его противника.

Справедливость требуетъ, чтобы обѣ тяжущіяся стороны равномѣрно пользовались выгодною вести дѣло посредствомъ способныхъ адвокатовъ, чтобы богатому человѣку не было предоставлено болѣе средствъ къ судебной защитѣ, нежели бѣдному, который не имѣлъ бы надобности подвергаться новому процессу послѣ рѣшенія дѣла судомъ 1-й инстанціи въ его пользу. Въ то же время справедливость требуетъ, чтобы и вознагражденіе за одинаковую работу было одинаково, по-

тому что адвокаты обѣихъ сторонъ должны разсматривать одни и тѣ-же акты.

Вообще, можно считать пятьдесятъ недобросовѣстныхъ апелляцій со стороны отвѣтчиковъ на одну со стороны истца. Отвѣтчикъ ничего не выигрываетъ рѣшеніемъ суда 1-й степени, а можетъ все потерять. Получивши указъ суда, онъ уклоняется отъ его исполненія; онъ изыскиваетъ всевозможныя увертки въ свою пользу, и часто представляется необходимымъ употребить противъ него принудительныя мѣры. Если же онъ рѣшается противиться рѣшенію, уже состоявшемуся, то тѣмъ скорѣе употребить всѣ усилія, чтобы предупредить имѣющее состояться, если только законъ не противопоставитъ этому естественному побужденію взысканія съ него всѣхъ издержекъ, причиненныхъ его недобросовѣстностію. Истецъ же только и можетъ надѣяться на рѣшеніе дѣла судомъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи своихъ имущественныхъ выгодъ. Но кромѣ стремленія къ пріобрѣтенію, человѣкомъ могутъ руководить и другія страсти; желаніе помучить своего врага можетъ служить достаточнымъ побужденіемъ къ поддержанію несправедливыхъ требованій, къ упорству въ продолженіи тяжбы по гордости или по ненависти. Если бы законъ въ это не вмѣшался, бѣдный человѣкъ находился бы во власти своего богатаго противника. Истративъ тысячную часть своего состоянія, богачъ можетъ совершенно раззорить бѣдняка, не подчиняющагося какому нибудь его капризу и за такую незначительную цѣну можетъ удовлетворить чувству мщенія, ненависти или страсти господства.—Англійскіе законы, обременивъ судопроизводство неумѣренными издержками, дали, конечно, каждому богатому человѣку средства притѣснять нисшіе классы народа. Эти гнусныя злоупотребленія, примѣровъ которыхъ и безъ того уже слишкомъ много, пошли бы гораздо далѣе, если бы не встрѣтили спасительной преграды въ свободѣ печати, этой священной силѣ, предупреждающей множество золъ, обь искорененіи которыхъ даже не ду-

маеть. Да держится многія дѣла эта твердыня противъ нападеній, на нее направленныхъ, и да сохранится, не смотря на угрозы, потрясенія и поврежденія, до тѣхъ поръ, пока болѣе просвѣщенные законодательства подадутъ ей руку помощи!

3. Въ какихъ именно дѣлахъ должно допускать апелляцію?

Мой отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ: во всѣхъ. Да, во всѣхъ, пока мнѣ не укажутъ хотя одно такое дѣло, въ которомъ не можетъ быть ошибки или злоупотребленій. Если во всѣхъ дѣлахъ можетъ быть ошибка или злоупотребленіе, то въ каждомъ дѣлѣ должно предоставить возможность ихъ исправленія.

Допуская различіе между дѣлами подлежащими и дѣлами не подлежащими апелляціи, приняли въ основаніе *важность* и *трудность* дѣлъ. Чѣмъ важнѣе какое нибудь дѣло, тѣмъ значительнѣе зло, происходящее отъ неправильнаго рѣшенія его; чѣмъ труднѣе дѣло, тѣмъ неправильное рѣшеніе вѣроятнѣе.

Эти основанія не лишены значенія; но они, по моему мнѣнію, не должны имѣть вліянія на отказъ въ правѣ апелляціи.

Важность гражданскихъ дѣлъ подлежитъ большимъ измѣненіямъ, но эти измѣненія не могутъ быть опредѣлены рѣзкими границами. Если раздѣлить дѣла по классамъ, то не найдется ни одного такого класса, который не представлялъ бы отдѣльныхъ дѣлъ большой важности. На чемъ должно здѣсь основываться раздѣленіе? Всего легче различать дѣла по цѣнности ихъ предметовъ. Но въ этомъ случаѣ обыкновенный способъ исчисленія, какъ уже было замѣчено, оказывается совершенно недостаточнымъ: здѣсь важность зависитъ не отъ суммы, а отъ средствъ тяжущихся. Если тяжущійся милліонеръ, то 500,000 франк. составляютъ только половину его состоянія и служатъ для него только излишкомъ; между тѣмъ,

какъ для поденщика, живущаго 300 франк. въ годъ, 50 франк. составляютъ шестую часть его дохода и служатъ на удовлетвореніе его необходимыхъ потребностей. И такъ, очевидно, что если тяжба о большой суммѣ нуждается въ апелляціи, то тяжба о незначительной суммѣ нуждается въ ней еще болѣе. Правда, что когда дѣло идетъ о значительныхъ суммахъ, то справедливость судьи подвержена болѣе сильному искушенію; но для подобной опасности нѣтъ опредѣленной границы; нельзя опредѣлить цѣнность, при которой искушеніе не имѣло бы никакой силы. Кромѣ того, пристрастіе можетъ замѣнить собою корыстолюбіе. Я представляю себѣ судью окружнаго суда, имѣющаго право рѣшать безъ апелляціи дѣла до 10 эю, маленькимъ деспотомъ среди жителей селенія, имѣющимъ своихъ льстецовъ и любимцевъ, и могущимъ даже неумышленно употребить свою власть для удовлетворенія своимъ личнымъ страстямъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ точно такъ-же трудно опредѣлить степень важности. Въ дѣлахъ о личныхъ обидахъ степень важности столько же зависитъ отъ лицъ, сколько отъ самой обиды. Ударъ кулакомъ, полученный кучеромъ отъ кучера, — бездѣлица; выраженіе же презрѣнія, хотя жестомъ, между военными считается оскорбленіемъ. Одинъ и тотъ же фактъ считается ничтожнымъ, если онъ произошелъ безъ умысла, и поднимаетъ тревогу, если онъ сопровождался этимъ обстоятельствомъ. Это — признакъ страсти, которая можетъ сдѣлаться источникомъ обидъ, если не будетъ подавлена. Отказать обиженному, недовольному рѣшеніемъ нисшаго суда, въ правѣ апелляціи, — значить отдать его на жертву частной мести. И какая недалновидная политика — изъ за отвращенія къ процессамъ отказывать въ разбирательствѣ нанесенныхъ оскорбленій, пока они не достигнутъ зрѣлости преступленія.

Трудность не есть достаточное основаніе для этого раздѣленія. Пограничная черта между трудными и легкими дѣлами не яснѣе, нежели между дѣлами важными и неважными. Все зависитъ отъ частныхъ случаевъ. Трудность можетъ про-

взойти отъ закона, если онъ не ясенъ или заключаетъ въ себѣ двусмысленности; но этой трудности нельзя преувѣдѣть; въ противномъ случаѣ ее уничтожили бы. Затрудненіе можетъ встрѣтиться при разрѣшеніи фактическаго вопроса, если нѣкоторые свидѣтельскія показанія противорѣчатъ одно другому, или нѣкоторые другія доказательства приводятъ къ противоположнымъ заключеніямъ; но нѣтъ возможности заранее опредѣлить, какія дѣла представляютъ такія трудности и какія будутъ отъ нихъ свободны.

Законодатели руководились хорошою цѣлью при ограниченіи права апелляціи: они хотѣли избѣжать медленности и лишннихъ издержекъ. Но при болѣе совершенномъ судопроизводствѣ эти два неудобства, какъ мы уже видѣли, могутъ быть доведены до самой незначительной степени; они также составляютъ зло, но это зло достаточно вознаграждается хорошими послѣдствіями, происходящими отъ предоставленія всеѣмъ тяжущимся защиты апелляціи, противъ ошибокъ, предубѣжденій и злоупотребленій судовъ 1-й ступени (*).

4. Мѣсто нахождения апелляціонныхъ судовъ.

Апелляціонные суды не должны находиться въ каждомъ округѣ. Всѣ апелляціи должны сходитьса со всехъ частей государства къ одному общему центру, и этимъ центромъ должна быть столица.

(*) Слѣдуетъ также рассчитывать на здравый смыслъ тяжущихся, которые сумѣютъ разсчитывать, во что имъ обойдется переносъ дѣла въ высшую инстанцію, принимая во вниманіе потерю времени, переѣзды, издержки въ судѣ. Если дѣло идетъ о незначительной суммѣ, они сообразятъ, что ничего не выиграютъ, даже выигравши дѣло, потому что выигрышъ пойдетъ на покрытіе судебныхъ издержекъ. Не слѣдуетъ лишать тяжущихся столь спасительнаго права и обходиться съ людьми, какъ съ малолѣтними, подъ предлогомъ охраненія ихъ отъ искушеній. Такой образъ дѣяствій можетъ завести слишкомъ далеко.

Въ столицѣ находится самая богатая, самая просвѣщенная часть націи. Здѣсь главное мѣсто пребыванія правительства, и вниманіе болѣе обращено на предметы политики и общественной пользы. Примите въ соображеніе смѣшеніе интересовъ и лицъ, различіе занятій и состояній, безпрестанныя перемѣны въ народонаселеніи столицы, случайное стеченіе въ ней жителей изъ всѣхъ провинцій, — вы увидите въ столицѣ представительницу всего государства. Пристрастіе частныхъ лицъ имѣетъ здѣсь меньше силы, мѣстное пристрастіе неизвѣстно; въ такой большой толпѣ при столь частыхъ перемѣнахъ смежность не составляетъ сосѣдства; встрѣчаются, не зная другъ друга, живутъ подъ одной крышей, не имѣя сообщеній. Въ слѣдствіе этого здѣсь общественное мнѣніе болѣе обширно, болѣе независимо, болѣе сильно по своему влиянію; многочисленность небольшихъ кружковъ препятствуетъ господству одного надъ другими; какое нибудь лицо, пользовавшееся большимъ значеніемъ въ провинціи по своему званію или состоянію, теряется во множествѣ соперниковъ. Частныя лица здѣсь менѣе замѣтны, государственные люди болѣе на виду, а что всего важнѣе, дѣйствія ихъ подвергаются критикѣ болѣе свободныхъ и болѣе способныхъ зрителей.

Учредите въ столицѣ столько апелляціонныхъ судовъ, сколько требуетъ необходимость; одно любопытство будетъ привлекать въ нихъ достаточное количество публики, и это количество будетъ всегда пропорціонально важности дѣла. Но какое бы дѣло ни слушалось, судья постоянно находится подъ контролемъ собранія людей, способныхъ хорошо взвѣсить его дѣйствія.

Другое основаніе къ помѣщенію всѣхъ апелляціонныхъ судовъ въ одномъ общемъ центрѣ заключается въ томъ, что нѣтъ болѣе вѣрнаго и болѣе простаго средства поддерживать однообразіе рѣшеній. Учредите нѣсколько апелляціонныхъ судовъ на большемъ разстояніи одинъ отъ другаго и скоро обнаружится, что толкованія ими законовъ будутъ нѣсколько

различаться; это различіе будетъ постоянно увеличиваться и мало по малу возникнутъ противорѣчія въ примѣненіи законовъ въ различныхъ частяхъ государства. Какой нибудь законъ о собственности въ Орлеанѣ объясняется такъ, а въ Бордо иначе. Различное же примѣненіе законовъ влечетъ за собою неопредѣленность права собственности, уничтожаетъ отличительную черту законовъ.

Однообразіе соединяетъ въ себѣ всѣ выгоды. Если вы хотите, чтобы законъ господствовалъ, чтобы его легко можно было знать, чтобы ему могли повиноваться, наблюдать за его исполненіемъ и улучшать его, то необходимо, чтобы онъ былъ однообразенъ. Для сохраненія же этого однообразія необходимо, чтобы всѣ апелляціонные суды находились въ одномъ мѣстѣ, чтобы они могли безпрестанно сравнивать свои дѣйствія и чтобы, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, въ нихъ не образовывались особенные обычаи. Неписанные законы не могутъ имѣть ни однообразія, ни твердости; но это неудобство, истекающее изъ самаго существа такого порядка, было бы несравненно значительнѣе въ Англіи безъ соединенія всѣхъ судовъ въ столицѣ. Это счастливое обстоятельство предупредило большую часть злоупотребленій, неразлучныхъ съ неписанными законами, и поддержало возможное въ ихъ системѣ однообразіе.

Многіе противъ этого возразятъ, что отдаленныя провинціи будутъ подвержены многимъ невыгодамъ. Но разсмотримъ ближе эти невыгоды. Въ гражданскихъ дѣлахъ онѣ вовсе не имѣютъ мѣста, если принято правило, что *рѣшеніе приводится въ исполненіе, не смотря на апелляцію*. Въ дѣлахъ уголовныхъ проходитъ болѣе времени между совершеніемъ преступленія и наказаніемъ, но это не дѣлаетъ вреда, особенно когда увеличеніе этого промежутка времени имѣетъ цѣлью болѣе вѣрное обсужденіе преступленія.—Если же рѣшеніе состоялось слишкомъ поспѣшно или если народъ находился подъ вліяніемъ

извѣстнаго увлеченія, которому даютъ время простыть, то этотъ промежутокъ приноситъ очевидную пользу.

5. О числѣ апелляціонныхъ инстанцій.

Апелляція можетъ быть допущена только одинъ разъ въ каждомъ дѣлѣ. Апелляціонное рѣшеніе должно быть окончательное, должно положить конецъ какъ всякому опасенію, такъ и всякой надеждѣ. Если, основываясь на возможности нѣсколькихъ ошибокъ, слѣдующихъ одна за другою, вы допустите, напр., двѣ апелляціонныя инстанціи, то что изъ этого выйдетъ? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вы успокоите общественное мнѣніе, въ другихъ же сдѣлаете его еще болѣе шаткимъ. Хорошо, если обѣ апелляціонныя инстанціи будутъ согласны въ уничтоженіи рѣшенія нисшаго суда. Если 2-й апелляціонный судъ согласится съ нисшимъ судомъ, то все таки вы имѣете силу двухъ рѣшеній противъ одного. Но предположите тотъ случай, когда рѣшеніе, постановленное судомъ 1-й инстанціи и принятое первымъ апелляціоннымъ судомъ, будетъ уничтожено вторымъ апелляціоннымъ судомъ. На какую сторону склонится тогда общественное мнѣніе. Съ одной стороны является авторитетъ числа, съ другой авторитетъ власти. Кто рѣшитъ, которому изъ нихъ принадлежитъ первенство?

И такъ, двѣ апелляціонныя инстанціи имѣютъ то большое неудобство, что влекутъ за собою шаткость судебныхъ рѣшеній, не увеличивая чувства общественной безопасности. Въ апелляціонномъ судѣ, находящемся въ столицѣ, вы имѣете самыя благопріятныя условія для правильности рѣшеній: лучшую публику, лучшихъ судей, лучшихъ адвокатовъ и все, что можетъ служить гарантіею способности и честности. Чего можно желать болѣе? Человѣческая предусмотрительность не можетъ идти далѣе. Новая апелляціонная инстанція не представляетъ лучшей гарантіи.

Кромѣ того, всякая апелляціонная инстанція влечетъ за собою новыя издержки, новое замедленіе, даетъ новое преимущество богатому передъ бѣднымъ, подвергаетъ право опасности новыхъ случайностей.

Комитетъ Учредительнаго Собранія предположилъ установить шесть степеней апелляціи для общихъ дѣлъ. Послѣ того, какъ дѣло уже было начато въ окружномъ судѣ, оно могло перейти слѣдующій путь для того, чтобы достигнуть конца:

1. Оно шло въ примирительный судъ округа.
2. Возвращалось въ окружной судъ.
3. Потомъ снова въ примирительный судъ.
4. Оттуда переходило въ департаментскій судъ.
5. Изъ этого суда въ третій разъ шло въ примирительный судъ.
6. Потомъ въ высшій судъ.
7. Оттуда, наконецъ, въ верховный ревізійный судъ.

Отвѣтчикъ, желавшій только утомить своего противника, могъ осаривать его требованія во всѣхъ этихъ инстанціяхъ, хотя бы цѣна спорнаго предмета не превышала 250 франковъ.

Диспоръ представилъ въ опроверженіе этого проекта свой проектъ, цѣлью котораго была простота. Онъ, противникъ апелляціи, но допускаетъ столько же судебныхъ инстанцій подъ условіемъ, чтобы ихъ не называли апелляціонными; онъ одобряетъ учрежденіе кассационныхъ и ревізійныхъ судовъ; онъ въ восторгѣ отъ примирительныхъ судовъ; окончательное рѣшеніе онъ предоставляетъ верховнымъ судьямъ, но лишь послѣ трехъ рѣшеній въ ассизахъ. И такъ, у него простота только въ предисловіи, а въ системѣ таже сложность.

Я говорю объ этихъ ошибочныхъ мнѣніяхъ не для того, чтобы порицать эти первоначальныя законодательныя начертанія, ни для того, чтобы выставить неразвитость законовѣдѣнія въ то время, но для того, чтобы показать, съ какимъ трудомъ при-

ходить къ простотѣ и ограничиваются необходимымъ. Въ этихъ попыткахъ можно также видѣть магическую силу словъ. Какъ человѣческой умъ склоненъ соглашаться подъ однимъ названіемъ на то, что осуждаетъ подъ другимъ. Заговорите о семи апелляціонныхъ инстанціяхъ,—все скажутъ, что эта система не имѣетъ смысла; прикройте ее какой нибудь маской,—никто ее не узнаетъ.

6. О судьяхъ апелляціонныхъ судовъ.

Судьями въ апелляціонныхъ судахъ должны быть люди, пользующіеся высшею степенью довѣрія въ кругу своихъ товарищей, и это довѣріе можетъ быть выказано только двумя способами: продолжительною службою судьи, которая составляетъ только признакъ довѣрія къ нему, и частыми избраніями, составляющими положительное доказательство.

И такъ, судья апелляціоннаго суда долженъ быть избираемъ не изъ лицъ, качества которыхъ еще неизвѣстны, а изъ судей судовъ 1-й инстанціи, по тѣмъ же правиламъ избранія и съ тѣми же предосторожностями. Какія могутъ быть лучшія доказательства его достоинствъ? Онъ—избранный изъ избранныхъ; его дарованія, добродѣтели, характеръ испытаны временемъ; общественное мнѣніе два раза выразилось въ его пользу. Съ увеличеніемъ значенія должно быть увеличено и жалованье. Здѣсь я смотрю на увеличеніе жалованья, только какъ на средство для большаго охраненія честности отъ искушенія и для увеличенія значенія самаго мѣста. Кромѣ того, мы уже видѣли, что каждое повышеніе дѣлаетъ трудныя обязанности судьи суда 1-й степени болѣе привлекательными.

Что же касается до числа судей апелляціонныхъ судовъ, то нѣтъ вѣрныхъ данныхъ, по которымъ можно бы было заранѣе опредѣлить его. Слѣдуетъ начать съ малаго числа,

опредѣленнаго наудачу, и увеличивать его по мѣрѣ надобности.

Но я полагаю, что система сокращеннаго судопроизводства послужитъ къ чрезвычайно быстрому движенію дѣлъ и къ такой простотѣ, которая лишитъ ябеду ея главной помощи, а апелляцію—ея самой сильной соблазнительной стороны; нѣкоторыя же денежные взысканія за недобросовѣстныя апелляціонныя жалобы будутъ въ большой степени содѣйствовать къ уменьшенію ихъ числа.

7. Апелляціонныя суды не должны быть соединяемы съ судами 1-й инстанціи.

Эта глава прибавлена для бѣдшей предосторожности, потому что, когда приходится нападать на старые обычаи, сколько бы ни было сказано, все кажется слишкомъ недостаточно. Часто одному и тому-же суду давали двойное назначеніе. Если два суда могутъ быть въ отношеніи одинъ къ другому апелляціонными, то не представляется никакой пользы апеллировать отъ одного къ другому, потому что общество считаетъ ихъ равными: ничто не внушаетъ болѣе довѣрія къ А, нежели къ Б., и рѣшеніе перваго не внушаетъ болѣе уваженія, нежели рѣшеніе втораго; они могутъ впасть въ однѣ и тѣ же ошибки, могутъ имѣть одни и тѣ же предрасудки. Ихъ взаимная зависимость побуждаетъ ихъ ко взаимной снисходительности и эта зависимость можетъ повести къ установленію такихъ отношеній, что апелляція сдѣлается пустою церемоніей. Если нѣтъ взаимности, т. е. если апелляціонное разсмотрѣніе дѣла предоставлено тому же суду, который рѣшилъ его въ качествѣ суда 1-й инстанціи, то это поведетъ къ чрезмѣрному накопленію дѣлъ въ этомъ судѣ, въ слѣдствіе чего онъ долженъ будетъ производить дѣла или съ слишкомъ большою поспѣшностію, или чрезвычайно медленно. Если мож-

но жаловаться въ какой нибудь судъ на его же рѣшеніе, то новое разсмотрѣніе имъ дѣла будетъ уже не апелляціоннымъ разсмотрѣніемъ, а пересмотромъ, который, какъ мы уже видѣли, во многихъ случаяхъ не представляетъ достаточной гарантіи.

Все, что не согласуется съ основнымъ правиломъ, неудобно. Раздѣленіе судовъ 1-й инстанціи отъ апелляціонныхъ судовъ, учрежденіе нисшихъ судовъ въ каждомъ округѣ, а апелляціонныхъ—въ столицѣ,—вотъ очень простая іерархія. Апелляціонный судъ имѣетъ рѣзкія отличительныя черты: постоянное и естественное превосходство, основанное на двукратномъ избраніи судьи, на долговременной его опытности, на явномъ безпристрастіи къ мѣстнымъ интересамъ, большую нравственную отвѣтственность, такъ какъ онъ дѣйствуетъ въ виду просвѣщенной публики, представляющей собою собраніе строгихъ судей надъ самыми судами. Мнѣ кажется, что такимъ образомъ устроенный апелляціонный судъ обладаетъ всѣми качествами, нужными для внушенія высшей степени довѣрія.

Кромѣ этого преимущества, учрежденіе апелляціонныхъ судовъ представляетъ возможность вознаграждать за хорошее исполненіе обязанностей въ судахъ нижней инстанціи. По этому предлагаемая мною система представляетъ три главныя ручательства въ правильности дѣйствій судовъ 1-й степени: виновный судья подвергается наказанію, неспособный удаляется отъ должности, отличившагося награждаютъ. Выполненіе ежедневныхъ однообразныхъ обязанностей, почти всегда поселяющее скуку и ведущее къ нерадѣнію, поддерживается почетомъ, соединеннымъ съ гласностію, и дѣлается привлекательнѣе черезъ надежду на повышение.

8. Историческій очеркъ.

У новыхъ народовъ апелляція не была установлена съ мудрой цѣлью—охранять отправленіе суда отъ погрѣшностей; необыкновенное увеличеніе числа ея степеней принадлежитъ временамъ феодализма. Каждый феодальный владѣлецъ хотѣлъ имѣть свой судъ; каждый сузеренъ хотѣлъ имѣть право высшаго суда; король же требовалъ права верховнаго пересмотра рѣшеній всѣхъ судовъ своего королевства. Апелляція составляла преимущество не подданнаго, а властителя; поэтому, въ германскомъ правѣ, въ которомъ до сихъ поръ сохранился первоначальный характеръ феодализма, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, освобожденіе отъ апелляціи составляетъ особенное преимущество князя, дарованное ему верховнымъ государемъ, и занимаетъ почетное мѣсто въ ряду отдѣльныхъ правъ, свидѣтельствующихъ о знатности княжескаго рода.

Въ законодательствахъ Греціи и Рима апелляція уже существуетъ, но, сколько мнѣ извѣстно, они допускаютъ только одну апелляціонную инстанцію. Разъясненіе вопроса о недопущеніи этими законодательствами болѣе одной апелляціонной инстанціи потребовало бы продолжительныхъ ученыхъ изслѣдованій; и къ чему повели бы они?

Чтобы дать точное понятіе о теоріи въ англійскомъ судопроизводствѣ, пужно бы было написать цѣлый томъ, который все таки былъ бы понятенъ только для юристовъ. Апелляція вообще не носитъ въ Англійи этого названія, а имѣетъ многія другія наименованія (*). Въ большей части случаевъ она вовсе не существуетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ три или четыре апелляціонныя инстанціи; такъ, напр., изъ мирнаго суда дѣло можетъ быть перенесено въ засѣданія мировыхъ судей, оттуда—въ судъ королевской скамьи; изъ суда обыкно-

(*) writes of error.—Motions to quash convictions.—Motions for new trials.

С176Г7

СПБГУ

000181986

ЮФ СПБГУ

СПбГУ

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналь Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: 1) за годовое изданіе съ января 1860 по январь 1861 года составляетъ, безъ пересылки и доставки, *шесть руб. сер.*, а съ пересылкою и доставкою на домъ *семь руб. пятьдесятъ копѣекъ сер.*, 2) за полугодовое изданіе съ іюля 1860 по январь 1861 года (для лицъ, подписавшихся прежде на годовое изданіе съ іюля 1859 по іюль 1860 года,) *три руб. сер.* безъ доставки, съ доставкою же *три руб. семьдесятъ пять коп. сер.*

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммисіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Завѣтнава.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое-либо свѣдѣніе благоволятъ обращаться въ Редакцію *Журнала Министерства Юстиціи.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ
ПРАВІТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 11-го августа 1860 года.
Цензоръ *Обертъ.*